

КИЕВСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ ТАРАСА ШЕВЧЕНКО
КИЇВСЬКИЙ НАЦІОНАЛЬНИЙ УНІВЕРСИТЕТ ІМЕНІ ТАРАСА ШЕВЧЕНКА

**ВРЕМЯ
В ЗЕРКАЛЕ НАУКИ**

**ЧАС
У ДЗЕРКАЛІ НАУКИ**

Часть 1

СПЕЦИАЛЬНЫЙ ВЫПУСК СБОРНИКА НАУЧНЫХ ТРУДОВ
«ГУМАНИТАРНЫЕ СТУДИИ»

СПЕЦІАЛЬНИЙ ВИПУСК ЗБІРНИКА НАУКОВИХ ПРАЦЬ
«ГУМАНІТАРНІ СТУДІЇ»

Издано при содействии научно-образовательного учреждения
ИрлЕМ (Институт Ритмологии Евдокии Марченко)

Видано за сприяння російської науково-освітньої установи
ІрлЄМ (Інститут Ритмології Євдокиї Марченко)

Киев
«Центр учебной литературы»
2010

УДК 125

Ч-24

Авторы опубликованных материалов несут полную ответственность за подбор, точность приведенных данных, соответствующей отраслевой терминологии, имен собственных и других ведомостей.

Материалы публикуются в авторской редакции.

Автори опублікованих матеріалів несуть повну відповідальність за підбір, точність наведених фактів, цитат, економіко-статистичних даних, відповідної галузевої термінології, власних імен та інших відомостей.

Матеріали публікуються в авторській редакції.

Ч-24 Время в зеркале науки. Час у дзеркалі науки. Специальный выпуск сборника научных трудов «гуманитарные студии». Частина 1. – К.: Центр учебной литературы, 2010. – 320 с.

ISBN 978-611-01-0167-7

В сборник вошли результаты научных исследований ученых, студентов различных гуманитарных вузов Украины, которые посвящены философскому анализу проблемы времени.

Для научных работников, преподавателей, аспирантов, студентов и всех, кто интересуется философией и политологией.

До збірника увійшли результати наукових досліджень учених, студентів різних гуманітарних факультетів ВНЗ України, які присвячені філософському аналізу проблеми часу.

Для наукових працівників, викладачів, аспірантів, студентів та всіх, хто цікавиться філософією та політологією.

ISBN 978-611-01-0167-7

УДК 125

© Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко, 2010.

© Київський національний університет імені Тараса Шевченка, 2010.

TIME IN THE MIRROR OF SCIENCE

S U M M A R Y

M. Andrushchenko A. Iakubin

The political time: micro-, meso- and macro levels

In this article the political time is analyzed in accordance to its inner heterogeneity, presence of different «time layers» in it. The structural approach of F. Braudel's different ranges of the temporality is being used. The authors propose according to the methodological aims to analyze political time through the prism of its micro, meso and macro levels using mainly the contemporary ideas of B. Kubicek, D. North, G. Modelski and others. According to the authors' idea, the political time issued in a such aspect could not only efficiently explain the «black holes» of the political dynamics through the discovering of the new ways of the integration of political behaviour micro basis in the researches of macro historical processes, but, what is more important, could enrich the political theory so it has an opportunity to find the solution of contemporary problems that is now out of its view

A. Anopriyenko

Noorhythms and time in the information age

The concept of noorhythms offered as a simple and effective model of world dynamics. Cosmogenic nature of the basic periodic processes is the main idea of the noorhythms concept. The main features of the phenomenon of time in the information age also are considered.

A. Bych

Dual essence of time

Article offers basic theoretical conclusions regarding the nature of time. Author's postulate about duality of the essence of time represents a certain novelty. We offer basic attributes of time derived from relational concept of time accepted in relativity theory. Considering however existing discrepancies in understanding of the nature of time, we add certain refining definitions, which we hope should help adoption of a unified image of time.

N. Boychenko

Reflections about history of concept «times»

The article is devoted to the analysis of history of interpretations of concept «times» in poetry and philosophical literature on the example of research of

history of new receptions of utterance «tempora mutantur et nos mutamur in illis».

A. Drobovych

The temporal axiomatic project in connection with social processes and ethics

In the article there was made an attempt to formulate the temporal axioms and there was also shown their connection with social processes and ethics. The author considers the global concepts of time and their connection with temporal axioms.

M. Karpovets

Time and its modes of sense in a city as a world of human existence

The article deals the modes of time in the city as a world of human existence. It has been attempted to analyze the time as an important part of urban world in both cultural and philosophical-anthropological contexts. The conclusion is that the objective and subjective experience of time is dialectically formed the world of urban being and the city-dweller at the same time.

O. Kozhemiakina

The trust in the measurements of the social time

The article deals with temporal properties of the phenomenon of trust, special features of its creation and dynamic development in the contemporary society. Is inverted attention to the existential essence of trust in the context of the general crisis of trust in «breaking of time». The basic condition about the change of the role of trust in the society in the works of P. Sztompka, A. Seligmen, N. Luhmann are given.

O. Mormul

Temporal aspect| of ecology of culture

The article is devoted to one of the urgent of issues of contemporaneity. Philosophical and culturological approaches are offered in regard to time. The necessity of research|work-up| of category is grounded|substantiate| «time» in the context of development of modern culture. Theoretic-methodological basis of work is made by system, problem and interval approaches.

A. Polunin

Mathematical operations with subjective time intervals: a study on temporal dimension of individual experience and timing mechanism

For studying the properties of temporal dimension of individual experience and peculiarities of timing mechanism functions an experiment

was conducted using addition and subtraction of subjective time intervals. The operations $1+3$, $3+1$, $2+2$ (sec) and $4-1$, $4-2$, $4-3$ (sec) were studied. According to the results the sum of added intervals is longer than the corresponding but reproduced interval: $1+3>4$, $3+1>4$, $2+2>4$ ($A+B>C$). The property of commutativity was also broken $A+B\neq B+A$ or $1+3\neq 3+1$ (sec). The subtraction of intervals shows an opposite tendency, a resulting interval in two cases is longer than a corresponding reproduced interval $4-3>1$ ($p<0,001$), $4-2>2$ ($p=0,007$) and just $4-1<3$ ($p=0,001$). It seems that in temporal dimension of subjective experience the operations of addition and subtraction are qualitatively different and not just opposite as it is assumed in algebra or Euclidian geometry. The temporal dimension of subjective experience seems to be a non-Euclidian space. The properties of duration as a subdomen in temporal dimension of experience depend also on (a) segmentation of the whole temporal interval and on the succession of the elements in it, but also from that (b) whether an segment of experience became temporally widen (addition) or it is converging (subtraction). One of the peculiarities of time mechanism is that the actual threshold of comparator depends on its previous level, $\varepsilon_i = f(\varepsilon_{i-1})$. The similar relation seems to be true also development of reference intervals, $s_i = f(s_{i-1})$. The grown standard deviation of response interval earned by subtraction is distinguishing for internally and externally developed reference intervals.

N. Skok

Features of perception of subjective time as a basis of formation of social behaviour of the individual

The features in the perception of subjective time in the conditions of social transformation in which the social time of the individual to become an increasingly subjective. Identified the types of its perception (constructive, expectantly-indefinite, destructive), which directly affect the formation of social behaviour (social-adequate, expectant-uncertain, social-inadequate).

V. Soloviov

A visual image of the physical time

The visualization of a physical time as a process inseparably linked with a human opinions about the time's nature and properties is a subject of this article. The necessity of creation of visual images of abstract concepts is in the human thinking structure and world-view. The special attention is paid to the problem of adequation of visualization also reviewed examples of artistic perception and depiction of the time in the painting. It is made an attempt to define the terms of methodological issues, which is relevant to the exchanging of the visual images and creating borders of adequation visualization of a physical time.

V. Tsyba

The structures of time and of understanding in Wilhelm Dilthey's hermeneutics

The paper deals with correlation between time-structures and subjective understanding structure which is exposed in W. Dilthey's writings. A special attention pays to an analysis of his arguments. It makes an attempt to reasonably add the thesis that comprehending acts are symmetric to the temporal duration of experiences. Hermeneutics is examined as an original doctrine of the subjective aspect of time objectivity.

СОДЕРЖАНИЕ

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО	8
Андрущенко Максим Александрович Якубин Алексей Леонидович Политическое время: микро-, мезо- и макроуровни	9
Бойченко Наталья Николаевна Размышления об истории понятия «времена»	36
Дробович Антон Эдуардович Проект темпоральной аксиоматики и ее связь с общественный устройством и этикой	51
Карповец Максим Вячеславович Время и его смысловые модусы в городе как мире человеческого бытия	62
Кожемякина Оксана Николаевна Доверие в измерениях социального времени.	74
Мормуль Ольга Григорьевна Временной концепт экологии культуры	87
Полунин Алексей Васильевич Математические операции с субъективными временными интервалами: исследование временного измерения опыта индивида и особенностей функционирования часового механизма	95
Скок Наталья Сергеевна Особенности восприятия субъективного времени как основа формирования социального поведения индивида	112
Соловьев Владислав Сергеевич Визуальный образ физического времени	122
Цыба Вячеслав Николаевич Структуры времени и понимания в герменевтике Вильгельма Дильтея	131
ОТКРЫВАЕМ ДИСКУССИЮ	141
Аноприенко Александр Яковлевич Нооритмы и время в информационную эпоху.	141
Бич Анатолий Макарович Дуальная сущность времени.	155

Уважаемые коллеги!

Вашему вниманию предлагается сборник научных работ, в который вошли исследования феномена времени украинскими учеными. Статьи содержат рассмотрение классических философских интерпретаций проблемы времени, попытки их нового авторского осмысления, современные междисциплинарные научные подходы к философским, социально-политическим, психологическим, культурологическим и другим аспектам проблемы времени. Отраженные в сборнике исследовательские направления раскрывают влияние феномена времени на политику, экономику и социум в целом.

Проблема времени чрезвычайно многогранна, поэтому феномен времени так по-разному рассматривают и истолковывают различные науки. Это в который раз подтверждают опубликованные в сборнике авторские работы. Однако, такое разнообразие подходов, охватывая широкий предметный круг исследования феномена времени с его глубиной и содержательностью (модели времени, множество свойств, природа и параметры времени), лишь усиливает исследовательский интерес.

Истории науки известны парадигмы, когда каждая из наук, затрагивая проблемы времени, старалась решить ее исключительно собственными методами. В результате — время раздробилось на физическое, историческое, политическое, социальное, психологическое, биологическое... Формирование такого множества толкований категории времени не только не решило проблему, а и создало дополнительные препятствия в познании данного феномена. Именно поэтому возникает потребность в комплексном исследовании проблемы времени. Итак, должны быть новый, незаангажированный взгляд на эту проблему, который бы вышел за пределы отдельных научных предметных направлений. Настоящий сборник содержит двенадцать научных работ, авторы которых предлагают новые пути достижения этой цели. Все они победили в конкурсе для ученых в рамках проекта «Время в зеркале науки», инициатором проведения которого в Украине выступило российское научно-образовательное учреждение ИрИЭМ (Институт Ритмологии Евдокии Мартенко).

**М. А. Андрущенко, аспирант,
Киевский национальный университет
имени Тараса Шевченко
А. Л. Якубин**

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ВРЕМЯ: МИКРО-, МЕЗО- И МАКРОУРОВНИ

В этой статье политическое время рассмотрено с точки зрения его внутренней неоднородности, «существовании» в нем своеобразных «временных слоев». Для этого используется, адаптированный к его специфике, структурный подход диапазонов темпоральности Ф. Броделя. Авторы предлагают, в методологических целях, анализировать политическое время через призму его микро-, мезо- и макроуровней, привлекая для этого существующие современные концептуальные разработки Б. Кубисека, Д. Норта, Дж. Модельски и др. По замыслу авторов, рассмотренное в таком ключе политическое время поможет не только лучше объяснить «темные пятна» политической динамики через «открытия» новых путей интеграции микро-основ политического поведения в исследования макро-исторических процессов, но, и что не менее важно, обогатить саму политическую теорию, давая ей возможность действовать эффективнее с широким кругом современных проблем, которые, на данный момент, находятся за пределами ее кругозора

Ключевые слова: политическое время, хронополитика, диапазон (уровень, масштаб) темпоральности, «нерутинная политика», «определенный путь», теория «длинных циклов» мировой политики

Что такое политическое время? Этот вопрос относится к тем, на которые сложно ответить современной политической науке. Цель этой статьи дать некоторые предварительные ответы на этот вопрос, ответы которые могли бы стать концептуальными «точками развития» для последующих исследований.

Политическое время: общая проблематика

В 2004 году в Хадерсфильдском университете (University of Huddersfield) (Соединенное Королевство) на одной из конференций английский политический аналитик феминистического направле-

ния Валери Брайсон (Valerie Bryson) в своем докладе под красноречивым названием «Время», с некоторой долей пессимизма констатировала, что «понятие «время» почти не используется в политической теории основного направления (mainstream political theory), оно (время) рассматривается просто как данность, как факт природы (и то второстепенный!), как кое-что само собой понятное, и отнюдь не как необходимая составляющая политических концепций или предмет, который нуждается в дальнейшем теоретическом и прикладном исследовании, за некоторыми редчайшими случаями, которые лишь подтверждают общее правило. Если вы попытаете поискать информацию о политическом времени на страницах большинства специализированных книг из политической теории или политических концепций — вы даже там не найдете ни одного упоминания, такой информации там просто нет!» [1].

С этим утверждением В. Брайсон можно согласиться лишь частично. Объясняя его категоричность, сама Брайсон, отсутствие интереса ко времени со стороны политических теоретиков, видит в политических предпосылках, так же как и укрывание точных представлений о его природе и возможностях использования. В этом отношении время может быть рассмотрено как ключевой *латентный концепт* политической теории и, так же как другие концепты, его трактовка в традиционной политической теории имеет отражение опыта политических теоретиков как таковых, то есть, в основном она отражает опыт «белого» и «западного» мужчины, подчеркивает Брайсон.

«В трактовке времени как данного, общепризнанного факта жизни, эти теоретики в основном проводят исследования, которые не вызывают особого доверия и не любят акцентировать внимание на том, что многие люди его (время) могут чувствовать и понимать по-другому или то, что эти отличия могут иметь политическую значимость; эти исследователи зачастую не рассматривают время, как важный, но дефицитный и неравномерно распределенный ресурс, который, к тому же влияет и поддерживает доминантные модели власти и привилегий», — резюмирует автор [2].

С нашей точки зрения, ситуация с латентностью концепта политического времени так же имеет непосредственную связь с тем, что время в процессе его исследования, вследствие его общей нелинейности и неоднородности, достаточно сложный предмет рассмотрения для оснащенной традиционными подходами теории политики.

Сомнительной кажется сама по себе форма единственного числа по отношению к политическому времени, которая отличается от легко измеримого физического времени. Ввиду того, что время, как термин, имеющий собственный смысл, связанный с политическими

и социальными блоками событий, конкретными действующими людьми, или такими, на которых они влияют, а также с институтами и организациями [3]. Все они имеют определенную, имплицитно характерную для них, направленность действия со своими собственными ритмами. Поэтому далее мы будем вести разговор не об одном политическом времени, а о своеобразных «пластах» многих политических времен¹.

Одним из первых, кто обратил на это свое внимание и постарался использовать в своих исторических исследованиях, был Ф. Бродель. Он выдвинул важное предположение относительно существования в структуре «реальности» определенной типологии пластов социально-политической темпоральности и последовательности ее преобразования. Следуя за Броделем, мы можем различать «историю событий» (*histoire evenementielle*), т.е. фактический уровень с очень коротким временным ритмом изменений, и ее противоположность — «структурную историю» (*histoire structurelle*), которая обозначает для него линию постепенных эпохальных исторических изменений, подведенную им под понятие «историческая длительность» (*longue duree*). Между ними находится «конъюнктивная история» (*histoire conjoncturelle*), т.е. среднесрочный ритм циклических фаз, в которых определенные структурные конфигурации идей, экономических и социальных связей повторяются, хотя и в разных временных контекстах. Изменения на уровне событий и на уровне циклов ведут к продолжительным структурным изменениям «долгосрочной перспективы», которые можно распознать лишь после того, как пройдут столетия [5].

Этот подход имеет некоторые методологические преимущества имеющее значительный идейный отголосок для дальнейшего развития исторических и экономических исследований.

Решая задачи нашей статьи и, делая поправку на специфику политической сферы и ее общность со сферой социальной, мы используем подход *диапазонов темпоральности* Ф. Броделя, коинтегрируя его с *«четырёхуровневым синхронным подходом»* предложенным Н. Смелзером [6]. Это позволяет нам выделить: (1) *микрорезонанс*, связанный с анализом поведения отдельной личности², ее реакциями на

¹ По этому поводу можно процитировать эмоциональные слова Гердера, направленные против Канта: «Мера времени любой изменяющейся вещи есть в ней самой; это справедливо даже тогда, если б другой вещи не существовало бы; в мире нет двух одинаковых вещей с одинаковой мерой времени... Таким образом (это можно смело утверждать), во Вселенной одновременно существует много времен» [4].

² В интересах простоты изложения и краткости, в данной статье понятия «личность», «индивид», «актор» используются преимущественно в качестве синонимов.

«событийный ряд» и с ее соответствующими темпоральными представлениями (в интерпретации Б. Кубисека); (2) *мезоуровень* (или средний, или промежуточный), которым мы обозначаем структурно-темпоральные феномены, связанные с некоторыми аспектами институций и организаций, достигающих/недостигающих общегосударственного уровня, но не выходящего на межгосударственный уровень взаимодействий (концепт Д. Норта); (3) *макроуровень*, объединяющий темпоральные аспекты общегосударственного и межгосударственного взаимодействия и «глобальной политической эволюции» (Дж. Модельски)¹.

Применяя именно такой подход к дальнейшему структурированию политического времени, хочется отметить, что мы не рассматриваем эти уровни, как такие, что имеют кардинальные отличия, или отражающими определенные, легко узнаваемые политические «реальности». Собственно говоря, различия этих трёх уровней есть в лучшем случае аналитически полезными, а в худшем — аналитически вредными. С точки зрения их полезности, эти отличия предполагают рациональный способ организации рассмотрения проблемы; но даже здесь существуют определенные трудности, так как некоторые проблемы появляются не только на одном аналитическом уровне. С точки зрения вредности, это деление на три уровня может вести к их опредмечиванию, к мысли, что эти уровни представляют собой сепаратные и отдельные типы политической «реальности», тем самым искажая наше общее понимание феномена темпоральности.

Таким образом, мы предлагаем в методологических целях посмотреть на политическое время через призму его микро-, мезо- и макроуровней, привлекая для этого существующие современные концептуальные разработки.

Микроуровень: основные характеристики

Исследования микроуровня политического времени возвращает нас к рассмотрению «классической» дилеммы структуры и актора. Ведь именно здесь актуализируется сложная теоретическая и практическая проблема: каким образом политические структуры, институты, модели изменяются, как к этому причастна деятельность конкретного человека (и причастна ли вообще?), какая в таком слу-

¹ Н. Смелзер выделял кроме *макроуровня*, еще четвертый уровень — *глобальный* (или -мультиобщественный), но вследствие общей смысловой близости третьего и четвертого уровней, в данном исследовании, мы считаем что их можно рассматривать в рамках одного макроуровня.

чае есть природа данных структур, учреждений, их роль в политической «жизни»? Социальные науки уже давно блуждают в лабиринте этих загадок, но так и не нашли той единой «нити Ариадны», выводящую их на верный путь. Учитывая это, вряд ли нужно ожидать быстрого решения этой проблемы, однако, по нашему мнению, концептуальное очерчивание уже самого направления есть большим шагом вперед. Одним из таких направлений есть так называя «нерутинная политика» («non-routine politics»).

Концепт «нерутинной политики» попал в фокус политических исследований относительно недавно (конец 90-х годов прошлого века) и его появление можно объяснить интенсивным развитием исследовательской программы «*политологии по спорам между сторонами*» («contentious politics»), которая ее авторами непосредственно связывалась с «нерутинными политическими процессами» — теми, которые «имеют больше эпизодических характеристик, чем постоянных; совершается во взаимодействиях между создателями требований и их оппонентами; имеют влияние или потенциально влияют на интересы, как минимум, некоторых из таких создателей требований; и вовлекают власть в этот процесс как посредника, свою цель или защитника прав» [7].

Очевидно, исследования эпизодического, непостоянного (что несомненно ведет и к лучшему пониманию «постоянного») в политике, а также взаимодействия участников указанных процессов с окружающей их «политической средой», требовали в том числе и более пристального внимания к политической динамике, или еще шире — к *проблемам времени (как физического, так и политического)*, которое(ые) теперь выступало(и) не просто фоном для проводимых исследований, а своеобразным «временным эфиром» с собственной «внутренней логикой развития», «измерением, в котором идеи, суждения и институты развиваются» [8].

Для того, чтобы полнее понять типичные методологические стратегии исследования микроуровня политического изменения, как «нерутинной политики», рассмотрим в общих чертах один из таких концептов этого направления, предложенный *Б. Кубисеком* (B. Kubicek) (2004) [9]. Этот подход представляет собой объединение трех аналитических инструментальных блоков (*a three-toolset approach*): социальных, психологических и когнитивных наук, отсюда и его сокращенное название — *3TSA*.

Первый блок этого подхода имеет отношение к *социально-политической динамике*, которая охватывает широкие механизмы стабильности и изменения, включая внутри групповой уровень процессов, зависимых от их общих характеристик. Второй, *отличия первого порядка (ordinary differences)* — исследует природу и

эффекты разнородности среди членов одной группы в связи с тем, как они понимают условия, реагируют на события и взаимодействуют друг с другом. Третий блок, *отличия второго порядка (extraordinary differences)*, связан с отношениями и способностями, которые могут дать возможность индивидам влиять на условия, вопреки сложностям, для направленной и эффективной деятельности созданными факторами и возможностями, описанных в первых двух блоках.

Рассмотрим ниже их более подробнее. *Первый блок* включает в себе анализ характеристик «внешних условий» существования индивидов, в контексте влияния этих условий на их «временные горизонты», на представления индивидов о политических изменениях и ожиданиях от них. Как подчеркивает Б. Кубисек, эти условия характеризуются сочетанием двух доминирующих механизмов политической динамики — *динамики стабильности* («общепринятый» взгляд) и *динамики неустойчивости* (пересмотренное концептуальное воззрение, как дополнение к «общепринятому») [10].

Динамика стабильности сохраняет политический порядок в «нормальное» время с помощью нескольких структурных механизмов, таких как:

- *«самоусиление» (self-reinforcing)* — регулирование политических порядков самовоспроизводит и упрочняет их, акторы занимающие привилегированное место в существующих иерархиях имеют стимул сохранить свое исключительное место, тем самым убергая существующие политические структуры от коренных перемен;

- *«поддержка статус-кво» (status quo bias)* — создание наиболее благоприятного режима для интересов акторов (политических, социальных, экономических и т.п.), занимающих высокие государственные и корпоративные должности;

- *«консенсус» (convention)* — структурные ограничения для большинства индивидов в выборе возможных/альтернативных идей о прошлом/настоящем/будущем и сопутствующих им практик [11].

В отличие от динамики стабильности, динамика неустойчивости создаёт возможности для изменений, которые в свою очередь, генерируются такими механизмами:

- *«многофакторными политическими условиями» (multifaceted political conditions)* — разнохарактерными измерениями проблем и различными способами использования ресурсов, создающих возможности для появления/развития альтернативных идей и практик;

- *«общественной гетерогенностью» (societal heterogeneity)* — «сетями»/совмещением групп и организаций (с помощью деятельности и интересов), что приводит к конфликтам/новациям в представлениях и «временных горизонтах» акторов;

- «окнами возможности» (*windows of opportunity*) — общие события, которые могут помочь в устремлении к изменениям;
- «неокончательными победами» (*incomplete victories*) — потерявшие политическое «поражение» в определённый момент политические акторы, и дальше остаются в «игре», работая в сторону изменений [12].

Сама по себе *ритмика динамики* перемен также неодинакова, как при динамике стабильности (*быстрая* — вызывает «шок», а *медленная* проявляется в виде «трендов»), так и при динамике неустойчивости (*быстрая* — в форме своеобразных «каскадов», а *медленная* — *поднимается по возрастающей*, и соответственно более поддается целенаправленному политическому контролю).

В этом блоке теоретически проблематичными выглядят представления об индивидуальной схожести политических акторов, использованные для понимания социальных и политических «реальностей» в изображении внутригрупповой динамики, которая очень важна для возможности политических изменений.

Преодолеть эти теоретические затруднения автор старается во втором блоке своего подхода используя *отличия первого порядка* (*ordinary differences*), где основной акцент делается на *личностной* и *межличностных* отличиях.

В первом случае, общие различия среди членов групп могут генерировать потенциал для изменений в распространенных идеях/практиках, с помощью:

- *восприятия политических условий* — гетерогенности представлений об изменениях, как возможных так и/или желательных;
- *обучения на основе политических событий* — отличия способностей, отвечающих за адаптацию новых представлений, как через механизмы удивления, так и целенаправленного приобретения новых навыков.

В случае межличностных отличий, общие различия среди членов групп могут дать возможность некоторым акторам инициировать изменения в представлениях/практиках, используя для этого:

- *взаимоотношения*, разницу в рамках действий и представлений, наблюдаемые как другими, так и самими посредниками;
- *влияние*, гетерогенность в рамках действий и представлений, принятыми другими, вместе с инициаторами и посредниками таких перемен [13].

Проблемный аспект есть и в этом блоке, связан он с тем, что не совсем ясным остается, как условия и возможности, созданные политическим временем/динамикой,

и отличиями первого порядка могут управлять целенаправленным, эффективным изменением. Таким образом, это нас приводит к не-

обходимости рассмотрения третьего блока подхода *3TSA* — *отличий второго порядка (extraordinary differences)*. Он состоит из следующих важных составляющих:

- «*отношение к различиям*» — готовность исследовать (понимать) экстраординарные проблемы на индивидуальном, групповом и социальном уровнях;

- «*различия в возможности*» — готовность решать экстраординарные проблемы на индивидуальном, групповом и социальном уровнях, вопреки тому, что теоретически возможности экстраординарного контроля над политическими событиями и их последствиями выглядят маловероятными [14].

Фокус *отличий первого порядка* предназначен для дополнительного изучения «психологических законов» индивидуальной схожести, а *отличия второго порядка* связаны с исследованием склонностей и ограничений индивидов. Но ни тот, ни другой блок не смогут исполнять свою роль отдельно, как приставки к существующей политической науке. Каждый блок — *социально-политическая динамика, отличия первого порядка, отличия второго порядка* — способствуют развитию друг друга. Наше понимание политических изменений и других подобных процессов, как утверждает автор, в которых люди существуют, дают нам данные о том, что значит индивидуальные отличия и почему. Но такое понимание также проясняет нам, каким образом мы думаем о социально-политической динамике и индивидуальной схожести. Взаимодействие трех блоков, другими словами, подразумевает логику структуры *3TSA*.

Конечно, некоторые аспекты данного подхода могут показаться спорными и нуждающимися в дальнейшем развитии (в первую очередь, проверка его прогностического потенциала), но в целом его принятие может стать идейной основой для открытия новых горизонтов научного поиска, как на микро- так, отчасти и мезоуровнях в развитии исследовательской программы по изучению времени в политике, а также нашего понимания того, каким образом возможно целенаправленное и эффективное политическое действие с долгосрочными последствиями.

Мезоуровень: институты, «определенный путь» и «возрастающая отдача»

Приступая к рассмотрению возможных стратегий исследования времени на мезоуровне, то есть на уровне институций и организаций, достигающих/не достигающих общегосударственного уровня,

но не выходящих на межгосударственный уровень взаимодействия, следует отметить, что мы здесь рассмотрим некоторые концептуальные модели, разработанные в области современной политэкономической теории Д. Нортм и др., и потому имеют, с нашей точки зрения, свою релевантность для изучения политической динамики.

Для концепции Д. Норта характерно особое внимание ко времени, так как для него «как историка экономики, время всегда было чем-то, что по существу волновало меня, тем более что неоклассическая теория не «знает» времени. Неоклассическая модель — это модель, игнорирующая время, следовательно, она никогда не имела понимания того, как время «работает»... Это, возможно, слишком прямолинейно, но факт — без глубокого понимания времени, вы будете никудышными исследователями политики, потому что время — это измерение, в котором идеи, суждения и институты развиваются» [15].

Именно на последних (институтах) и делает акцент Норт, анализируя временные изменения политики и экономики.

Институты для него — это правила игры в обществе, ограничения, придуманные людьми, устремляющие человеческую деятельность в определенное направление. Таким образом, они структурируют основные стимулы в процессе человеческого обмена — политического, экономического или социального. Поэтому, автор подчеркивает, что «институциональное изменение определяет путь, по которому общества развиваются во времени» [16].

Институты, по Норту, могут быть любыми: как официальными, так и не официальными, главное то, что они охватывают все виды ограничений, придуманных для сдерживания человеческого взаимодействия. Институты можно придумать (например, как конституцию или какой-то устав), они также могут развиваться на протяжении какого-то времени (например, как законодательство или нормы поведения). Очевидным в таком случае есть то, что официальные и неофициальные правила, вид и эффективность их соблюдения формируют характер политической, социальной и экономической жизни [17].

Узловым для концепции Норта есть *различие* между институтами и организациями. Если институты — это правила игры, то организации и их участники есть игроками. Организации создаются группами индивидов, связанных общим устремлением достигнуть определенных целей. Организации охватывают политические органы (политические партии, законодательные органы, городские советы и т.д.), экономические объединения (фирмы, профсоюзы, кооперативы и т.д.), общественные учреждения (церкви, клубы, спортивные ассоциации) и т.п. Возникновение организаций и их

развитие, в первую очередь, определяются институциональным основанием. В свою очередь, они влияют на его эволюцию [18].

Главная роль институтов в обществе состоит в том, чтобы уменьшить неопределённость путем установления постоянной (но не всегда эффективной) структуры человеческих взаимодействий. Однако, стабильность институтов никоим образом не противоречит тому факту, что они изменяются. Все институты — от обычаев, правил поведения к законодательству и контрактов между индивидами — постепенно изменяются, а потому постоянно меняют доступные нам варианты выбора. Эти культурные ограничения не просто связывают прошлое с настоящим и будущим, но и дают нам ключ к объяснению путей исторических изменений [19].

«Самая важная загадка человеческой истории состоит в том, как можно объяснить огромные расхождения путей исторических изменений. Каким образом общества разошлись? Чем объяснить их такие разные механизмы функционирования? Так или иначе все мы берем свое начало от общества охотников и собирателей», — указывает автор [20].

Ответы на эти вопросы Д. Норт находит в различии между институтами и организациями, и на взаимодействии между ними, что и формирует направление институционального изменения. Кроме того, он подчёркивает, что институты вместе с обычными ограничениями определяют возможности в обществе. Организации создаются для того, чтобы воспользоваться такими возможностями. И, соответственно к их эволюции, изменяются институты.

Окончательный путь институционального изменения формируется благодаря «1) «замыканию», которое возникает вследствие симбиозной взаимосвязи между институтами и организациями, которые развиваются под влиянием структуры стимулов, созданных институтами; 2) процессу обратной связи, с помощью которой люди осознают собственное положение и реагируют на изменения в совокупности возможностей» [21].

Важным компонентом институциональной объяснительной схемы, разработанной Д. Нортом, разъясняющей как (и при каких условиях) время имеет значение, тем самым влияя на политику, стал концепт, получивший общее название «*определенный путь*» (*path dependence*).

Одними из первых это понятие [22] использовали два других историка экономики Б. Артур (Brian Arthur) и П. Дэвид (Paul David), и его первоначальное значение было достаточно далеким от сферы интересов политической науки. Они заметили, что некоторые технологические новации имеют тенденцию к концентрации различными способами. Точнее, часть из них географически кон-

центрируется, как например электроника в Силиконовой Долине (США). Прочие — могут сосредоточиваться по-другому. Не менее важно, было и то что, потребители таких технических новаций часто фокусируются на использовании некоторых из них (или даже только одной) из общего числа многих доступных аналогичных технологий. Артур и Дэвид аргументировали это тем, что все такие «концентрации» — это результат идентичного исторического процесса, в котором прошлые выборы потребителей эффективно «замкнулись» на определённых предпочтениях или технологиях и «закрылись» для их альтернатив. Они назвали этот процесс «определением пути» (*path dependent* — дословный перевод «зависимый путь»). Их идея была достаточно проста: когда-то вначале люди выбрали один «определённый путь» действий, дальше — выясняется что свернуть с этого пути на другой очень сложно (если вообще возможно), таким образом они стали «узниками» своего прошлого выбора, который первоначально сами и совершили.

Правда, не совсем ясным остался вопрос: почему некоторые процессы стали «определением пути», а другие нет, почему на некоторых технологиях потребители «замкнулись», а на некоторых нет?

Объяснение предложенное Артуром и Дэвидом, базировалось на эффекте так называемой «возрастающей отдачи» (*increasing returns*) множества факторов. Эффект «возрастающей отдачи» состоит в том, что даже скромное начало с одной технологической новации или месторасположения переводиться со временем в более низкие затраты, что возвращается приходом большего количества потребителей, и соответственно ведет к увеличению выпуска продукции.

Таким образом, «возрастающая отдача», приводит к росту выпуска продукции с более низкими затратами, и соответственно к увеличению количества потребителей и т. д.

Исходя из концепта «возрастающей отдачи» Артур и Дэвид, старались объяснить различные явления, от феномена Силиконовой долины до VHS (*video home system*)¹.

¹ «Например, как только компании «первого поколения» Силиконовой долины «подросли», они создали возможность для существования более мелких и узко ориентированных посредников. Эти посредники в свою очередь сумели основать другие компании, которые несли более низкие затраты работая с ними.

Все больше и больше потребителей выбирали VHS-плееры, студии предлагали больше кинофильмов для VHS-плееров, делая VHS — формат еще более заманчивым для покупателей, чей выбор приводил к тому что студии производили еще больше фильмов в этом формате, создавая тем самым ... и так далее». — *Rutten A.R.* Op. cit. — P. 301.

Подводя итоги всего вышесказанного, эти экономисты обращают наше внимание: если некоторые дороги ведут к более эффективным результатам, чем другие, возможность перехода на иной, предпочтительный, путь будет сложно реализовать, за исключением начального этапа и первой избранной дороги, которая в будущем, возможно, только и приведёт к позитивным результатам, так как в момент ее избрания ничто не гарантировало того, что путь к лучшему результатом был уже избран.

Единственной гарантией было бы то, что преимущества, вызываемые «возрастающей отдачей», создали и ее саму; возможно и то, что первая избранная дорога будет иметь преимущества над дорогами которые будут избраны позже. Таким образом, фирмы, регионы, или даже страны вынуждены останавливать свое продвижение по пути, который ведет к неэффективным технологиям, тем самым, обрекая себя на эти технологии [23].

Так как в своем исследовании Артур и Дэвид интересовались, в первую очередь, технологическими новациями, другие историки экономики решили распространить их теорию на другие сферы, генерализируя тот факт, что любые «технологии» (понимаемые в таком ракурсе очень широко: «технологии» как некое политическое и социальное знание/практики, возникающие в процессе всевозможных человеческих интеракций) также связаны с эффектом «возрастающей отдачи».

Мы уже упоминали о том что, Д. Норт в концепции Артура и Дэвида увидел способ, с помощью которого можно связать воедино *время и институты*. Следуя за этой идеей, он рассмотрел последствия применения «определённого пути» и его истоков для социальных/политических институтов, найдя их в различных факторах, начиная от структуры человеческого разума и заканчивая сложностью координации возможных альтернатив, создающих эффект «возрастающей отдачи» для институтов. Он также указал на то, что как и в случае с технологиями в обычном смысле этого слова, существование «возрастающей отдачи» означает, что неэффективные институты с большими транзакционными издержками могут сохраняться и войти в состояние «замыкания».

С другой стороны, в контексте комплексных социальных взаимосвязей, создание новых институтов с более низкими издержками часто характеризуются высокими стартовыми затратами, вызванными продолжительным эффектом обучения, координационным эффектом и ожиданиями адаптации [24].

Норт также подчеркивал, что одним из ключевых моментов «определённого пути» есть так называемая «системная взаимозависимость институциональной матрицы» («the interdependent web of

an institutional matrix»), которая вызывает массовые процессы «возрастающей отдачи» в конфигурации существующих институтов [25].

Интерпретация «определённого пути» Д. Норта также помогает понять (но, к сожалению, не решить!) одну из центральных проблем современной экономической и политической теории, а именно: почему бедные страны остаются бедными, а богатые страны — богатыми? И наибольшее беспокойство, вызывает тот факт, что эта ситуация кажется *трудноразрешимой*, если не безнадежной, во всяком случае в рамках этого теоретического подхода, что дает возможность, и не без некоторой доли оснований, некоторым критическим теоретикам [26], считать этот концепт и похожие с ним «теоретическим оправданием» (и даже — «консервацией»!) существующей ситуации; концептом, который закрывает глаза на присутствие в проблеме разрыва между странами Севера и Юга — следствий «традиционных» для Севера политик колониализма и империализма [27].

Как бы не сложились судьбы этого теоретического концепта в дальнейшем, но фактом останется, то что он был (и есть) одной из первых и, возможно, наиболее титулированной¹ (пусть и спорной в некоторых аспектах) в научном мире попыткой включить фактор времени в современные политические и экономические исследования.

Макроуровень: темпоральное измерение эволюции глобальной политики

Макроуровень исследования политического времени тематизируется известным американским ученым-международником Джорджем Модельски в его теории «длинных циклов» глобальной политики. Американский теоретик ставит задачу исследовать эволюцию глобальной политики, которая измеряется длинными циклами изменений политического процесса. В качестве предмета своего теоретического анализа Дж. Модельски предлагает глобальную мировую систему, которая, по мнению ученого, пребывает в процессе эволюции.

«Исследование длинных циклов, — пишет Дж. Модельски, — это изучение ритма глобальной политики. Прежде всего, оно имеет отношение к временному измерению политического процесса и

¹ Д. Норт получил в 1993 году Нобелевскую премию по экономике: «за достижения возрожденной истории экономики, использующей экономическую теорию и количественные методы для объяснения экономической деятельности и институционального изменения».

степени, в которой этот процесс изменяется во времени. Так как оно сосредоточено на времени, это изучение принадлежит полю, которое можно назвать «хронополитикой» (chronopolitics), но поскольку в первую очередь оно имеет дело с крупномасштабными системами, полным названием может быть «хрономакрополитика» (изучение ритмов крупномасштабных политических систем). Основная аллюзия в данном случае — хронобиология, где в последние годы были предприняты успешные исследования суточных и других ритмов» [28].

В данном определении необходимо отметить, что хронополитика понимается как знание, но не как специфическая практика, однако в более поздней дефиниции праксеологическое понимание уже преобладает: «Хронобиология — это изучение биологических часов, а хронотерапия — отрасль медицины, которая занимается приведением лечения в соответствие с биологическими часами пациента. Мы можем рассматривать «хронополитику» как проведение политики, которая соответствует временам календаря глобальной политики» [29].

Необходимо отметить, что Дж. Модельски в работе «От лидерства к организации: Эволюция глобальной политики» [30] предложил тезис (и прогноз) о том, что действие длинных циклов активизирует на высшем уровне организации эволюцию глобальной политики таким образом, что мировая политическая система на данном уровне двигается от условия, когда руководящее учреждение переходит от глобального лидерства к «глобальной организации», одной из наиболее полностью институализированных форм управления.

Календари (со временем рассматриваются как организация во времени) — это социальная конструкция человечества, по мнению Дж. Модельски, которые были одними из наиболее ранних достижений цивилизации, однако также и жизненно важной частью повседневной жизни. Но календари — это не только продукт деятельности человека, потому что они моделируют и(или) отображают работу природных процессов. Продуцируя календари мы пытаемся адаптировать их к нашим целям.

Основным же постулатом работы «От лидерства к организации: Эволюция глобальной политики» суть тезис о том, «что процессы, которые мы обговариваем, есть эволюционными. Под этим мы понимаем то, что они призывают к проведению структурного изменения на глобальном уровне и объясняют его с помощью эволюционной теории. Из того, что мы знаем за прошлое тысячелетие, мы можем утверждать, что такое изменение было существенным, и что эволюционное объяснение приемлемо. Развивается организация

глобального уровня, которая суть состояние мирового сообщества, и развивается она через механизм эволюционного изучения.

Эволюция глобальной политики — процесс изучения высшего порядка, чем длинный (или гегемонный) цикл (должен рассматриваться сокращенно). Это процесс формирования, в ходе глобализации, политических институций мирового масштаба за период протяженностью до пятисот лет. Он есть одной из составляющих политической глобализации, поскольку он предполагает формирование политических структур, которые объединят вместе несколько аспектов взаимоотношений мирового уровня. Если раньше, — пишет ученый, — в классической эре политическая интеракция имела место сугубо на локальном или региональном уровнях, то где-то с 1000 года начали появляться новые акторы процессов взаимодействия на планетарном уровне, которые начали активизировать процесс глобальной политической эволюции» [31].

В Таблице 1 представлено календарь четырех периодов процесса эволюции глобальной политики (протяженностью в два тысячелетия), но характеризуются в основном непосредственно институциональные разработки у втором и третьем периодах.

Согласно Таблице 1 первый период глобальной политической эволюции тематизируется ученым как подготовительный, это способствовало формированию последующих технических условий глобального порядка, в частности за счет провала проекта Монгольской мировой империи.

Во втором периоде создано ядро глобальной организации путем преодоления еще больших имперских вызовов и посредством формирования глобального лидерства. Два Британских цикла представили зрелую форму этой организационной структуры с ее движением от фазы отбора к фазе расширения. Если первый период был периодом без организации (или с ложной ее формой), а второй был представлен минимальной организацией, то третий — один из периодов, в котором проводится отбор адекватной структуры организации (должен завершиться четвертой фазой). Под адекватной структурой Дж. Модельски понимает такую, которая имеет возможности для решения проблем человеческого выживания, особенно это касается ядерных и экологических угроз.

Где же в этой схеме находимся мы вначале XXI столетия? Третий период, в который мы уже вошли, по мнению ученого-международника, есть критическим. Третий период (отбор и формирование глобальной организации) находится сейчас на второй своей подготовительной стадии (в С фазе сотрудничества и интеграции) этого основного институционального обновления (инновации), что согласно данному анализу принесет существенное инсти-

туциональное изменение в последующем от этого столетия, G фаза этого процесса. Этот (третий) период не будет завершен ближайšie два-три столетия. Однако, необходимо помнить, подчеркивает Дж. Модельски, что каждый такой период состоит из четырех фаз, и в данном примере, четырех длинных циклов, и будет протекать пятьсот лет. Начиная с 1975 года человечество находится на второй (интеграционной) фазе этого третьего периода, и эта фаза продлится до последнего квартала столетия.

Все, что проверяется и выбрано в каждом периоде глобальной политической эволюции — институциональная структура, назначение которой управлять глобальными интеракциями. После краха Монгольского проекта мировой империи, второй период проверяет альтернативную форму организации (глобальное лидерство, где составляющими элементами выступают военно-морские флоты, базы и альянсы) на противодействие проектам кандидатов (challengers) на проведение имперского правления. Относительно Великобритании, то она подпадает под приемлемое срединное решение: неформальная роль глобального лидерства, но не империя. До 20-го столетия США выступают в ново сформированной роли лидера, однако во время и при условиях, которые указывают на то, что движение в направлении новых форм глобальной организации идет полным ходом.

В Таблице 1 показано каждый период глобальной политической эволюции как образец работы изучения алгоритма (соответственно расширенной модели эвристики Левонтина-Кемпбелла (Lewontin-Campbell)) — **g-c-t-r: создавайте — сотрудничайте — проверяйте — преобразуйте**), результат последовательности четырех повторений данного алгоритма на глобальном институциональном уровне. В свою очередь, каждый такой период содержит (во вложенном, внутренне гомогенном процессе) четыре длинных цикла, каждый из которых представляет одну фазу это же алгоритма.

Дж. Модельски используя данный календарь делает следующий прогноз развития мировой системы: «глобальная политическая система пребывала начиная с 1850 года в процессе перехода к глобальной организации, и это означает, что цикл США не был никаким повторением британского опыта, но был сформирован в результате этого факта. Мы сейчас, в начале XXI столетия находимся во второй, коалиционной фазе такого перехода. Эта фаза не будет завершена до середины XXI столетия, и определит коалицию, которая сформирует будущую глобальную организацию: будет ли это глобальное демократическое сообщество или же система «мультиполярности»? Одно из значений данного перехода связано с концепцией господства. В период глобального лидерства глобальное

господство могло индексироваться способностью государства наращивать вооруженные силы, особенно военно-морские и воздушные. Поскольку политической глобализации свойственен процесс консолидации, то показатель мощности существенно возрастает: объем влияния на органы власти, которые принимают решения, это касается как исполнительных органов власти, так и парламентских структур партийной организации» [32].

Таблица 1

**КАЛЕНДАРЬ ГЛОБАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ:
1000 — 3000 Н.Э.**

Алгоритм изучения (g-c-t-r) на двух уровнях	Периоды (и фазы) глобальной политической эволюции	Характеристика глобального устройства (институций)	Основные акторы мирового политического процесса
1(g)	Подготовительная	Мировая империя (распалась)	
		930 -	
		1190 -	Монгольская Федерация
2(c)	Формирование ядра	Глобальное лидерство	
G	Информация	1430 — Большие географические открытия	Португалия Испания
C	Интеграция	1540 -Кальвинизм международный	Голландия Испания
T	Политическое образование	1640 — Европейский баланс	Великобритания Франция
R	Экономическая инновация	1740 — Промышленная революция	Великобритания Франция
3(t)	Отбор	Глобальная организация	
G	Информация	1850 — НТР	США Великобритания Германия
C	Интеграция	1975 — демократические изменения (транзит)	США Китай ЕС ООН

Алгоритм изучения (g-c-t-r) на двух уровнях	Периоды (и фазы) глобальной политической эволюции	Характеристика глобального устройства (институций)	Основные акторы мирового политического процесса
T	Политическое образование	2080 — глобальная организация	
R	Экономическая инновация	2175 -	
4(r)	Расширение	Стабильность	

Источник:

Таблица подана из издания:
 Modelski G. Long-Term Trends in World Politics
 // Journal of World-Systems
 Research. — 2005. — Vol. XI, № 2. — P. 197.

По мнению Дж. Модельски, длинные циклы глобальной политики отображают закономерность изменений явлений в мировой политике в рамках четырех фаз. Первой фазе соответствует глобальный конфликт (1), завершающийся приобретением лидерства в мировой политике державой, способной оптимальным образом разрешить существующие социальные, экономические и культурные противоречия в мире; обозначением периода такого лидерства (2), который сменялся фазой делегитимации (3); появлением качественно новой проблематики мирового развития, а также возвышением держав, претендующих на лидирующие позиции и формирующих новые вызовы (Challengers); затем наступает фаза деконцентрации лидерства (4), распада инфраструктуры, поддерживающей гегемонию сверхдержавы во всех сферах жизнедеятельности глобального сообщества, переходящая в новый «макроконфликт» (1) [33].

Данные четыре фазы изменений явлений мировой политики можно продемонстрировать на основе исторического опыта в следующей таблице, которая, по нашему мнению, отображает хронополитические длинные циклы, которые входят в состав периодов эволюции глобальной политики.

Таблица 2

**ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА ДЛИННЫХ ЦИКЛОВ
(МОДЕЛЬ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ)**

Фазы, год начала				Лидер и Оппозиция
определение глобальной повестки дня	построение коалиций	макрорешение	исполнение	
Западноевропейская эра				
1430	1460	1494	1516	Португалия Испания
1540	1560	1580	1609	Нидерланды Франция
1640	1660	1688	1714	Великобритания Франция
1740	1763	1792	1815	Великобритания Франция
Постзападноевропейская эра				
1850	1873	1914	1945	США
1973	2000	2026	2050	

Источник:

Модельски Дж.

Эволюция глобальной политики; режим доступа:
http://www.worldpolit.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=46&Itemid=1

Дж. Модельски подчеркивает, что каждая линия (или ряд), состоящий из четырех фаз, представляет собой «накопление опыта» (learning) в рамках длинного цикла одной державы. Она детально показывает этапы, в которых государство приобретало влияние (или проходило отбор) на этой позиции. Таким образом, первый ряд демонстрирует, что Португалия достигла фазы глобального лидерства к 1516 году, в продолжение процесса, начавшегося примерно в 1430 году, основные переломные моменты которого могут быть датированы 1460 и 1494 годами. В то время как Португалия выступает, по такой оценке, в роли мировой державы, Испания рассценивается как набирающий силу глобальный челленджер следующего этапа, который будет особенно активен в очередном цикле (как показано в следующем ряду).

Каждая строка Таблицы 2 означает один цикл и прослеживает «возвышение» (или отбор) мировой державы. Это делает таблицу репрезентативной для изучения длинных циклов; альтернативная модель «лидерства» также состоит из четырех этапов или фаз, но эта модель начинается с глобальной войны, и фокус направлен на симптомы «заката» мировой державы в ходе «делегитимации» и «деконцентрации».

Такой «закат» может произойти, а может и не произойти в следующем цикле. Мы видим, что Британия прошла два длинных цикла, и ничто не позволяет нам утверждать, один или два срока в качестве мировой державы нормальны для глобального лидерства. Однако мы можем сказать, что первые четыре строки Таблицы 1 формируют один блок из четырех циклов, которые имеют одну важную общую черту: западноевропейскую океаническую базу. С приходом США мы наблюдаем отдаление от Западной Европы. Поэтому в таблице более ранний блок назван Западноевропейской эрой глобальной политики, в отличие от «постзападноевропейской» эры, которая, как показано, началась в 1850 году и всерьез заявила о себе после 1945 года [34].

Анализируя проблему формирования глобального лидерства в темпоральном измерении, ученый постулирует следующие две гипотезы, которые предполагает его теория «длинных циклов»:

1. Нация-государство становится глобальным лидером:

А. успешно пройдя четырехэтапный процесс отбора или «развития», состоящий из Постановки проблем, Создания коалиций, Макрорешения и Исполнения; и

Б. приобретя или проявив характеристики, необходимые для прохождения отбора на роль лидера, а именно политико-стратегическую организацию для обеспечения глобального влияния, передовую экономику, открытое общество, а также ответственность по отношению к глобальным проблемам.

2. Претенденты (Challengers) не становятся лидерами, потому что они:

А. не могут пройти процесс отбора и проигрывают, в частности, в фазе Макрорешения; или потому что у них

Б. недостаточно характеристик, перечисленных в пункте 1Б, для этой роли [35].

Дж. Модельски считает, что Гипотезы 1 и 2 можно назвать *составляющими «рецепта» глобального лидерства*: каждая дает нам и «инструкции» и «ингредиенты» для проведения (или невозможности проведения) правильного курса структурных перемен в глобальной системе.

Лидерство, в противовес гегемонии, понимается ученым как «ответ на спрос» (demand), тогда как гегемония оказывается просто

«предложением» (supply). Это проявляется прежде всего том, что лидер предлагает мировому сообществу оптимальные способы решения ключевых на данном этапе развития глобальной системы макросоциальных систем. Данный процесс интерпретируется Дж. Модельски в терминах теории эволюции: например, «выбор» лидера в мировой политической системе происходит аналогично биологическому отбору; переход от изменений лидеров к демократическим процедурам глобального управления знаменует собой появление «нового вида» политической организации — глобальной федерации, которая является результатом закрепления признаков, характерных для лидеров и вытеснения более слабых видов (имперских, авторитарных, гегемонистских) форм политической организации.

Исходя из этого, Дж. Модельски пишет: «Основная единица наблюдения в нашем исследовании — это длинный цикл: поток политических событий глобального уровня продолжительностью в 100 лет, связывающий стратегии или судьбы определенного числа главных акторов, государств и т.д., которые вступают в борьбу за глобальное лидерство. Наличие конкуренции объясняет, что эти акторы подвергаются отбору в процессе коллективного выбора. Отбор — механизм, благодаря которому осуществляется выбор между кандидатами и их политическим курсом на роль мирового лидера. Выборы составляют, конечно, один класс процессов отбора, хотя также существуют и другие» [36].

Для дальнейшей тематизации теории «длинных циклов» американского ученого-международника, необходимо дать четкое определение длинного цикла:

«Длинный цикл — это процесс политического отбора. Аналитически, или более обобщено, он также может быть описан как четырехэтапный процесс «развития» [37].

По мнению авторитетного ученого, «это скорее развитие, чем рутинный процесс, потому что он касается адаптации к глобальным проблемам и их решения, где нет стандартных рецептов» [38].

Под глобальными проблемами Дж. Модельски понимает угрозу глобальной безопасности, общие проблемы глобальной системной организации и специфические политические вопросы, связанные с процессом отбора, такие как: откуда появляется глобальное лидерство и его оппозиция? «То есть, — пишет Дж. Модельски, — глобальные проблемы можно классифицировать как негативные и позитивные (угрозы или возможности), вырастающие конкретно из функционирования глобальной политики и касающиеся более широких структур (включая экономику)» [39]. Среди проблем, которые определяются таким образом, Дж. Модельски называет Боль-

шие географические открытия, промышленную и информационную революции.

По нашему мнению, необходимо более докладное смысловое обозначение четырех фаз, которые были тематизированы нами в Таблице 2 (*Постановка проблем, Создание коалиций, Макрорешение и Исполнение*).

Постановка проблем это аналитически самая трудноуловимая и на практике самая тревожная из четырех фаз глобального политического изменения; это также очень важный этап для понимания того, как будет протекать цикл.

Создание коалиций следует в естественном порядке за Постановкой проблем. Растущая осведомленность о новых глобальных проблемах и исчезновение старых вызывают перегруппировки в существующих коалициях и создание новых союзов, связанных уже современными задачами.

Создание коалиций — это очевидная сторона деконцентрации, которая происходит и в наши дни. Со временем высокий уровень концентрации сил и доминирующая позиция мировой державы, характерные для глобальной политической системы в конце прошлой глобальной войны, сократились; глобальная концентрация уступила место многополярности и мощь различных сил, особенно челленджеров, возрастает. Угасающее превосходство мировой державы уступает место состоянию низкой глобальной концентрации сил, которое благоприятствует гибкости альянсов и переустройству союзных систем.

Макрорешение — кульминация создания коалиций. Рассуждая аналитически, к этой фазе следовало бы относиться как к этапу, когда акторы глобальной политической системы, организованные по крайней мере в две главные коалиции, выбирают между противостоящими повестками дня, решая, какой должна быть структура лидерства на следующий «срок». В прошедшие несколько циклов это означало период глобального противостояния длиной в поколение, в завершение которого появлялся новый глобальный лидер. Однако нет причин полагать, что в будущем этот процесс не изменит формы, т.к. новые процедуры (которые еще должны быть изобретены) будут разрабатываться с целью прохождения фазы *Макрорешения* без широкомасштабного насилия; такие новые формы сменят совершенно примитивный метод глобальной войны с потенциально катастрофическими последствиями. Есть основания верить, что в демократическом обществе такие механизмы могут быть действительно выработаны.

И наконец, *Исполнение* завершает фазу *Макрорешения* и весь цикл; его квинтэссенцией является «послевоенный» период. Эту

фазу также называют «мировым господством», т.к. именно в это время находится на пике своей силы авторитет и влияние глобального лидера. Говоря более точно, это период «медового месяца», потому что глобальное лидерство продолжается на протяжении фазы *Исполнения*, но с меньшей влиятельностью, интенсивностью и эффективностью.

Анализируя хронополитическую перспективу приобретения глобального лидерства необходимо отметить, что условиями выхода того или иного государства на лидерские позиции в глобальной политике, согласно Дж. Модельски, суть: *политико-стратегическая организация для реализации глобальных целей* (последние 500 лет — военно-морские силы), передовая экономика, а также то, что есть особенно важным для политического анализа, *открытость общества и ответственность, респонсивность государства*, которое претендует на роль глобального лидера, по отношению к глобальным проблемам миросистемы.

«Политико-стратегическая организация глобального охвата, пишет Дж. Модельски, — то, благодаря чему выигрывают мировые войны. В пяти войнах такого рода необходимым условием побед и достижения статуса «мирового лидера» был сильный морской флот, а не большая армия. Без превосходства на море армии не могло быть осуществлено оперативное развертывание вооруженных сил. Можно показать, что в конце каждой мировой войны «восходящая» мировая держава обладала наиболее мощным флотом. Во время «макрорешений» силы глобального достижения сдерживали мировые войны, защищая мировой статус-кво. Ранним и не очень хорошо изученным примером такой организации выступал военно-морской флот Короля Португалии в XV—XVI веках.

Вот почему на глобальном уровне значимым является не военная сила вообще и не армии по отдельности — хотя последние играют важную роль, особенно на региональном уровне, — а наличие глобально мобильных сил. В прошлом это и был военно-морской флот, но сегодня и в ближайшем будущем — это флот, объединенный с аэрокосмическими силами и информационным влиянием» [40].

По мнению Дж. Модельски, *сохранение передовой экономики* является вторым основным условием глобального лидерства. Чтобы способствовать приобретению лидерства, экономика должна быть, конечно, финансово обеспеченной, обладающей определенным весом и потенциалом которая помогает его, а также растущей, потому что только мощная и растущая экономика может финансировать бюджет, позволяющий наращивать силы глобального влияния. Однако сам размер ВВП еще не является достаточным для провозгла-

шения лидерства, а «превосходство в материальных ресурсах» не служит определяющим элементом такой экономики. Масштабная, но стагнирующая экономика не может поддерживать предприятия, имеющие мировое значение. Экономика становится устойчиво развивающейся только тогда, когда взращивает и продвигает передовые отрасли промышленности, что и отображено в нашей таблице.

Таблица 3

**НЕОБХОДИМЫЕ УСЛОВИЯ
ДЛЯ ГЛОБАЛЬНОГО ЛИДЕРСТВА**

Организация глобального целедостижения	Передовая экономика	Открытое общество	Реагирование на глобальные проблемы
1. Для чего необходимо			
Позволяет выигрывать мировые войны, обеспечивает послевоенное урегулирование	Финансирует глобальные программы, служит образцом для подражания	Вдохновляет коалиции, служит образцом для подражания	Служит решению глобальных проблем, направляет мировое общественное мнение
2. Организационная основа			
Океанический флот, космические силы	Наличие передовых отраслей, финансовая мощь	Демократический потенциал, партийная система	Сильные, активные СМИ
3. Благоприятствующие условия			
Островное положение	Рыночная экономика	Демократический опыт	Опыт свободы слова
4. Источники осуществления глобального действия			
Глобальные интересы	Мировая торговля	Альянсы	Современные знания о мире
5. Соответствующая фаза длинного цикла			
Мировая война	Исполнение	Построение коалиций	Определение повестки дня
Характеристики претендентов (Challengers)			
Большая армия	Масштабная экономика	Закрытое, контролируемое общество	Слабые националистические СМИ

Источник:

Модельски Дж. Op. cit. — http://www.worldpolit.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=46&Itemid=1

Термин «открытое общество» введен ученым для того, чтобы подчеркнуть роль демократического опыта, его назначение — кратко выразить потенциал свободы, открытости и народовластия. В более конкретных терминах это означает, что общества, стремящиеся к мировому лидерству, будут ценить плюрализм, иметь развитую систему публичных организаций, в том числе хорошо функционирующую многопартийную систему и широкую сеть частных ассоциаций и групп интересов. Различные сочетания этих элементов создают коалиции для решения глобальных проблем и являются, таким образом, на национальном и мировом уровне существенным элементом изучаемого нами процесса, особенно в рамках фазы построения коалиций. В ближайшие десятилетия, прогнозирует Дж. Модельски, они послужат строительными блоками глобальной демократической общины, для которой мировая война станет анархизмом, а проблемы будут решаться с помощью демократических процедур.

Аналитически реагирование на глобальные проблемы может быть рассмотрено как способ ответа мировому общественному мнению. Это обеспечивает легитимность международным действиям, дает обоснование, в терминах которого действия государства рассматриваются как предпринятые во имя общих интересов.

Таким образом, понимание политического времени (хронополитики) Джорджем Модельски сопряжено с его теорией «длинных циклов» эволюции глобальной политики. Мы пришли к выводу, что длинный цикл глобальной политики тематизируется ученым-международником как процесс, с помощью которого одно государство получает статус глобального лидера.

Дж. Модельски выделяет пятисотлетние эры эволюции глобальной политики, которые могут рассматриваться как отдельный период глобальной политики. Можно также утверждать, что глобальный системный процесс предопределяет повестку дня мировой политики данной эры. Нами было показано, что каждый период глобального политического процесса можно представить как четыре длинные циклы, которые отвечают тем, которые были тематизированы нами в Таблице 2. Каждый цикл протяженностью 120 лет представляет собой одну фазу мирового политического процесса, которая продуцирует глобальную политическую организацию.

Длинный цикл глобальной политики объясняется как продукт четырехфазного процесса отбора и одновременного действия четырех необходимых условий. Стоит заметить, что четырехфазный процесс и необходимые условия — это два взгляда на один и тот же феномен. Они говорят об одном и том же с различных точек зрения и намечают две различные перспективы.

Их отношения являются взаимными. Четыре фазы представляют собой последовательную оптимизацию каждого из условий. Макрорешение (мировая война) представляет фазу, в которой силы глобального достижения имеют решающее влияние и получают наиболее полное осуществление. По очереди каждое из четырех необходимых условий становится фактором, объясняющим успех в каждой из отдельных фаз циклов.

Первая из этих перспектив, связанная с четырехфазным процессом отбора — темпоральная (или диахроническая), в том смысле, что она ориентирована во временном измерении. Вторая — пространственная, в том смысле, что она имеет дело с распределением ресурсов в пространстве и может в различных точках времени быть выражена в «срезе» такого распределения.

Таким образом, концепция длинного цикла — это модель долгосрочного политического развития, которое представляет собой «символический синтез», опирающийся на факты, наблюдаемые переменные социального процесса. Но также это синтез более высокого порядка по сравнению с историческими нарративами, в том отношении, что факты рассматриваются не столь скрупулезно.

Заключение

В ходе данного исследования нами была сделана попытка, адаптируя методологию Ф. Броделя (его *концепция уровней, форм темпоральности*) к политической реальности, систематизировать современные представления о политическом времени на разных уровнях социально-политической организации: микро-, мезо- и макроуровне.

Микроуровень исследования феномена политического времени был представлен нами концепцией «нерутинной политики» Б. Кубисека. Было сделано попытку проследить каким образом политическое время влияет на индивида, изменяет его поведение и восприятие политической реальности и процессов, которые в ней протекают.

Мезоуровень исследования был тематизирован нами исходя из концепции известного историка экономики Д. Норта. Было показано каким образом функционируют институты и происходят институциональные изменения в экономической и политической подсистемах социальной системы. Мы также проанализировали эвристический потенциал адаптации концепта «определенного пути» (*path dependence*) в политической науке.

Макроуровень исследования был репрезентирован теорией «длинных циклов» Дж. Модельски. Исходя из данной теории нами

тематизировалась темпоральная проблема приобретения глобального лидерства государствами-нациями, были рассмотрены длинные циклы эволюции глобальной (мировой) политики за последние две тысячи лет существования человечества, делалась попытка анализа ритмов масштабных политических систем, прогнозировалась модель будущего мирового порядка.

Несмотря на разнообразные уровни анализа политического времени, необходимо констатировать тот факт, что все ученые, теоретические разработки которых были нами использованы, приходят к умозаключению о том, что политическое время не просто придает алгоритмам политического действия форму, не просто становится важным ресурсом господства, но делает возможным и рациональным само существование политических акторов на любом уровне социально-политической организации.

Представленные в данной статье уровни (формы, диапазоны) политического времени способны выявить и преодолеть «темные» пятна политической динамики, однако, одновременно вносят в повестку дня политической науки новые проблемные вопросы политического развития, которые требуют своей качественной тематики нынешним поколением политологов.

1. Bryson V. Time. Электронный ресурс. — Режим доступа: <http://www.hud.ac.uk/politics/research/confs/index.html>; 2. Там же; 3. См.: Якубин О.Л. До концептуалізації поняття політичного часу // Вісник Київського національного університету імені Тараса Шевченка: Філософія. Політологія., — випуски 89-90., — Київ: 2008. — С. 133-137; 4 Цит. по: Козеллик Р. Минуте майбутнє. Про семантику історичного часу. — К.: Дух і літера, 2005. — С. 16; 5. Бродель Ф. История и общественные науки. Историческая длительность // Философия и методология истории. Сборник переводов. — М.: Прогресс, 1977. — С. 115-142; 6. См.: Smelser N.J. Problematics of Sociology. The Georg Simmel Lectures, 1995. — Berkeley-Los Angeles-London: University of California Press, 1997; 7. Aminzade, R. R. et al., Ed. Silence and voice in the study of contentious politics // Cambridge studies in contentious politics. — New York: Cambridge University Press, 2001. — P. 7; 8. North D.C. In Anticipation of the Marriage of Political and Economic Theory // Competition and Cooperation: Conversation with Nobelists. — New York: Russell Sage Foundation, 1999. — P. 316; 9. Kubicek B. V. Political Creativity. Ph.D diss. Department of Political Science, Massachusetts Institute of Technology. — Cambridge, MA.: 2004. — Pp. 41-82; 10. Там же. — Pp. 41-62; 11. Там же. — Pp. 65-82; 12. Там же. Pp. 85-99; 13. Там же. — Pp. 100-114; 14. Там же. — Pp. 100-114; 15. North D. C. In Anticipation of the Marriage of Political and Economic Theory // Competition and Cooperation: Conversation with Nobelists. — New

York: Russell Sage Foundation, 1999. — P. 316; 16. *North D. C.* Institutional, institutional change and economic performance. — Cambridge: Cambridge University Press, 1990; 17. Там же. — P. 12; 18. Там же. — Pp. 14-15; 19. Там же. — P. 15; 20. Там же. — Pp. 16-17; 21. Там же. — Pp. 16-17; 22. См. Более подробно: *Rutten A.R.* Politics in Time // *The Independent Review*, v. XI, n. 2, Fall 2006. — Pp. 299-305; 23. Там же. — P. 301; 24. *North D. C.* Institutional, institutional change and economic performance. — Cambridge: Cambridge University Press, 1990. — P. 95; 25. Там же. — P. 95; 26. Более подробно см.: *Said E.W.* Culture and Imperialism. — New York: Alfred A. Knopf, Inc, 1993; 27. См.: North-South: A program for Survival. — Cambridge, MA.; MIT Press, 1980; 28. *Modelski G.* The Study of Long Cycles // *Exploring Long Cycles* / Ed. by G. Modelski. — London, 1987. — P. 1-2; 29. *Modelski G.* Time, Calendars and International Relations: Evolution of Global Politics in the 21st Century. Paper presented at the 37th annual convention of the International Studies Association in San Diego. April 16-20, 1996. — Электронный ресурс. — Режим доступа: <http://faculty.washington.edu/modelski/>; 30. См.: *Modelski G.* From Leadership to Organization: The Evolution of Global Politics // *Journal of World Systems Research*. 1995. Vol. 1. № 7; 31. *Modelski G.* Long-Term Trends in World Politics // *Journal of World-Systems Research*. — 2005. — Vol. XI, № 2. — P. 192-197; 32. Там же. — Pp. 198-199; 33. *Чухарев И.А.* Хронополитика в теории мировой политики — М.: Современные тетради, 2006. — С. 31; 34. *Модельски Дж.* Эволюция глобальной политики; Электронный ресурс. — Режим доступа: — http://www.worldpolit.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=46&Itemid=1; 35. Там же; 36. Там же; 37. Там же; 38. Там же; 39. Там же; 40. Там же.

Н. Н. Бойченко, к. филос. н.,
Университет менеджмента образования
Национальной Академии педагогических наук Украины

РАЗМЫШЛЕНИЯ ОБ ИСТОРИИ ПОНЯТИЯ «ВРЕМЕНА»

Статья посвящена анализу истории интерпретаций понятия «времена» в художественной и философской литературе на примере исследования истории переосмысления высказывания «tempora mutantur et nos mutamur in illis».

Ключевые слова: время, времена, картина мира, мировое время, время личности, историческое время.

«Времена изменяются, и мы изменяемся в них» — именно так следует переводить знаменитое латинское высказывание (далее по

тексту — Высказывание). В то же время, привычный его перевод как для украинского или российского читателя, так и для рядового англоязычного человека звучит несколько иначе, а именно: «Часи змінюються, і ми змінюємося разом з ними» [1] «Времена меняются, и мы меняемся вместе с ними» [2], «Times change, and we change with them» [3]. Случайна ли такая неточность, или даже неправильность перевода? На наш взгляд, не случайна — и *самое время* с этим разобраться.

Следовательно, **актуальность** статьи предопределена привычкой некорректного восприятия времени сознанием — привычкой, которую можно и следует корректировать, а последнее может происходить стихийно, но может быть осуществлено с помощью того же сознания.

Для начала попробуем осмыслить суть этого Высказывания, а также углубиться в причины его неточного перевода, которые имеют не меньшее философское, социальное и психологическое значение, нежели само Высказывание. Такой смысловой анализ предоставит возможность выйти на концептуализацию самого понятия времени — а именно, на выявление определенных рамочных условий любых его интерпретаций, так сказать, на прояснение смыслового горизонта применения термина «время». Такая общая концептуализация и будет главной **целью** этого небольшого исследования-эссе, которое имеет больше логическое, чем эмпирическое обоснование. Впрочем, каждый из нас имеет собственные возможности для проверки адекватности логических выводов, то есть, среди прочего, их соответствия нашему опыту времени — индивидуальному и коллективному, интимно личностному и тому, который мы разделяем с другими. Однако, если **объектом** исследования являются временные структуры («времена»), то **предметом**, который определяет упомянутая выше цель исследования, должно быть выявление основных условий понимания и осмысления этих временных структур.

Обозначенная цель предопределяет следующие основные задачи исследования, которые частично уже были представлены при определении цели: выяснить историю появления Высказывания, проанализировать смысловые аспекты Высказывания, которые проявились при первых литературных ссылках на него и его переводах; очертить основные философские нюансы филологического анализа Высказывания; выяснить философскую предысторию его употребления и развитие его философского осмысления и, наконец, применить философский подход Мартина Хайдеггера как основу современного философского понимания Высказывания.

История Высказывания

«Времена изменяются, и мы изменяемся вместе с ними». Именно такое Высказывание (*Omnia mutantur nos et mutamur in illis*) приписывал поэт немецкого Ренессанса Матеус Борбониус [4] франкскому императору Лотарю I (IX в. н. э.), внуку Карла Великого [5]. Но это Высказывание имеет давнюю предысторию, о чем свидетельствует хотя бы то, что оно звучит латынью, не такой уже повседневной даже для франкских императоров. И здесь чаще всего ссылаются на Публия Овидия Назона, который в своих «Метаморфозах», книге XV, строки 165-168 [6] утверждает:

*Omnia mutantur, nihil interit. Errat, et illinc
Hinc venit, hinc illuc, et quoslibet occupat artus
Spiritus; eque feris human(a) in corpora transit,
Inque feris nostris, nec tempore deperit ullo.*

Что в переводе С. Шервинского звучит несколько иначе, но в целом очень близко:

Так: изменяется все, но не гибнет ничто; но блуждая,
Входит туда и сюда; тела занимает любые
Дух; из животных он тел переходит в людские, из наших
Снова в животные он, во веки веков не исчезнет.

По фабуле «Метаморфоз» Овидий в этом пассаже своими словами передает тезисы учения Пифагора о переселении душ.

Существенное отличие российского перевода с латинским оригинальным текстом Овидия лишь в последних словах, там, где поэт-переводчик подменил субъект предложения: не дух не исчезает, но не исчезают времена. Вместо «Во веки веков не исчезнет» должно было бы быть «Вовек времена не исчезнут», кстати без потерь для поэтической ритмики. Как видим, и здесь неточности перевода — просто какое-то заколдовано место!

Учитывая это уточнение, становится понятным, почему ссылаются именно на Овидия, у которого, на первый взгляд, если довериться переводу, речь идет совсем не о времени или тем более так аналитически — о временах. Но то, что потерял российский читатель, который не имел доступа к оригиналу, не потеряли западные читатели и те исследователи Овидия, которые воспользовались фактически сокращенной версией изложенной гекзаметром обширной мысли Овидия, опуская его тезисы из эзотерического Пифагора. Такую сокращенную версию они получили уже из самого римского литературного наследия. Да, тема Высказывания, которое мы анализируем в этой статье, была неоднократно зафиксирована не-

которыми исследователями уже у Квинта Горация Флакка (Quintus Horatius Flaccus; 08.12.65 до н.э. — 27.11.8 к н. э.) — от знаменитой оды «К Мельпомене» («Создал памятник я, бронзы литой прочнее...»), по мотивам которой писал свою оду и А. С. Пушкин) до «Науки поэзии. К Пизонам» («...что раньше вызрело, то раньше и погибнет...») и наконец — «Rapit hora diem», то есть «Час торопит день» (наш перевод) [7].

Первые литературные ссылки и переводы

Впрочем, первые западные переводчики считают, что цитируют не Флакка, а Овидия: *Tempora mutantur, nos et mutamur in illis*.

Да, в рамках протестантской литературы простонародья поэты обращаются к этому Высказыванию. Сначала все еще латынью в 1554 году Каспар Губеринус [8] перефразирует цитируемое выше место из Овидия:

Tempora labuntur, tacitisque senescimus annis;

Tempora mutantur, nosque mutamur in illis.

В нашем переводе:

Времена слабеют, как и года незаметно уходят;

Времена меняются, как и мы меняемся в них.

Собственно немецкий перевод получаем в 1565 году благодаря Йоганесу Насу [9]:

Tempora mutantur et nos mutamur in ipsis;

Die zeit wirdt verendert / und wir in der zeit.

В нашем переводе:

Времена меняются, и мы сами уже иные;

Время иное — иные во времени мы.

Первыми среда англичан это место из Овидия цитируют Уильям Гаррисон в «Описании Англии» [10] и Джон Лили в романе «Эвфюз» [11].

Филологический анализ

Разночтение с Овидием есть как у немцев, так и у англичан.

Если Каспар Губерниус при этом практически ничего не меняет в сущности, лишь исправляет «неправильную» латынь Овидия («nosque» вместо «et nos»), то Йоганес Нес уже изменяет и сам текст латынью, и передачу его смысла немецким переводом. Именно Нес впервые делает в сущности правильную экспликацию Высказывания Овидия, когда четко пишет об *изменении людей во вре-*

мени. При этом теряется Овидиева форма и некоторая загадочность, однако выигрывает философия.

Гаррисон переводит на английский это классическое Высказывание как «The times change, and we change with them», а Лили как «The tymes are chaunged as Ouid sayeth, and wee are chaunged in the times», что на современном английском звучит: «The times are changed, as Ovid says, and we are changed in the times» [12]. Здесь также видим разночтение — то ли «времена изменяют» («times change») и «мы изменяем» («we change») в версии Гаррисона, то ли «времена подверглись изменениям, изменились» («tymes are chaunged») и «мы подверглись изменениям, нас изменили») («wee are chaunged») — у Лили. Но, невзирая на разное толкование Высказывания, есть и совпадение — в одинаковом положении у обоих авторов оказались и времена, и люди, а точнее людей сравнивают со временами, первые следуют за вторыми. Впрочем, каким собственно является это созвучное временам положение людей — или активных творцов себя, или претерпевших «объективные» изменения как определенное фатальное, неотвратимое влияние?

Следовательно, во-первых, английские интерпретаторы Овидия абсолютно правы, подчеркивая общность судьбы времен и людей, ведь именно это хотел передать и Овидий своей гекзаметрической формой. Тот факт, что в Овидия «et» (и) идет за «nos» (мы) и является акцентированным благодаря гекзаметру, служит привлечению внимания к этому месту текста. Точным переводом, поэтому должен быть «и мы также», а не просто «и мы».

Во-вторых, глагол *mūtō* означает как «двигаются» так и «изменяются», поэтому англоязычная Википедия вполне корректно предлагает как альтернативный перевод Высказывания «Времена движутся и мы движемся в них [и вместе с этим движением времен]» — «The times move [on], and we move [along] in them» [13]. Согласно этой интерпретации сравнение времен и людей охватывает еще более широкое поле.

И, наконец, в третьих, ответ на отличие положения времен и людей не может дать филология, и наше мнение заключается в том, что такой ответ должна дать философия.

Философская предыстория

Высказывание, которое приписывают Овидию, вызывает, прежде всего, в памяти другое знаменитое высказывание, а именно тезис Гераклита «Все течет, все изменяется» (Πάντα ῥεῖ (panta rhei)) [14] и соответственно образ реки (другой отрывок из Гераклита —

«нельзя дважды войти в ту же реку»). Именно высказывание Гераклита прямо использует Овидий, хотя и без упоминания имени Гераклита, которое было лишним в кругу образованных римлян «omnia mutantur» («все изменяется», «τὰ πάντα ρεῖ»).

Впрочем, отрывок из Овидия имеет не меньше ассоциаций с другим классическим латинским высказыванием — «O tempora! O mores!» («О времена! О нравы!»), которое кажется нам не менее важным для понимания контекста употребления «tempora mutantur et nos mutamur in illis». Более раннее высказывание об обычаях принадлежит Марку Тулию Цицерону (Marcus Tullius Cicero, 03.01.106 до н.э. — 07.12.43 до н.э.) [15]. Цицерон употребляет термин «времена» уже в его социальном, а не космическом значении — в отличие от Гераклита. Именно у Цицерона встречаем уверенное использование слова время («tempus») во множественном числе — «времена» («tempora»). Этот социальный аспект нельзя не учитывать во время нашего анализа.

Таким образом, общий космизм Гераклита приобретает у Овидия типично эллинистическое звучание — с переносом акцента с мира как целого на человека и его судьбу в этом мире, прежде всего, в мире социальном. И здесь тяжело сказать, к чему склоняется больше сам Овидий в своей эллинистической элечности — к фатализму стоиков или к сдержанному оптимизму эпикурейцев.

В первом варианте речь бы шла о том, что люди, как и времена, подвластны неумолимой судьбе, и времена изменяются согласно этой судьбе, а люди еще более фаталистично — жертвы не только судьбы, но и в своего времени или точнее, своих времен. Как здесь не вспомнить классический стоический образ-сравнение судьбы человека с ситуацией собаки, которая бежит, потому что привязана к телеге и имеет свободы ровно столько, сколько бежит в том же направлении, что и телега. Здесь был бы уместен при переводе и пассив, как у Лили.

Тема вечности душ явно не эпикурейская (поскольку последователи Эпикура избегали размышлений о возможности жизни после смерти и учились жить, ценя в полной мере каждый прожитый день). Однако, внимание к времени жизни личности, его сознательного проживания свойственно именно эпикурейцам с их лозунгом «Срывай день» («Carpe diem»). У того же Овидия встречаем [16]:

Utendum (e)st aetate, cito pede labitur aetas:

Nec bona tam sequitur, quam bona prima fuít.

В переводе М. Гаспарова:

Пользуйся, годы не ждут, скользя в легкокрылом полете:

Радости ранней поры поздней порой не придут

Перевод этот является в значительной мере вариацией на тему строк Овидия, а его автор стремится конкурировать с Овидием в поэзии, потому в целях нашего исследования стоит более буквально передать на украинском языке установку классика:

Наш перевод:

Бодро по жизни иди — всякое время познав:

То, что уходит, цени — словно впервые вкусил.

Здесь уже уместен английский актив глагола «изменять», как у Гаррисона.

Впрочем, не менее важна для нас и другая деталь — у Гераклита не тематизируется терминологически проблема времени, тогда как у Овидия это уже привычное понятие, которое имеет много терминологических воплощений (время — «tempus», время жизни личности — «aetas»), более того — время употребляется во множественном числе (времена — «tempora»). Это свидетельствует о достаточно развитой концепции времени, которое, очевидно, является множественным и, очевидно, допускает определенное временное разнообразие. Ведь иначе — как была бы возможна такая изменчивость времен, их движение.

Развитие философского осмысления

Эпоха Возрождения, когда, по нашему убеждению, не случайно опять возвращаются к проблеме времени как множественного, фокусируя внимание именно на этом отрывке из Овидия, вносит новые смысловые аспекты в тему времени. Время уже не то, в чем мы находимся, как в Гераклитовой реке, но то, что находится рядом с нами. Это открывает совсем другую перспективу — человек определяет свою сущность как хотя и связанную со временем, однако относительно независимую от него.

Это как бы шаг в сторону от темы времени, а следующий шаг фиксирует уже Мартин Хайдеггер, когда анализирует эволюцию европейской философии как направленную на волю к власти, окончательно и предельно откровенно сформулированную в философии Фридриха Ницше. Сверхчеловек уже не подвластен временам — так, Ницше пишет специальную работу с красноречивым названием «О полезности и вредности истории для жизни» [17]. История как совокупность человеческих времен преимущественно мешает личности овладеть своим собственным временем, отвлекает на чуждые времена — так можно интерпретировать позицию, которую отстаивает Ницше.

Эта позиция, на наш взгляд, имеет свое соответствие и во вполне академической философии, более того, в той философской школе, которая и до сих пор стремится определять магистральные направления развития философии, — а именно в феноменологии Эдмунда Гуссерля. Действительно, Гуссерль до некоторой степени уточняет разные положения своей философии, но всегда лишь усиливает исходное жесткое различие между «чистым сознанием» и «естественной установкой», а далее и «психологизмом», чем он раз и навсегда пытается высвободить человеческое сознание из «кандалов» эмпирического мира [18]. Не будем спорить об адекватности такого стремления с точки зрения психологии личности (ведь неопровержимым представляется глубокий конфликт личности не только с миром и другими людьми, но и с самой собой, который лишь замаскирован за видимым конфликтом с собственным презентациями в этом мире и во взаимоотношениях с другими). Обратим внимание на разрыв личности с миром, в том числе и миром социальным — разрыв, который максимально сближает Ницше и Гуссерля — на первый взгляд, таких разных философов. В результате этого разрыва Гуссерль ограничивает рассмотрение проблемы времени «внутренним сознанием времени» [19] — ведь «мировое время» для него лишь элемент натуралистической установки, а время во взаимодействии с другими — слишком призрачно и его обязательность слишком далека от аподиктичности внутреннего сознания времени. Таким образом, если для Ницше и Гуссерля «времена» и изменяются, то мы никоим образом не изменяемся «вместе с ними», не изменяемся мы и «в них», но совсем наоборот — вероятнее всего, что именно «они изменяются в нас».

Однако, по мнению Хайдеггера, даже такая позиция является иллюзией феноменологов — ведь у них нет определения того бытия, которое может характеризоваться с помощью времени: «в том, что касается фундаментальной задачи определения ее специфического поля, феноменология оказывается *нефеноменологичной!* — т. е. *лишь мнимо феноменологичной!* Но она такова не только потому, что в ней *не определяется бытие интенционального*, т. е. бытие некоего отдельного сущего, но и еще в одном фундаментальном аспекте: *категориальное различие в сфере сущего* (сознание и реальность) *проводится так, что при этом само основание различения, а именно бытие, не проясняется сообразно его смыслу, и о нем даже не ставится вопрос*» [20]. Этим смыслом, по Хайдеггеру, и есть время.

Сам же Хайдеггер переосмысливает в который раз проблему времени и, критикуя стремление Ницше овладеть временем, все же остается созвучным с ним относительно фокусировки внимания на

времени жизни личности. Впрочем, такая фокусировка для него уже не превращается в солипсизм сверхчеловека, к чему склонна философия Ницше, особенно в вопросах морали. Время личности, по Хайдеггеру, неотделимо от времен других личностей, которые он анализирует через категорию мира. Экзистенциальное бытие человека может быть осмысленно лишь как бытие-в-мире, и в частности через социальное бытие человека. И здесь «времена» никогда не будут совершенными, как они никогда совершенными и не были — социальное бытие для личности всегда недостоверно. Хайдеггер открывает новое постижение времен общества как неподлинного бытия в принципе. Речь идет не о перемене времен к худшему, на что склонны были намекать римляне, а следом за ними и поэты Возрождения.

Идея потерянного золотого века, которая дошла до нас благодаря сочинению Гесиода «Труды и дни» [21], трансформировалась у римлян в ностальгию по временам Римской республики или вообще временам идеализированной римскими интеллектуалами греческой демократии, а у деятелей эпохи Возрождения такими «золотыми временами» была вся античность, опять же идеализированная, знакомая преимущественно лишь из текстов античных авторов. Хайдеггер же пытается возродить понимание «времен», предложенное досократиками, в частности Гераклитом и Парменидом. А именно, речь идет о принципиальной гомогенности времен в этом изменчивом мире, в котором ничто не может быть принципиально лучше другого, а потому и времена всегда одинаковы по своей сути, хотя и каждый раз иные по своим проявлениям. Согласно досократикам «времена» не могли бы быть хорошими или плохими, а соответственно лучшими или худшими. Собственно, потому им, очевидно, и оказалась ненужной сама категория «времен».

Время мира, время человеческой жизни и историческое время в философии Мартина Хайдеггера

Хайдеггер застает представление о мировом времени, времени человеческой жизни и историческом времени, как по его мнению, искусственно разорванные в теории и мнимо автономные. Свое задание он усматривает, по нашему убеждению, в преодолении этого разрыва и выявлении единой природы времени для человека, общества, мира.

Хайдеггер специально останавливается на социальных основаниях появления новой естественнонаучной парадигмы в Новое

время и отмечает, что изменчивость как универсальная характеристика предмета естественных наук утверждается еще с начала Нового времени [22]. Однако, в этот период она утверждается, так сказать, некритически, как естественная установка, то есть научные исследователи сами верят, что вся природа является изменчивой, а не в то, что мы видим ее такой благодаря специфическому углу зрения. «Лишь в горизонте постоянной изменчивости выявляется полнота частных фактов. Но факты надлежит опредметить. Научное предприятие должно поэтому установить изменчивое в его изменении, остановить его, оставив, однако, движение движением. Устойчивость фактов и постоянство их изменения как таковых есть правило» [23]. Это лишь на первый взгляд кажется простым воссозданием позиции Гераклита — ведь теперь эта позиция нуждается в эмпирических фактах. Новые научные установки, впрочем, являясь, по мнению Хайдеггера, не результатом эмпирических исследований, а их основанием, причем появление такого основания связано с вполне новым мировоззрением, которое появляется как система: «Не картина мира превращается из прежней средневековой в новоевропейскую, а мир вообще становится картиной, и этим отличается существо Нового времени. Для Средневековья сущее есть *ens creatum*, творение личного Бога-творца как высшей причины... Но никогда бытие сущего не состоит здесь в том, что оно, будучи предметно противопоставлено человеку, переходит в сферу его компетенции и распоряжения и только потому существует» [24]. Появление же нового мировоззрения не является делом ни человека, ни даже общества. Это предельно очевидно, по Хайдеггеру, на примере античности: «Сущее становится сущим не оттого, что человек его наблюдает в смысле представления рода субъективной апперцепции. Скорее сущее глядит на человека, раскрывая себя и собирая его для пребывания в себе. Быть под взглядом сущего захваченным и поглощенным его открытостью и тем зависеть от него, быть в вихре его противоречий и носить печать его раскола — вот существо человека в великое греческое время» [25].

Впрочем, изменение представлений о мировом времени невозможно без согласованных с ним изменений представлений о времени личностном и времени социальном. «Превращение мира в картину есть тот же самый процесс, что превращение человека внутри сущего в *subiectum*. Лишь поскольку — и насколько — человек вообще и по существу стал субъектом, перед ним как следствие неизбежно встает настоятельный вопрос, хочет ли и должен ли человек быть субъектом, — каковым *в качестве* новоевропейского существа он *уже* является, — как ограниченное своей прихотью и отпущенное на собственный произвол Я или как общественное Мы,

как индивид или как общность, как лицо внутри социума или как рядовой член в организации, как государство и нация и как народ или как общечеловеческий тип новоевропейского человека. Только когда человек уже стал в своем существе субъектом, возникает возможность скатиться к уродству субъективизма в смысле индивидуализма» [26]. То есть, и «автономизация» субъективного времени как проблема связана с появлением новой картины мира.

В специальном труде «Пролегомены к истории понятия времени» Хайдеггер открыто утверждает такую определяющую роль понятия времени: «...время представляет собой *единый* «индекс», различающий и отграничивающий предметные области вообще. Понятие времени раскрывает для нас способ и возможность такого разграничения универсальной сферы сущего. Это понятие так или иначе — в зависимости от стадии его формирования — становится путеводной нитью для вопроса о бытии сущего и о его возможных регионах; однако эта его принципиальная роль не получает отчетливого осознания, вследствие чего оно используется довольно грубо, и возможности, заложенные в ориентации на это понятие, остаются нереализованными» [27].

Примечательно, что Хайдеггер при исследовании истории понятия времени приходит к выводу, к которому нас также склоняет рассмотрение истории переводов и интерпретаций отдельного, хотя и знакового латинского высказывания: *«история понятия времени оказывается историей открытия времени и его понятийной интерпретации, т.е. историей вопроса о бытии сущего, историей попыток открыть сущее в его бытии, предпринимаемых на основе соответствующего понимания времени, на той или иной ступени понятийной разработки этого феномена. Стало быть, в конечном-то счете история понятия времени оказывается историей упадка и историей искажений основного вопроса* научного исследования — вопроса о бытии сущего: историей неспособности радикально по-новому поставить вопрос о бытии и заново разработать его первоосновы — неспособность, укорененная в бытии вот-бытия» [28]. Следует лишь отметить, что эти искажения, взятые не сами по себе, а как частичные, не самостоятельные попытки обнаружить отдельные характеристики времени позже оказываются востребованными именно для радикальной постановки вопроса.

Речь у Хайдеггера всегда идет о мире не как вещи-в-себе, но как значимом для человека — человек и мир будто раскрываются, по Хайдеггеру, друг другу навстречу. Потому и времена следует понимать у Хайдеггера как ценностную категорию, как то, что имеет значимость, независимо, идет ли речь об обществе или о природе, об общественной организации или о «вмонтированности» человека в

мир. Такая общая судьба природы и истории является для Хайдеггера данностью, ведь «мировость» мира для человека является его обжитостью человеком, нужностью мира человеку, а эта нужность, в свою очередь, определяется через социальность. На первый взгляд удивительным образом, у Хайдеггера встречаем мотивы молодого Маркса с его обществом как очеловеченной природой [29]. Впрочем, это случается, на наш взгляд, совсем не случайно, а наоборот — является следствием вполне осознанной со стороны Хайдеггера позиции. Ведь именно в одной из наибольших созданных Хайдеггером работ, посвященной проблеме времени — «Прологоменах к истории понятия времени» — Хайдеггер, анализируя мир как область функциональных «отсылок к миру» как полезных для человека, обращается к характеристике «подручности» мира как специфической функции, которую выполняет мир труда относительно самовыявления вещей. Лишь на первый взгляд это — дань Марксу, ведь вскоре оказывается, что функциональный мир отсылка является лишь внешней оболочкой мира ценностей, которые и предопределяют эти отсылки. Вещи тогда оказываются не столько товарами, сколько вещами-знаками, а отношения между ними приобретают ценностный характер, поскольку выражают отношение не столько между самими вещами, сколько между тем, что стоит за вещами как знаками.

«В таком знакомом бытии, фундированном в мировости окружающего мира, коренится возможная функция вещей как источника для исторических открытий и заключений. Столь своеобразные вещи, как источники исторического познания, не являются самопонятными и прозрачными в их специфической бытийной структуре. Так, каменный топор сначала открыт как наличное, а прежде этого он был доступен какому-нибудь крестьянину разве что в качестве камня, на котором подскочила повозка, или о который запнулась нога, или который посадил зазубрину на лемехе. Этот камень остается для него недоступным, но не потому, что сама эта вещь не явлена ему телесно, не потому, что он не располагает этим источником как наличной вещью, но именно потому, что он аппрезентирует пока еще только эту вещь в ее наличности, как она открыта ему посредством его специфической озабоченности. Как крестьянин, распахивающий поле, он не в состоянии на основе своего бытия-в-мире открыть этот камень в том, чем он собственно был и еще остается. Для него это голая вещь — не в теоретическом смысле, но вещь, обнаруживающая себя в его окружающем мире в качестве ни на что не пригодной и только мешающей. Крестьянин не просто не имеет доступа к этому камню, но сам же и перегораживает его, или даже уничтожает его окончательно, поскольку по-

ложительно воспринимает камень в качестве того, чем он для него и является, т.е. в качестве помехи, и разбивает его о ближайший валун» [30]. Отсюда Хайдеггер считает, что вопрос постижения источников исторического познания, то есть вопрос времени в общественном бытии относится к компетенции герменевтики исторических дисциплин.

Таким образом, время или «времена» — это то, что критическим образом зависит от человека как существа мыслящего, понимающего, исторического, социального. Это оказывается более очевидным в случае с объектами духовного мира, которые продуцируются самим человеком, менее очевидно — в случае объектов мира природы, например, физического мира, когда такая зависимость осознается лишь благодаря понятию «картина мира». Да, в картине мира мировое время превращается из субстанции в функцию этой картины мира, в основе которой лежат другие ценности по сравнению с теми, которые породили представление о мировом времени, и потому мировое время уже не является чем-то самопонятным, а имеет значимость лишь как элемент картины мира и уже не может рассматриваться иначе.

Начиная наше исследование с художественного Высказывания, стоит завершить его другим отрывком из художественного произведения, но уже нашей эпохи — из 84 раздела романа Роберта Музиля «Человек без свойств»: «Різниця... полягає не стільки в тому, що відбувається, стільки у значенні, якого цьому надають, у намірі, що його з цим пов'язують, у системі, яка охоплює ту чи ту подію... Недарма кажуть «світовий театр», адже в житті раз у раз виникають ті самі ролі, інтриги й колізії... Цілком успішні політичні постаті реальності, за винятком дуже вже великих, мають багато чого спільного з авторами касових п'єс; бурхливі події, що їх вони творять, навіюють нудьгу, оскільки позбавлені духовності й новизни, але саме завдяки цьому й доводять нас до того пасивно-сонного стану, коли ми миримося з будь-якою переминою. Якщо розглядати історію з такого погляду, то вона постає з рутини й матеріалу ідейно байдужого, а реальність народжується переважно з того, що задля ідей нічого не діється. Коротко це можна висловити... так: нас не дуже турбує те, що діється, й дуже — з ким, де й коли це діється, отож турбує нас, власне, не дух подій, а їхня фабула, не відкриття якогось нового змісту життя, а розподіл уже наявного, а це й на правду з точністю відповідає різниці між п'єсами чудовими й тими, котрі просто мають успіх. Але звідси випливає, що насамперед потрібно, навпаки, відмовитися від підходу до оцінки подій з позицій особистої корисливості. Їх треба розглядати, отже, не стільки як щось особисте й реальне, скільки як щось спільне й абстрактне,

тобто розглядати з такою мірою особистої свободи, немовби вони намальовані чи проспівані. Повертати їх треба не до себе, а вгору й назовні» [31].

Вывод

Время является вечным возвращением согласованных между собой ритмов природы, общества и человека — ритмов разной скорости, разной размерности и разной длительности, которые, впрочем, делают возможными друг друга. Невозможно рассматривать адекватно изменения времен человека, общества и природы как взаимно отвлеченные и автономные. Время как целое соединяет в себе разные времена, которые предстают в одном отношении как спектр времен, а в другом как их иерархия, еще в другом как необратимость, а еще в другом как воспроизводимость, как личное и коллективное, рутинное и творческое время. Мы изменяемся во времени и мы изменяем время — время изменяет нас и изменяется нами.

В отдельной статье невозможно в полном объеме рассмотреть проблему времени как самодостаточную. Это требует, кроме всего прочего, развернутых цитирований фундаментальных исследований времени, к которым мы так не смогли избежать. Впрочем, тот набросок, который уже осуществлен нами здесь, по нашему мнению, вносит в научную дискуссию ту аргументацию, которая делает выводы из нее необратимыми. Если отдельные сюжеты были изложены несколько эскизно и чересчур кратко — что же, надеемся, что *sapienti sat* — сообразительному и осведомленному читателю этого должно хватить для адекватного понимания по меньшей мере замысла автора, а хотелось бы надеяться — и для надлежащего осмысления некоторых сущностных аспектов проблемы времени.

1. *Tempora mutantur et nos mutamur in illis* (Электронное издание). Режим доступа: <http://aphorism.org.ua/search.php>; 2. *Tempora mutantur et nos mutamur in illis* // Бабичев Н.Т., Боровський Я.М. Словарь латинских крылатых слов: 2500 единиц. (Под ред. Я.М.Боровского). — 3-е изд., стер. — М.: Рус.яз., 1988. — С. 792-793; 3. *The Epigrammata of John Owen, Book 8, English* (Электронное издание). Режим доступа: http://en.wikipedia.org/wiki/Tempora_mutantur; 4. *Matthias Borbonius: Selection of: Caesares, Leipzig 1595* // *Delitiae Poetarum Germanorum huius superiorisque aevi illustrium*. A.F.G.G., Bd. 1, — Frankfurt am Main 1612, — S. 685 (цит. по: http://en.wikipedia.org/wiki/Tempora_mutantur); 5. См.: Словник Lingvo 12 (статья «tempora mutantur et nos mutamur in illis» — www.lingvo.com); 6. *Публий Овидий Назон. Метаморфозы / Публий*

Овидий Назон. (Пер. с лат. С.Шервинского). — М.: Худож. лит., 1973. — С. 367; 7. *Квинт Горацій Флакк* К Мельпомене // Квинт Горацій Флакк Сочинения. (Пер. с лат. С.Шервинского). — М.: Худож. лит., 1968. — С. 176; *Квинт Горацій Флакк* К Пизонам // Квинт Горацій Флакк Сочинения. (Пер. с лат. М.Гаспарова). — М.: Худож. лит., 1968. — С. 384; 8. *Caspar Huberinus: Postilla Deudsch*, — Frankfurt an der Oder 1554, — fol. 354. — цит. по: (Электронное издание). Режим доступа: http://en.wikipedia.org/wiki/Tempora_mutantur; 9. *Johannes Nas: Das Antipapistisch eins vnd hundert*, [Ingolstadt] 1565, — fol. 83. цит. по: (Электронное издание). Режим доступа: http://en.wikipedia.org/wiki/Tempora_mutantur; 10. *William Harrison, Description of England, 1577*, p. 170, part of Holinshed's Chronicles цит. по (Электронное издание). Режим доступа: http://en.wikipedia.org/wiki/Tempora_mutantur; 11. *John Lyly, Euphues I 276, 1578* цит. по (Электронное издание). Режим доступа: http://en.wikipedia.org/wiki/Tempora_mutantur; 12. *tempora mutantur et nos mutamur in illis* // (Электронное издание). Режим доступа: http://en.wikipedia.org/wiki/Tempora_mutantur; 13. Там же; 14. *Геракліт*. «Про природу». Фрагменти (текст, переклад, коментар) // Тихолаз А.Г. Геракліт: Навчальний посібник з давньогрецької філософії. — К.: Абрис, 1995. — С. 41-142; 15. *Марк Туллий Цицерон* Первая речь против Луция Сергия Катилины // Марк Туллий Цицерон Речи: В 2-х т. — Т1. (81-63 гг. до н.е.). — М.: Наука, 1993. — С. 292. (див також О tempora! О mores! // Бабичев Н.Т., Боровський Я.М. Словарь латинских крылатых слов: 2500 единиц. (Под ред. Я.М.Боровского). — 3-е изд., стер. — М.: Рус.яз., 1988. — С. 563-565); 16. *Публий Овидий Назон* Наука любви // Публий Овидий Назон Элегии и малые поэмы. (Пер с лат. сост. и пред. М.Гаспарова). — М.: Худож. лит., 1973. — С. 189. (см. также словарь Lingvo 12 (статья «Carpe diem» — www.lingvo.com); 17. *Ницше Ф.* О пользе и вреде истории для жизни. Сумерки кумиров, или как философствовать молотом. О философах // Фридрих Ницше. (Отв. за выпуск Ю.Г Хацкевич). — Минск: Харвест; Москва: ООО «Издательство АСТ», 2000. — 384 с.; 18. *Гуссерль Э.* Логические исследования. Картезианские размышления. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. Кризис европейского человечества и философии. Философия как строгая наука // Эдмунд Гуссерль. — Минск: Харвест. Москва: АСТ, 2000. — 748с.; 19. *Гуссерль Э.* Лекции по феноменологии внутреннего сознания времени // Гуссерль Э. Собрание сочинений. — Т. 1 — М.: Гнозис, 1994. — 192 с.; 20. *Хайдеггер М.* Прологомены к истории понятия времени (Электронное видання). Режим доступа: <http://elenakosilova.narod.ru/>; 21. *Гесиод.* Работы и дни // Эллинические поэты. (Пер с древнегреч. В.В.Вересаева) — М.: Худож. лит., 1963. — С. 141-168; 22. *Хайдеггер М.* Время картины мира // Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления (пер. с нем.; комм. В.В. Бибихина; серия «Мыслители XX в.». — М., Республика 1993. — С. 41-63; 23. Там же. — С.44; 24.

Там же. — С.49-50; 25. Там же. — С.50; 26. Там же. — С.51; 27. *Хайдеггер М.* Прологомены к истории понятия времени (Электронное издание). Режим доступа: <http://elenakosilova.narod.ru/>; 28. Там же; 29. *Маркс К.* Економічно-філософські рукописи 1844 р. // Маркс К., Енгельс Ф. Твори. — Т. 42. — К.: Вид-во політ. літ-ри України, 1980. — С. 39-159; 30. *Хайдеггер М.* Прологомены к истории понятия времени (Электронное издание). Режим доступа: <http://elenakosilova.narod.ru/>; 31. *Музиль Р.* Людина без властивостей: Роман / Роберт Музиль; (пер. з нім. О.Логвиненко): в 2-х тт. — Т.2. — К.: Вид-во Жупанського, 2010. — С.25-26.

**А. Э. Дробович,
Национальный педагогический
университет имени М. П. Драгоманова**

ПРОЕКТ ТЕМПОРАЛЬНОЙ АКСИОМАТИКИ И ЕЕ СВЯЗЬ С ОБЩЕСТВЕННЫМ УСТРОЙСТВОМ И ЭТИКОЙ

В статье сделана попытка формулирования темпоральных аксиом, а также показана их связь с социальными процессами и этикой. Также, автором рассматриваются глобальные концепции времени и их связь с аксиомами времени.

Ключевые слова: темпоральные аксиомы, историческое время, детерминизм, измерения времени, хронотоп, темпоральная парадигма, ретроспектива, перспектива.

He who controls the present, controls the past,
He who controls the past, controls the future»¹

George Orwell

В настоящем исследовании, кроме традиционных онтологических и гносеологических коннотаций в осмыслении категории времени, мы намерены проанализировать ее социально-этические аспекты. Эта задача представляется нам справедливой исходя из соображений интердисциплинарности, так и необходимости укре-

¹ Хто контролює теперішнє — контролює минуле. Хто контролює минуле — контролює майбутнє. (Джордж Оруел)

пить общественное значение научных исследований. Собственно, сама общественная значимость подобного исследования обосновывает его актуальность, поскольку в нем поднимаются темы ответственности за осмысление и интерпретацию исторического времени, анализируется место темпоральной аксиоматики в процессе построения идеологий и общественных нарративов. Поскольку в украинском публичном пространстве постоянно поднимается тема «исторической памяти», осуществляются попытки реставрирования аутентических исторических и политических нарративов, а также не прекращается борьба за влияние на конструирование национальной идентичности на основании сюжетов прошлого (начиная от школьных учебников по истории и оканчивая риторикой политиков и официальных документов), основные проблемы данного исследования приобретают немалую актуальность. Кроме этого, нам кажется, что попытка упорядочения темпоральной аксиоматики может быть полезна для исследователей, которые занимаются историей, историей науки, современной философией науки и теоретической философией, ибо предполагает анализ не только классических онтологических определений времени, но и рассматривает психические аспекты времени, фундаментальные выводы современной физики, и т.п.

Целью работы является формулирование темпоральных аксиом и исследование их влияния на социальные процессы, а также обнаружение связи темпорального дискурса с этикой.

Заданиями данной статьи является:

- Сформулировать основные темпоральные аксиомы
- Проанализировать основные концепции времени (темпоральные парадигмы)
- Определить влияние концепций времени на общественную действительность
- Выявить проблемы, которые могут возникнуть при безответственной интерпретации измерений времени
- Исследовать, несет ли общество ответственность за способ понимания времени.

Объектом исследования является темпоральный дискурс, охватывающий онтологию, гносеологию и вопросы общественной морали как в историческом, так и в теоретическом планах.

Предметом является построение темпоральной аксиоматики и ее связь с социально-этической практикой современности.

Прежде чем осуществлять анализ влияния понятия «время» на общественные процессы и его значение в этических практиках, мы выделим ряд темпоральных аксиом. Темпоральные аксиомы — это базовые суждения о времени, которые мы принимаем как основа-

ние при анализе понятия «время» для человека и общества. Они выведены, исходя из богатого наследия предыдущих мыслителей, и упорядочены соответственно логике социально-этической аналитики. Их количество может быть существенно увеличено за счет изменения предмета рассмотрения, поэтому процесс выведения темпоральных аксиом не является завершенным.

1. Время — это идея. Его невозможно воспринимать, а только мыслить. Ощущение времени является субъективным переживанием, которое может быть количественно выражено как последовательность пространственных или качественных изменений. Время не является фактором самим по себе, оно — эквивалент, иллюстрация, описание действий и перемен. Осмысливая перемены, еще Аристотель подметил, что «всё изменяющееся изменяется во времени» [1], хотя и воспринимал время пассивно-категориально, т.е. не как функцию метрического разума (о чем более подробно в следующей аксиоме), а как пассивную форму восприятия.

2. Время — прежде всего идея социально-практическая, которая приобретает смысл в общественной коммуникации, наполняется контекстуальным значением благодаря общественной практике и передается от поколения к поколению в виде теоретического знания дифференцированной сложности. Можно утверждать, что это исторически первая, тотальная и одна из простейших форм общественного сознания (время как идея, а не врожденная способность к метрике длительности). В то же время у него есть близнец — пространство. Но пространство не является формой общественного сознания, ибо восприятие пространства — это врожденное человеческое свойство, требующее значительно меньшего участия общества для понимания и применения. Таким образом, идея времени является фундаментальной для мировоззрения, но более сложной, чем идея пространства, поэтому и менее очевидной. Т.е. человеку свойственно замечать последовательности, но без более высокого теоретического осмысления с помощью символических операций идея времени может остаться сильнейшей интуицией, которая будет действовать подсознательно. Человеческое сознание осмысливает идею времени посредством теоретизации и находит ее подтверждение в своей интуиции, постоянно опираясь на опыт пространства. Мышление времени без осуществления психологической аналогии с пространством было бы невозможным. Эммануил Кант говорил, что время является «формой внутреннего чувства» [2], но нам кажется, что к этому следует прибавить также то, что они суть метрические атрибуты разума. Кроме того, у этого разума (по-гречески — λόγος μέτρικος, или «метрический разум») есть базовая функциональная особенность — производить метри-

ческие эквиваленты и воспринимать мир в метриках. Отсюда проистекает, что это не просто формы восприятия, а потенциальные и активные психологические функции. Это также подтверждается гипотезой об активной природе человеческого познания.

3. Время и пространство — взаимосвязанные и обратно выводящие понятия. Как заметил относительно этого вопроса Аристотель: «все движущееся движется в отношении чего-нибудь и в течении какого-то времени» [3]. Таким образом, идея времени происходит из врожденной способности восприятия пространства и является ее практической интерпретацией. В понятие времени вложено содержание последовательных пространственных превращений. Протяженность является очевидной, в то время как длительность — нет. Для подтверждения этого упомянем Готфрида Лейбница, который указывает в своем произведении «Новые опыты о человеческом понимании...», что время является мерою пространства [4], впрочем, несмотря на ряд им же предложенных аргументов в пользу выведения идеи времени из идеи пространства, он все же остается на позициях суверенности времени, т.е. говорит, что поток восприятия пробуждает в человеке идею времени, но не создает ее [5]. Кроме того, для сохранения истинности и корректного обхождения с интеллектуальным наследием Готфрида Лейбница следует отметить, что он не согласился бы с нашим выводом о приоритете пространства перед временем и тем, что пространство не является идеальным понятием [6].

4. Не существует абсолютных пространства и времени. Идея времени, поскольку является социальным образованием, является относительной не только физически (как это случается с пространством), а и психологически. Об этом убедительно говорит современная наука: «такие величины, как расстояние и промежуток времени, которые в классической физике играли роль абсолютных, на самом деле являются относительными» [7], «...благодаря гравитации пространство-время должно иметь начало, возможно, и конец...» [8] и знаменитые мыслители прошлого: «время без вещей является лишь чисто идеальной возможностью» [9]. Кроме того, надобно сказать, что пространству также отказано в абсолютности: «Не існує абсолютного простору, оскільки не існує абсолютної перспективи. Для того, щоб бути абсолютним, простір повинен перестати бути реальним...» [10]. Однако, пространство является относительным только в особенных условиях, о которых теоретическая физика заговорила только в контексте осмысления теории относительности Альберта Эйнштейна, связанной с движением со скоростями, близкими к скорости света. В нормальных условиях пространство сохраняет видимость абсолютного, тогда как вре-

мя — нет. Например, от эмоционального состояния человека физическое восприятие им пространства не меняется, тогда как восприятие времени может радикально отличаться в зависимости от изменений эмоционального состояния. То, что в состоянии физиологической и психологической нормы у человека может меняться ощущение времени, говорит о субъективности восприятия времени, но уже не в контексте кантианской модели, предложенной в «Критике чистого разума», а скорее гуссерлианской в его лекциях по феноменологии внутреннего сознания времени.

5. Человек представляет время в трех измерениях — настоящим, прошлым и будущем (лат. — «est», «fuit», «erit»). В действительности они всегда представлены в первом измерении. Два остальных измерения всегда пассивны и могут быть только спроектированы человеческим разумом в форме настоящего. Об этом писал еще Блаженный Августин в своей знаменитой «Исповеди»: «есть три времени — настоящее прошедшего, настоящее настоящего и настоящее прошлого» [11]. Таким образом, действительным измерением времени является активное настоящее, которое потенциально используется или для «припоминания», или для «предвосхищения». При этом, проектируя пассивные измерения, человек делает их существующими. В тех случаях, в которых человек пребывает полностью в «теперь» и не проектирует два других пассивных измерения, он находится в состоянии непосредственного переживания реальности и не может ощущать время (с этой особенностью, по нашему мнению, и связана субъективность ощущения времени, хотя о причинах мы вспомним несколько позже). Ощущения времени всегда обеспечиваются проектированием пассивных измерений или рефлексированием над ними. Прекрасным подтверждением этого является почти поэтическое высказывание Эммануила Канта по этому поводу: «Завжди є лише сама граница часу, яка окреслюється через нескінченну негацию минулого і прийдешнього» [12].

6. Носителем идеи времени может быть только познавшее ее общественное или индивидуальное сознание. Она не является врожденной идеей. Материальные объекты не являются носителями времени, но с помощью символизации пространственных изменений человеку, которому введомая идея времени, может использовать материальные предметы для обоснования течения времени и длительности, а также применять материальные объекты для сохранения и передачи идеи времени. Несмотря на привычность для человека идеи времени, она является очень специфическим конструктом. Нет никакой гарантии, что другие существа (даже некоторые гуманоидные формы жизни), наделенные разумом, в со-

стоянии ощущать течение времени. Возможно, им доступно наблюдение перемен, но нет уверенности в том, что последовательные пространственные изменения воспринимаются другими существами в форме времени.

7. Бесконечность есть абстракция высшего порядка относительно времени. Бесконечности в реальности не может быть, ибо она по определению является не оканчивающейся длительностью, т.е. не таковой, которая не может быть выраженной и измеренной в категории времени или ее производных. Любые попытки применить категорию времени к вечности или бесконечности являются непродуктивными, поскольку сама по себе беспредельная длительность является абстрактным предположением, как относительно времени, так и относительно пространства. Анализируя антиномии Эммануила Канта, Георг Гегель доказал это во втором разделе «Философской пропедевтики»: «истинная бесконечность — это рефлексия в себя, и разум рассматривает не мир во времени, а мир в его сущности и понятии» [13]. Таким образом, несмотря на традицию связывать категорию времени с категориями «вечность», «бесконечность», они только формально связаны между собой, тогда как никакого продуктивного вывода из их синтеза сделать невозможно. Кроме того, этой же мысли придерживался и Августин Блаженный, один из первых мыслителей европейской традиции, который начал исследовать проблему времени. Невзирая на серьезные теологические коннотации, он отмечал: «Нет времени вечно, как Ты, ибо Ты пребываешь, а если бы время пребывало, оно не было бы временем» [14]. Таким образом, можно сказать, что начало европейского темпорального дискурса связано с апофатическим сопоставлением времени и вечности. В любом случае, нужно отметить, что теоретическая продуктивность этой дискуссии может оправдаться, но в том лишь случае, если прибегнуть к математизации проблемы. Так в частности, эта проблема имеет выходы на логико-математический анализ проблемы «предела и непрерывности» в труде Бертрانا Рассела «Введение в математическую философию» [15], однако в рамках нашего исследования мы не будем рассматривать эту проблему более подробно.

8. Настоящее — высшая форма непосредственности, а две пассивные формы — выше формы опосредованности. Тут мы хотим сказать, что реальность воспринимается только в настоящем и это есть отправным условием непосредственного восприятия, тогда как прошлое всегда опосредовано интерпретациями реальности и потоком своих содержаний, а будущее опытом прошлого и чаяниями реальности. Восприятие настоящего на основании прогнозов (ожиданий) или опыта прошлого не является чистым и непосредствен-

ным измерением настоящего времени, а всегда в некоторой степени опосредованным измерением настоящего. Как правило, человек воспринимает реальность в смешанных измерениях, ибо этого требует сциентическая установка (учиться на ошибках прошлого и всегда держать их перед собою в устремлении к будущему) и обыденное сознание (отсутствие дисциплины разума приводит к свободному потоку ассоциаций, вмешательству в процесс восприятия «обломков» опыта, неконтролируемых влияний бессознательного). Однако, человек способен воспринимать настоящее непосредственно. Это может быть осуществлено в так называемых «экзистенциальных состояниях» или в состоянии «эпохе» (воздержания от суждения, сознательного и вдумчивого ограничения хаотического увеличения коннотаций). В истории философии примечательно замечание Блеза Паскаля по поводу склонности человека пренебрегать настоящим: ««Ми пригадуємо минуле, випереджаємо прийти, щоби надто повільно приходити, наче бажаючи прискорити його біг, або пригадуємо минуле, аби його затримати, як надто швидко, ми, такі необачні, що блукаємо не в наших часах, зовсім не думаючи про той єдиний час, що нам належить і такі марнотні, що думаємо про часи, які є нічим, і втрачаємо без розмислу той єдиний час, який постійно продовжує існувати» [16]

9. История является высшей теоретической формой осмысления и применения времени, которая обеспечивает переход смысла понятия «время» от теоретического (онтология, метафизика, теория познания) к практическому уровню (социальные, идеологические, политические функции). Отдельно стоит обозначить, что понятие «время» тоже относится к инструментарию физики и соединяет теоретические и практические уровни. Таким образом, на протяжении развития человечества мы можем выделить как минимум три вида темпоральных трансформаций. Первый вид — психологический, связанный с осознанием понятия времени, а также его первое употребление в языковых практиках. Второй — исторический, связанный с феноменом исторического времени, т.е. попыткой измерения длительности для сохранения памяти о важных его моментах. Тут следует отметить, что слово «момент» является специфическим термином исторического времени, который соответствует термину физического времени — «мгновение». Как известно, сами по себе моменты (мгновения) не являются частицами времени, так же как и точки не являются частицами пространства [17], но они всегда включены в исторический контекст и, как правило, пронизаны нитями исторического процесса, фиксируемого людьми. Третий вид — физический, собственно отвечающий за функциональное применение категории «время» в исследованиях.

Он используется в качестве теоретической абстракции для упорядочения фундаментальных метрик и тесно связан с практической жизнью людей, поскольку наука существенно повлияла на строение глобального временного пространства (от изобретения шумерскими жрецами первых часов до начала планетарного отсчета часовых поясов от Гринвича и согласования национальных хронологических систем).

10. Время беззащитно перед человеком. Последняя, из предложенных аксиом касается психического измерения процесса постижения идеи времени. Поскольку время является специфической идеей, характеризующейся девятью предыдущими аксиомами (которые, конечно же, не исчерпывают темпоральную аксиоматику), мы можем констатировать его полную зависимость от человеческого разума и сильной воли человека. Конечно, человек не может остановить время, ибо в физическом смысле это, прежде всего, значит прекратить все (!) пространственные изменения (иначе длительность можно будет идентифицировать) и локализовать перспективу в одной точке, в которой производится наблюдение, но она может его отменить, переименовать, использовать, интерпретировать, измерять и т.п. Время как идея может быть использована человеком, особенно в высшей его форме — истории. Таким образом, только длительность и пространственные изменения человек не может остановить, но время, как способ их фиксации, остается полностью во власти человека. Конечно, власть над временем может выражаться только в индивидуальном или коллективном сознании и является настолько же объективной, как и общественные процессы. Власть над временем является условно объективной, ведь действует только в человеческом сообществе, но является действительно реальной. Однако условность власти над временем не лишает ее онтологической функции. Как отмечает Жан Болак, «Вивільнення тяжкого минулого, яке вимагає від нас життя у поступі часу, є відповіддю на спокусу забути. Якщо ми не піддаємось на цю спокусу, наше сучасне формулюватиметься зробленим вибором, який зумовлює поведінку, судження, практику та політику». [18] — и это только демонстрация функции прошлого, что же говорить о будущем, вечно вдохновляющем человека действовать и творить?

На основании темпоральных аксиом мы попытаемся проанализировать их влияние на социальные процессы и показать связь темпорального дискурса с этикой.

Поскольку время является идеей, к тому же глобальной по своему значению, оно является неотъемлемым компонентом формирования идеологий. При этом, наиболее популярным способом при-

менения времени в идеологических построениях является конструирование образцовых хронотопов, т.е. определенного эталонного будущего, которое надо достичь, или прошлого, которое нужно возродить или которому нужно подражать. При этом, стоит отметить, что ответственные за конструирование утопий или «ностальгий» могут прибегать к сознательному искривлению характеристик заветного времени (скрывание некоторой информации, представляющей в негативном свете образцовое прошлое), неадекватно оценивать темпы достижения «светлого будущего» или вообще могут насаждать идею вечного процесса ради процесса. Эти темпоральные манипуляции могут привести к неадекватному пониманию исторического процесса, хронологической дезориентации и обесцениванию времени. Подобные эксперименты чрезвычайно вредны для сознания людей, поскольку влияние на метрические ориентиры в историческом времени чрезвычайно сложно изменить. Например, спустя много лет после принятия христианства жители Рима сохраняли отсчет времени от создания города, а множество греков в период эллинизма оставались верны ретроспективной традиции и измеряли время олимпиадами. Можно также привести более опасные манипуляции с историей, когда тоталитарные общества в XX веке строили одновременно идеальное видение будущего и подпитывали жажду его достижения образами из прошлого. Так Адольф Гитлер призывал немцев отомстить за унижение после поражения в Первой Мировой войне и таким образом начал Вторую Мировую войну, а советская пропаганда отправляла тысячи людей на верную смерть в лагерях, апеллируя к защите достижений революции.

Если проанализировать две наибольшие в истории Европейского мира темпоральные парадигмы — ретроспективную и перспективную, мы заметим, что они генетически рождены человеческой проекцией субъективных измерений времени. Ретроспективная парадигма господствовала в эпоху Древности и Античности и основывалась на убеждении, что «золотой век» давно минул, что воспетые в эпосах и мифах прекрасные герои навсегда остались в прошлом, а блестящий мир благополучия, сытости и порядка погиб в первых войнах между богами. Таким образом, ретроспективная парадигма характеризовалась нейтральным отношением людей к будущему и проистекала из господства измерения прошлого в сознании людей. Ностальгия была основным социальным сюжетом, а прошлое — единственным критерием добродетели (господствовали такие нарративы — «жизнь по предписаниям предков», «в старые добрые времена», «не опозорить память предков» т.п.) Если же рассмотреть нравственный аспект этого господства, становится понятной причина веры в силу рока, который, например, правил не то-

лько людьми, но и богами в Античной Греции. Вера в неизменность судьбы, подкрепляемая мощным ощущением значимости прошлого, в котором кто-то уже давно определил все, что случится, могла приводить к пассивности, унынию и безразличию.

Перспективная парадигма, связанная с распространением христианства, усилением идеи Апокалипсиса и приближения Царствия Божия, сменила ретроспективную парадигму и перекроила представления об историческом процессе. Согласно ей, содержание человеческой жизни состоит в подготовке своей душе к будущему Царствию Божьему. Таким образом, ностальгия уступает место надежде. Надежда настолько мощно повлияла на восприятие времени людьми средневековья, что, даже трансформировавшись в религиозное учение о предопределенности, рок не сохранил своего влияния. На этом основании позже укрепится научная идея прогресса, которая избавится от религиозных коннотаций, но сохранит фанатизм. Нравственное значение перспективной парадигмы сложно переоценить, ведь образ задумчивого стойка, видящего все сквозь призму прошлого (ретроспективная парадигма) сменяется образом дерзателя и пассионария, неутомимо сражающегося за очищение собственной души от греха и видящего смысл своей жизни в достойной встрече будущего момента истины. Итак, мы видим, что перспективная парадигма основывается на господстве измерения будущего. Именно оно определяет общественную, политическую и индивидуальную жизнь. В то время как прошлое теряет былой блеск и значение.

Возможно, что начиная с XX века, наступает время очередного изменения парадигмы, когда человек будет видеть смысл только в настоящем, т.е. реализует принцип «жить здесь и сейчас», но подобный вывод требует отдельного изучения. Так же можно рассматривать и анализировать как гипотетическую глобальную темпоральную парадигму Фридриха Ницше — учение о вечном возвращении, или Георга Гегеля — о вечном эпохальном нисхождении Абсолютного Духа, или Гераклита — о сожжении и возобновлении мира каждые 10 000 лет.

Проанализировав темпоральные парадигмы, мы видим, что они имеют значительное влияние на общество. Это связано с тем, что темпоральные парадигмы являются настолько глобальными образованиями, что пронизывают все сферы жизни — науку, культуру, религию, политику и т.п. Причиной этого влияния является то, что на первый взгляд темпоральная парадигма кажется абсолютно нейтральной и потому глобальность ее влияния сложно переоценить. Однако, как мы доказали раньше, осознание идеологического значения темпоральных аксиом открывает путь манипуляциям с тем-

поральными парадигмами. Если привести как пример классическую антиутопию, цитата из которой стала эпиграфом к данной работе — «1984» Джона Оруэлла [19], становится очевидным, что темпоральные парадигмы можно делать и более локальными, т.е. строить национальные темпоральные проекты.

В окончание стоит сказать, что осознание времени является неотъемлемым элементом детерминизма в самом широком понимании [20], посредством которого человек создает собственное мировоззрение. Современный мир предоставляет чрезвычайно огромные возможности влияния на общественное сознание, поэтому понимание темпоральной аксиоматики должно соединяться с пониманием ответственности за конструирование ощущения времени, интерпретации истории, уязвимости и незащитности факта и т.п. Также, наряду с социальными и этическими аспектами, не стоит забывать, что темпоральная установка имеет огромное значение для теории познания, ведь неумение применять измерения времени адекватно и свободно приводит к тому, что человек попадает в ловушку темпоральных иллюзий и тогда утрачивает связь с реальностью. В этом контексте становится очевидным, что каждое общество несет ответственность за способ понимания времени, ибо от этого зависит не только общественное мнение и настроения в обществе, но и его способность эффективно меняться в условиях динамического мира, чтобы не случилось таких ситуаций, когда общество живет призраками прошлого, вместо того, чтоб оперативно реагировать на настоящее и строить достойное будущее своих сограждан. Подобные выводы подтверждают, что между темпоральной аксиоматикой и этикой есть важная связь, а ее аспекты еще требует подробного исследования.

1. *Аристотель*. Собрание сочинений: в 4 т. / (пер., вступ. статья и примеч. И. Рожанский). — М.: Мысль, 1976. (Серия Философское наследие). — Т. 3. — 1982. — С. 192; 2. *Кант И.* Рефлексії до критики чистого розуму (пер. з нім. й латини та прим. І. Бурковського). — К.: Юніверс, 2004. — С. 79; 3. *Аристотель*. Собрание сочинений // Указ. соч. — С. 188; 4. *Лейбниц Г.* Собрание сочинений: в 4 т. (ред. и состав. авт. вступ. статьи и примеч. В. Соколов, перев. с нем., лат., франц. Я. Боровского, В. Кребера, В. Преображенского и др.). — М.: Мысль, 1982. (Серия Философское наследие) — Т. 2. — 1983 — С. 153; 5. Там же. — С. 151; 6. *Лейбниц Г.* Собрание сочинений: в 4 т. (ред. и состав., авт. вступ. статьи и примеч. В. Соколов, перев. с нем., лат., франц. Я. Боровского, В. Кребера, В. Преображенского и др.). — М.: Мысль, 1982. (Серия Философское наследие) — Т. 1. — 1982 — С. 481; 7. *Бушок Г.* Курс фізики : навч. посіб. у 3 кн. / Г. Бушок, Є. Венгер — К.: Вища школа, 2002. — Кн. 1. Фізичні основи

механіки. Молекулярна фізика і термодинаміка.- 2002. — С. 150; 8. *Хокинг С., Пенроуз Р.* Природа пространства и времени / С. Хокинг, Р. Пенроуз; (пер. с англ. Беркова А., В. Лебедева). — СПб.: Амфора. ТИД Амфора, 2007. — С. 10; 9. *Лейбниц Г.* Собрание сочинений: в 4 т. // Указ. соч. — Т. 1. — 1982 — С. 484; 10 *Ортега-и-Гасет Х.* Выбранные творы / Х. Ортега-и-Гасет; (пер. з исп. Бурггардта, В. Сахна, О. Товстенко). — К.: Основи, 1994. — С. 399; 11. *Августин А.* Исповедь / А. Августин; (пер. с лат. М. Сергеевко, вступ. статья А. Столярова). — М.: Ренесанс, СПИВО — СиД, 1991. (Серия Памятники религиозно-философской мысли) — С. 297; 12. *Кант И.* Рефлексії до критики чистого розуму // Указ. соч. — С. 80; 13. *Гегель Г.* Работы разных лет: в 2 т. (сост., общая ред. А. Гулыга). — М.: Мысль, 1971. (Серия Философское наследие). — Т. 2. — 1971. — С. 110; 14. *Августин А.* Исповедь // Указ. соч. — С. 292; 15. *Рассел Б.* Введение в математическую философию. Избранные работы / Б. Рассел; (вступ. статья В. Суровцева; пер. с англ. В. Целищева, В. Суровцева). — Новосибирск: Сиб. унив. изд-во, 2007(Серия Пути философии). — С. 140; 16. *Паскаль Б.* Думки / Б. Паскаль; (пер. з фр. А. Перепада, О. Хома). — К.: Дух і літера, 2009. — С. 24; 17. *Лейбниц Г.* Собрание сочинений: в 4 т. // Указ. соч. — Т. 2. — С. 151; 18. *Європейський словник філософій: Лексикон неперекладностей.* — Том перший. — К.: Дух і літера, 2009. — С. 361; 19. *Оруэлл Дж.* 1984 / Дж. Оруэлл; (пер. с англ., под ред. Е. Аузан) — М.: ДЭМ, 1989. — 314 с.; 20. *Аскин Я.* Детерминизм, развитие, время / Я. Аскин; (под ред. Н. Кондакова). // *Философские основания естественных наук* — М.: Наука, 1976. — С. 341-356.

***М. В. Карповец, аспирант,
Национальный университет
«Острожская академия»***

ВРЕМЯ И ЕГО СМЫСЛОВЫЕ МОДУСЫ В ГОРОДЕ КАК МИРЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО БЫТИЯ

В статье анализируются модусы времени в городе как мире человеческого бытия. Сделана попытка осмыслить время как не менее важную смысловую составляющую мира города в его культурном и философско-антропологическом аспектах. Делается вывод, что объективные и субъективные переживания времени диалектически формируют мир городского бытия и одновременно горожанина.

Ключевые слова: время в городе, модусы времени, ритм города, культурно-историческое время, человеческое бытие.

С появлением города человеческая культура приобретает качественно новое наполнение и оформление, воплощая различные стратегии своей динамики. Город выстраивается как полноценный мир человеческого бытия и «как культурный феномен представляет собой довольно тонкое и сложное устройство, с одной стороны, удовлетворяющее телесные потребности, а с другой — упорядочивающее и организующее их, хотя в это трудно поверить по причине экологического загрязнения среды и моральной распушенности его жителей. Это устройство не сводится ни к разуму, ни к воле и само в значительной мере определяет их архитектонику» [1]. Бытие мира города первоначально связано с бытием человека в пространстве и времени, которые взаимодействуют в урбанистическом ландшафте, а потому анализ времени города непосредственно связан с пониманием человека в урбанистической среде.

Когда пространство анализируется практически во всех гуманитарных студиях, то проблеме времени в городе не уделено достаточно внимания. Это объясняется тем, что в основе урбанистических исследований (Л. Мамфорд, Дж. Джекобс, Л. Вирт, Р. Парк, П. Геддес) сложилась парадигма понимания бытия города как того, что разворачивается в пространстве и функционирует через пространство, однако игнорируется тот фактор, что динамика человеческого бытия именно и выражается через смысловые модусы времени, как ритм, темп и их линейная/циклическая последовательность, а также прошлое, настоящее и будущее. Поэтому **актуальность** темы заключается в попытке теоретического осмысления времени как важного измерения мира города. Проблема в том, что человек и его деятельность предстают в других культурных измерениях времени города, но и одновременно тесно связаны с урбанистическим пространством как местом актуализации смыслов человеческого бытия.

О времени города писал Вальтер Беньямин, анализируя творчество Шарля Бодлера и тогдашний ему Берлин, Макс Вебер, Георг Зиммель. Особенно важными являются концепции времени Мартина Хайдеггера и Анри Бергсона, которые хотя и не акцентировали в своих работах внимание на город, но он непосредственно входило в их философскую концепцию как одна из форм человеческого бытия. Поэтому **цель** исследования заключается в философском осмыслении и определении основных модусов времени в городе как полноценного мира человеческого бытия. В контексте поставленной цели сформулированы следующие **задачи**: 1) обзорно выяс-

нить образ временной организации города в историко-культурном измерении; 2) осмыслить понятие «образ времени» и «время культуры» в контексте ритма и темпа города; 3) проанализировать ощущения человеком времени в повседневной культуре города и культуре отдыха в городе, в частности в таких смысловых модусах, как последовательность, замкнутость и переживания времени; 4) выяснить основные способы переживания и представления прошлого, настоящего и будущего в городе. Исходя из этого, **объектом** исследования является город как мир человеческого бытия, а **предметом** — смысловые модусы времени в городе.

С интенсивным развитием городов, начиная с начала прошлого века, ускоряется время человеческого бытия и вообще по-новому организуется жизни человека. Как отмечает Рейнхарт Козеллек, уже «на пороге нашей эпохи общепризнанным явлением стало осознание нарастающей быстротечности жизни еще даже до изобретения паровой турбины, механических ткацких станков и телеграфа (...) говорится об определенном периоде накопления такого осознания, которое с преодолением порога до нового качества переросло в новое измерение восприятия времени» [2]. Речь идет о важном онтологическом сдвиге в сознании людей, которые вынуждены изменить свое время в городе, где последний предлагает множество перспектив человеку, но и одновременно бросает вызов человеческим физическим и духовным возможностям. Особенно ярко изображено эти изменения в программных произведениях литературного модернизма таких авторов, как Джеймс Джойс, Марсель Пруст, Томас Манн, Роберт Музиль, Франц Кафка. Так же отображаются антропологические сдвиги в эстетических поисках авангарда и уже после современной культуры, которая пробует разобрать на обломки большие нарративы (*grand narratives*) модернистского проекта.

Прообразом временной организации городской жизни было формирование ранних представлений о времени в палеолите. Переход от первобытного племени до первой формы человеческой общности (прегорода) нуждался в замене биологических связей на надбиологические. Эта искусственная, культурная замена требовала больших человеческих усилий, которые были направлены на создание единого времени, переживание в котором для «архаического человека означало жить в едином ритме» [3]. Первые ритуалы должны были «создавать и поддерживать единый ритм организованного времени» [4]. Смысл этого заключался в подготовке к будущим действиям за пределами ритуала в обыденной жизни, так и путем наработки конкретных навыков. На этой основе формируется образ циклического времени, в котором нет движения «вперед», к чему «нового». Как отмечает Кшиштоф Помян, «идея, или образ време-

ни, выраженная различными календарями, везде одинакова: это идея времени, который движется по кругу» [5]. Как следствие, осуществляется циклическая организация пространства в виде круга, особенно для жертвоприношений. Происходит повторение того, что уже было, «нет четкого различия между прошлым, настоящим и будущим, которые слиты в конкретном опыте человека» [6].

Все следующие способы организации времени в городском пространстве решают ту же задачу — создание совместного времени в качестве экзистенциального условия для человеческого объединения. Чтобы преодолеть ограниченность родового коллектива, нужно было найти такой эталон ритма, который позволил бы согласовать жизнедеятельность людей на больших расстояниях и создать единую *территорию*. Первые оседлые культуры делали это, устанавливая связь циклов разлива рек, в долинах которых они селились, с циклами небесных светил. Когда члены рода для констатации свое время слушали «голос предка», звучавший сквозь маску шамана, то первые оседлые культуры смотрели в небо, ритм которого позволяло «организовать жизнь на большой площади и создать огромный по сравнению с родом, цикл времени» [7]. В действительности, «работая с хаосом», повторяя ритуально космогонию, жрец становится демиургом» [8], который творит общее для всех время. Этот принцип констатирования общего времени требовал сложных ритуальных механизмов и *особых сооружений*, важнейшая из которых — храм.

Когда идет речь о времени города непременно нужно иметь в виду, что кроме физического времени, есть еще и время культуры, которое является не менее важным в жизни *city dwellers*. Время культуры — важный аспект модели мира, характеристика существования, ритма, темпа, последовательности, координации изменения состояний культуры в целом и отдельно ее элементов, а также их смысловой важности для человека. Существуют как *субъективные* формы восприятия времени, так и *объективное* представление с помощью различных образных, словесно-знаковых, символических и понятийных средств описания временных характеристик бытия. Однако субъективное восприятие времени и объективное представление о нем тесно взаимосвязаны, что проявляется не только в объективации субъективных образов, но и во влиянии важных для определенной культуры теорий о сущности времени и их восприятия людьми, принадлежащими к этой культуре.

Специфика времени состоит в том, что оно, в отличие от материальных предметов в пространстве, «не может быть воспринято с помощью органов чувств, а потому его образ переплетен с определенными метафорами и обусловлен ими» [9]. Поэтому целесообра-

зно говорить не о времени в городе как таковом, а об *образе времени* в городе, который определяет онтологическую организацию города. Важно понимать, что образ — это функциональная реальность, результат взаимодействия субъекта и объекта восприятия, «претворение первичного бытия в бытие вторичное, отраженное и заключенное в чувственно доступную форму» [10], поэтому в нем всегда присутствуют локальные и общие смыслы. Образы выражают глубинные особенности мировосприятия, опосредованно выражают человеческие чувства и переживания, поэтому мы постоянно имеем дело с образами как продуктами культуры и одновременно тем, чем к нам говорит культура. Опосредованность и является основной характеристикой восприятия времени и его процессуальности человеком в городе, зато «пространство воспринимается непосредственно» [11].

Все сущее имеет временную характеристику, что делает невозможной дефиницию времени в его классическом понимании. Время не может быть прикреплено к некому «роду», а потому «все его определения имеют тенденцию к повторению и используют связанные с ним самим ассоциации, либо стремятся выразить его суть с помощью свойств пространства» [12]. Последняя особенность не случайна: связь с пространством принадлежит к числу наиболее существенного понимания времени. По мере рационализации представлений о времени на него накладываются такие всеобщие особенности, как одномерность, асимметричность и необратимость (текучесть). Именно связь времени с пространством был исходным пунктом следующих рационализаций временных характеристик всего сущего. Однако также существуют различия между временем и пространством и их влиянием на человека и, как метко заметил Б. А. Успенский, «основная разница между пространством и временем проявляется в их отношении к человеку как воспринимающему субъекту: пространство *пассивно* по отношению к человеку, тогда как человек активен относительно пространства; напротив, время *активно* по отношению к человеку, тогда как человек пассивен в отношении времени» [13]. Последняя мысль особенно важна в понимании времени в городе, который актуализирует ряд дискурсов, присутствующих только городскому человеку.

Динамика времени современного мегаполиса настолько отличается от первобытных поселений, что житель деревни или городка тяжело привыкает к темпу города. Более того, характер привыкания субъекта к времени городской жизни предполагает экзистенциальное перестраивания своего внутреннего мира в соответствии с заданными условиями внешнего мира, которые далеко не соответствуют тем ритуалам, к которым привык человек, что пробует urba-

низоваться. Происходит столкновение внутреннего ощущения времени субъекта и внешнего культурного времени города, смещение масштабов и границ своего бытия, результат которого заключается в особом смыслотворческом задании человека: привлечение к коллективному формированию мира города в его временной и пространственной взаимодействии.

Городская среда имеет не только свою пространственную замкнутость, которая географически и символически представлена стенами города, но также и временную замкнутость, в основе которой является повторяемость событий, которые оформляются в обыденную культуру. В своем первоначальном замысле строительство стен города означало желание уберечь специфический ритм времени города, так же как и означало «победу внутреннего безопасного и контролируемого пространства над неведомым и опасным внешним окружением» [14]. Границы времени проявляются в каждую минуту жизни города и прорастают у субъекта своими ритуалами, которые существуют одинаково как в обыденности (начиная утренним поездом и заканчивая подходящим временем для сна), так и в отдыхе, который в большинстве случаев все же сохраняет определенную свободу для субъекта. Важно отметить, что благодаря исследованию ритмов города в изучении городской повседневности было введено понятие «темпоральность», которым, как правило, пренебрегали, имея дело только с пространственной составляющей.

Кроме объективного времени, которого придерживаются все люди, существует субъективное или психологическое время. Оно связано с восприятием и специфическим переживанием времени индивидом: время то «бежит», то «замирает» в городе, зависит от тех или иных конкретных ситуаций. Анри Бергсон вводит понятие «длительность» (*durée*), которое тесно связано с психологическим восприятием неделимости и целостности времени. Так, как пишет Бергсон, «парадокс начинается тогда, когда утверждается, что все времена реальные, то есть вещи, которые воспринимаются и могут быть восприняты, которые проживаются и могут быть прожиты» [15]. Очевидно, что переживание времени является одним из основных в понимании мира города и места в нем человека. Для примера, ощущение времени в метро особенно обострено, поскольку человек практически не может измерить сколько времени прошло, если не будет ориентироваться по станциями или другими пространственными объектами (заметим, что «длительность» в А. Бергсона оппозиционна к пространственному восприятию). В рабочее время, которое занимает основную часть жизни человека, время «течет» медленно, а в свободное время — все происходит наобо-

рот. Это чисто субъективное восприятие времени, и оно не соответствует реально-физическому времени. Так, среди функций субъективного времени можно выделить: последовательность, длительность, скорость протекания различных событий в жизни, их принадлежность к настоящему, прошлому и будущему, историческую связь собственной жизни с предыдущими поколениями. В отличие от А. Бергсона, немецкий феноменолог Э. Гуссерль в своей трансцендентальной теории различает объективное и имманентное время, а также доказывает, что «сознание времени имеет двойную структуру интенциональности» [16], и тем самым гарантирует свою идентичность.

Бытие города имеет свой ритм, который одинаково связано со временем и пространством. Анри Лефевром был выделен термин «ритмоанализ», суть которого и заключается в выяснении различных дискурсивных практик города, указывающие на особую динамику последнего. Одним из проявлений ритма города является прогулка, которая также детерминирована движением, но не объективными факторами, а субъективными. Человек лично выбирает движение в пространстве и времени реализации прогулки. Это не только способ внутреннего постижения города, а также «многогранная активность и темпоральная практика» [17]. Во время прогулки мы артикулируем личный опыт во времени и пространстве, становимся окружены темпоральным континуумом ежедневной жизни. Суть прогулки в том, что она является пре-рефлексивным знанием, которое, по словам Дэвида Симона, есть атрибутом врожденной активности, связанной с телом-субъектом. Последнее же является «неотъемлемой способностью тела разумно руководить своими поступками и таким образом действовать как особый вид субъекта, выражающего себя на подсознательном уровне» [18]. Прогулка содержит в себе территориальное определение мира города и декодирование его истории, а потому является активным способом понимания урбанистической среды с помощью всех смыслов, как «собираение объектов и артефактов, а также хранение образов» [19]. Кроме того, прогулка всегда является неким расслаблением от быстрого темпа жизни города, а потому является медленным и неспешным движением в пространстве: человек может думать о чем угодно во время прогулки. В «Улиссе» Джеймса Джойса встречаем частичное описание гуляния Леопольда Блума в Дублине: «Легкой походкой он вышел с почты и повернул направо. Болтовня: как-то от этого изменится. Его рука опустилась в карман, указательный палец протиснулся под клапан конверта и открыл его несколькими движениями. Не думаю, чтобы женщины обращали особое внимание» [20]. Действительно, большинству людей все ра-

вно, кто прогуливается: ведь все они в привычном рабочем ритме города и не замечают окружающих.

Особенно важно то, что время задает определенную хронологию событий и их оформление в реальности, несмотря на способ освоения урбанистического мира. Действительно, «время в сфере деятельности — мера и ритм прохождения дистанции, пространства между целью и ее конечным результатом, между замыслом и его реальной формой воплощения» [21]. Человек в городе четко понимает свое место в пространстве и как сориентироваться в нем за определенное время. Хронология событий выстраивается в историю города, которая всегда уникальна и неповторима. Наконец, история города является также совокупностью историй его людей, какими бы они не были разнообразными.

Временная организация города формирует не только различные телесные практики (равно как и тело формирует урбанистический ландшафт), а также духовные и ценностные ориентиры, касающиеся памяти городского бытия. Действительно, «чувственность человека формируется географией, точнее топографией города» [22], но она также формируется и ритмографией. Чем быстрее и интенсивнее происходит жизнь человека в городе, тем больше вероятность постоянных стрессов и психических расстройств. Человек не только духовно, но и телесно не успевает за быстрым изменением реклам, витрин и лицами людей. Вполне уместно вспомнить Георга Зиммеля, который писал, что «психологическая основа, на которой выступает индивидуальность большого города, — это *повышенная нервность жизни*, происходящая от быстрой и непрерывной смены внешних и внутренних впечатлений» [23]. К примеру, Пол Остер таким образом иллюстрирует «нервный» ритм бытия человека в большом городе: «Нью-Йорк для него был неисчерпаемым пространством, нескончаемым лабиринтом, и, как бы далеко он не заходил, как бы хорошо не знал расположение кварталов и улиц, его не покидало ощущение, что он заблудился. Причем не только в городе, но и в самом себе (...) Мир располагался вне его, вокруг него, перед ним, и скорость, с которой этот мир менялся, не позволяла ему сосредоточить внимание на чем-то в отдельности» [24].

Так же как и пространство, время в городе есть способом организации и благоустройства мира человека, где каждый его элемент детерминированный в историко-культурной перспективе, обозначенный символически и онтологически. Время городского бытия конструирует *память* и *забывание* как те смысловые модусы, позволяющие сохранить и символически обозначить урбанистический опыт. Память в городе может касаться как конкретных событий, явлений и феноменов, так и определенных мест и территорий.

В этом смысле антропология памяти заключается в способности организовать и упорядочить свое индивидуальное бытие в городе согласно традиционным знаковым формам, а также приобщиться к коллективному урбанистическому опыту, который предоставляет субъекту определенное психологическое успокоение и уверенность в собственных действиях. Хоть Аристотель и писал, что «во времени ничего нельзя поймать кроме теперь» [25], но единственным средством «сохранения» и «закрепления» такого скользящего объекта как «теперь» может быть только память, которая обозначена в различных знаковых формах.

Характерным специфическим признаком времени является его *необратимость*, которая проявляется в невозможности возврата в прошлое. Время течет от прошлого через настоящее в будущее, и обратное движение невозможно. Необратимость времени связана с необратимостью материальных процессов. Некоторые философы усматривают связь необратимости времени с необратимостью термодинамических процессов и с действием закона возрастания энтропии. Так, «необратимость времени связана с линейной концепции времени, которая бытует с распространением иудаизма, христианства и ислама» [26]. Прошлое — это те смыслы, которые недостижимы человеку сейчас, но постоянно имеют над ней власть и определяют ее бытие. Настоящее — это актуальное творение смыслов в индивидуальной или коллективной деятельности. Будущее — это подготовка и избрание стратегии для производства смыслов. Человек в своей деятельности может одновременно пронизывать все модусы времени, ведь «время входит в условия возможности деятельности субъектов, в пространство и размерность их актуальных действий именно в силу того, что любое действие предполагает актуализацию как настоящего, так и прошлого, ставшего элементом современного миропорядка. Будущее открывается в деятельности людей как цель, проект возможного предметного бытия» [27].

Однако эти базовые характеристики протяженности человеческого бытия еще не были данностью в архаической культуре, когда древние мифы присутствовали как в настоящем, так в прошлом и будущем. Первобытный человек живет за природными циклами и все воспринимает циклически: происходит повторение того, что уже было. Через ритуал дублировались важны для рода (и всего мира) события: создание мира, борьба добра и зла, деяния героев и т.д. Прегород был той территорией, где проектировались первобытные ритуалы, которые имели преимущественно циклический характер. Поэтому в древней культуре нет движения «вперед», к чему-то новому. Нет четкой различия и границы между прошлым,

настоящим и будущим. Постепенно складывается представление о «правремени», в котором было создано настоящее состояние мира и которое именно поэтому становится сакральным, а потому особое значение приобретает прошлое.

Эволюция организации пространства в пригороде происходит с новым представлением модусов времени в оседлых культурах. Циклический характер времени сохраняется, однако мировоззренческий акцент ставится из прошлого в настоящее. Длительное пребывание людей в одном месте меняет представление о времени, когда важным становится здесь-и-теперь положение рода в центре общей территории, так как «человек доисторических обществ стремится жить как можно ближе к Центру Мироздания» [28]. Параллельно осуществляется сложная организация городского времени по сравнению с предыдущим. В древнегреческом городе происходит попытка найти «золотую середину» между кочевыми культурами и оседлыми, открывается «возможность быть независимым от императивов времени в ситуации вневременности, получившая свое обрамление в досуге» [29]. Досуг в городе является попыткой преодолеть постоянное давление трех временных модусов. Это необходимая форма культуры, которая позволяет «забыть» свое место в постоянной динамике времени, упорядочить время по своему мировоззрению, а также возможность сознательно проигнорировать установленные вне разрешительным временем императивы. Досуг — это время, которым обладает человек, тогда как вне досугом время владеет человеком. Свободное время выполняет в городе одну из основных функций культуры — компенсаторскую, давая человеку через регламентирующие институты «снять» психическое напряжение, которое имело место в обыденности. В городе существует огромное количество способов провести собственный досуг, причем эта вариативность часто имеет обратное действие, когда индивид морально истощается перед безграничностью выбора, оставаясь дома или выезжая за город. В современном городе важную роль в выработке различных форм досуга играет массовая культура.

Ощущение и течение времени в городе особые, они прямо противоположны образу времени вне города. Для современного горожанина прошлое не такое важное, как в архаическое время, поскольку, возвращаясь к прошлому, человек делает определенную смысловую остановку и сбивается с единого ритма города. Вместе с тем, и настоящее для человека города тоже потенциально содержит угрозу, поскольку таит в себе похожую смысловую остановку, как и прошлое. О человеке, который «оглядывается» на прошлое в городе говорят «старомодная» или «вчерашний день». В этом случае гораздо более важным является настоящее, который характери-

зуется следующими смысловыми акцентами как «здесь» и «сейчас». Кроме того, настоящее, по словам Ю. М. Лотмана, является вспышкой «еще не развернувшегося смыслового пространства» [30], то есть «здесь» всегда переполнено неожиданными и случайными возможностями, которые могут крайне разрушить привычный ход вещей.

Время обычно признается условием и атрибутом становления, а модусы будущего, настоящего и прошлого сопоставляются в определенное соотношение с понятиями перспективы, действительности и необходимости. Эта возможность для субъекта является тем культурным маркером, благодаря которому он определяет свой путь в будущее и бытие с другими людьми, а также возможность усвоить знаки и смыслы городской культуры. Как отмечает немецкий феноменолог Альфред Шюц, «не только актуально схвачены действия ближних людей или собственные действия переживаются как мотивированные и целеустремленные и через это как осмысленные, но также институализации действий в социальных образованиях. Они принципиально указывают на действия моих ближних людей, моих предшественников, которые толкуются или анонимно («люди должны так делать»), или как индивидуализированные законодатели, основатели религий и т.п.; их действия опять же указывают на смысл, который они связывали со своими действиями» [31]. Однако город как предлагает, так и забирает, поэтому человек должен быть готовым к потере своих принципов, ценностей ради реализации собственных проектов. Человек в городе живет для будущего, все его планы и прогнозы направлены на завтра. В городе строятся новые сооружения и здания следующим поколениям, которые там будут жить. Для горожанина важны все факторы, которые помогут сориентироваться в будущем, потому-то такие популярные астрологические прогнозы, которые распространяются еще в древние времена человеческого существования.

Таким образом, временная организация городской жизни имеет свои специфические особенности и различные смысловые модусы. Время города может восприниматься человеком как образ культуры, приобретать символическое значение и оформляться в качестве опыта. В последнем случае особую роль играет память как корреляция и интеграция человеческого бытия в урбанистическую среду. Городу присущи две формы представления времени: объективное и субъективное восприятие времени. Как следствие, выстраиваются такие важные формы организации времени, как циклический и линейный (исторический) время, а более локально — рабочее и свободное время, имеют свое смысловое значение и дополняют друг друга в деятельности городского человека. Кроме того, время в го-

роде имеет свой специфический ритм: в одних местах он ускоряется, в других — приостанавливается; он бывает сложным для человеческого индивида, а бывает, что интегрирует в себя субъекта. В каждом пространстве города время может принимать различные смысловые выражения, и его дискретность по-разному влияет на жителей города. Человек, чтобы успеть за ритмом города, часто идет на экзистенциальные жертвы и в конечном случае может потерять слишком много. В любом случае, сложные ритуалы и обычаи города, которые формируются и символически оформляются в результате времени города, несут антропологический смысл, поскольку город без человека перестает быть как миром, так и в мире.

1. *Марков Б.В.* Культура повседневности. — СПб: Питер, 2008. — С. 128-129; 2. *Козеллек Р.* Часові пласти: дослідження з теорії історії: (Пер. з нім. В. Шведа). — К.: Дух і літера, 2005. — С. 181; 3. *Emerson T.E.* Archaic Societies: Diversity and Complexity Across the Midcontinent. — NY: State University of New York Press, 2009. — P.4; 4. *Леви-Строс К.* Первісне мислення: (Пер. з фр. С. Йосипенка). — К.: Український центр духовної культури, 2000 — С. 7; 5. *Помян К.* Порядок часу: (Пер. з фр. С. Йосипенка). — К.: Український Центр духовної культури, 2008. — С. 4; 6. *Анисимов А.М.* Типы существования // Вопросы философии. — 2001. — № 7. — С. 103; 7. *Каюа Р.* Людина та сакральне: (Пер. з фр. А.В. Усик). — К.: Ваклер, 2003. — С. 92; 8. *Евзлин М.* Космогония и ритуал. — М.: Радикс, 1993. — С. 191; 9. *Freedberg D.* The Power of Images. — Chicago: University of Chicago Press, 1989. — P. 231; 10. Энциклопедический словарь по культурологии / Под общ. ред. А.А. Радугина. — М.: Центр, 1997. — С. 102; 11. *Верле А.В.* Пространство прошлого: ритм — контекст — событие // Модусы времени. — 2005. — Вып. 5. — С. 81; 12. *Топоров В.Н.* Пространство и текст // Текст: семантика и структура: Сборник статей. — М.: Наука, 1983. — С. 244; 13. *Успенский Б.А.* История и семиотика: Восприятие времени как семиотическая проблема // Этюды о русской истории. — СПб., 2002. — С. 42; 14. *Марков Б.В.* Культура повседневности. — СПб: Питер, 2008. — С. 132; 15. *Bergson H.* Durée et simultanéité. — Paris: Presses Universitaires de France — PUF, 2009. — P. 180; 16. *Husserl E.* Zur Phänomenologie des inneren Zeitbewußtseins // Gesammelte Werke, Band X. — Hamburg: Meiner, 1985. — S. 80; 17. *Wunderlich F.M.* Walking and Rhythmicity: Sensing Urban Space // Journal of Urban Design. — 2008. — Vol. 13, № 1. — P. 125; 18. *Seamon D., Mugerauer R.* (Eds). Dwelling, Place and Environment: Towards a Phenomenology of Person and the World. — NY: Columbia University Press, 1989. — P. 41; 19. *Schöllhammer K.E.* A Walk in the Invisible City // Knowledge, Technology & Policy. — 2008. — Vol. 21, № 3. — P. 144; 20. *Joyce J.* Ulysees. — NY: Modern Library, 1992. — P. 76; 21. *Козловский*

В.П. Пространство и время культуры: деятельность, бытие, телесность // Бытие человека в культуре (опыт онтологического подхода). — К.: Наукова думка, 1991. — С. 68; 22. Марков Б.В. Культура повседневности // Указ. соч. — С. 139; 23. Зиммель Г. Великі міста і духовне життя // І. — 2003. — № 29. — (Электронное издание) Режим доступа: <http://www.ji.lviv.ua/n29texts/zimmel.htm>; 24. Auster P. City of Glass. — NY: Penguin Books (Non-Classics), 1987. — P. 8; 25. Barnes J. Aristotle: a very short introduction. — Oxford: Oxford University Press, 2000. — P. 40; 26. Горнова Г.В. Феномен города в духовном мире человека. — Омск: ОмГТУ, 2005. — С. 171; 27. Козловський В.П. Пространство и время культуры // Указ. соч. — С. 67; 28. Еліаде М. Священне і мирське. Міфи, сновидіння і містерії. Мефістофель і андрогін. Окультизм, ворожбитство та культурні уподобання: (Пер. з фр. Г.Кьоран, В. Сахна). — К.: Основи, 2001. — С. 32; 29. Сайко Э.В. Город в процессах исторических переходов: теоретические аспекты и социокультурная характеристика. — М.: Наука, 2001. — С. 71; 30. Лотман Ю.М. Культура и взры // Семиосфера. — СПб.: Искусство-СПБ, 2000. — С. 22; 31. Шюц А., Лукман Т. Структура життєсвіту. — К.: Український Центр духовної культури, 2004. — С. 30.

**О. Н. Кожемякина, к. филос. н.,
Черкасский государственный
технологический университет**

ДОВЕРИЕ В ИЗМЕРЕНИЯХ СОЦИАЛЬНОГО ВРЕМЕНИ

Статья посвящена анализу темпоральных свойств феномена доверия, особенностям его порождения и динамического развития в современном обществе. Обращено внимание на экзистенциальную сущность доверия в контексте общего кризиса доверия в «разломе времени». Приведены основные положения о смене роли доверия в обществе, представленные в работах Н. Лумана, П. Штомпки, А. Селигмена.

Ключевые слова: доверие, социальное время, динамика социальных изменений, кризис доверия, ожидаемое будущее.

Чрезвычайно динамическое|динамичное| развитие современной цивилизации, глубокие социокультурные сдвиги, мощные измене-

ния|смена| в темпах и формах|форме| общественного развития способствуют|содействуют| появлению новых исследовательских приоритетов, среди которых|каких| особое значение |вагу| приобретают исследования темпоральности| социальных отношений, которые актуализируют|актуализует| проблемы динамики, направленности и саморегуляции общественного развития, обеспечения социального порядка и согласованности социальных действий в сложноорганизованных обществах. В этих условиях возрастает|вырастает| роль доверия и как важной общественной проблемы, и как атрибута| современности в качестве диалоговой основы|основания| социального взаимодействия, пронизывая|пронзает| все сферы человеческого бытия и открывая такие его грани, как сосуществование, созависимость, взаимодействие||.

Целью данного исследования является анализ феномена доверия в контексте проявления его темпоральных свойств, а также выявление|обнаружения| специфики функционирования доверия в современном социуме сквозь призму социального времени. Объектом исследования является динамическая|динамичная| социальная среда, в качестве предмета рассматривается феномен доверия как ценностной основы социального взаимодействия и как закономерной реакции на усложнение|усложнение| современного общественного развития. Использование|употребление| критерия времени в процессе раскрытия|вскрытия| сущности доверия осуществлено с целью содействия|вычленению| категории доверия среди других близких категорий, определению роли доверия в современном динамическом|динамичном| мире, очерчиванию процесса онтологизации| и антропологизации становления категории доверия в современном научном дискурсе. Осмысление темпоральных измерений доверия является необходимым этапом в изучении сущности доверия как ценностной основы|основания| социального взаимодействия в контексте важных проблем современности, учитывая, в частности|в том числе|, угрожающие масштабы глобализации, противоречивые процессы формирования гражданского общества и построения правового государства, тоталитарное прошлое, многочисленные|несчетные| кризисы, — экономические|экономичные|, политические, моральные и|да| др.. С другой стороны, исследование феномена| доверия в пределах философии времени будет способствовать|содействовать| расширению| горизонтов постижения самой проблематики времени, сосредоточению на ее ценностных и человекоизмерных| смыслах.

Значение доверия в динамике современного общественного развития испытывает существенные изменения|смену|. Категория социального времени, отражая длительность и формы|форму| бытия

общества, фиксирует осмысление процессуальности| общественно-го бытия как его имманентного внутреннего свойства, обращая внимание на ускорение темпов социальных изменений|смены|, усложнения|усложнения| социальной структуры. Социальное время в сущности|по существу| «имеет своей предпосылкой согласованность коллективного характера социальных механизмов временности |временной| и индивидуального человеческого сознания| осмысленности|» [1]. В контексте данного исследования можем определить современность как время актуализации|актуализует| доверия в условиях индетерминизма социального взаимодействия, в секуляризованном обществе доверие занимает место социальной веры, способствует|содействует| минимизации социальных затрат, а в процессе формирования гражданского общества выступает весомым элементом социального капитала.

Признания доверия как фактора, что играет| ключевую роль в функционировании современного общества, происходит во второй половине XX века|столетия|. Социальные измерения доверия в контексте проблем социального времени находим в трудах Э. Дюркгейма, Э. Гидденса, П. Бурдьё, Н. Лумана, П. Штомпки, Ф. Фукуямы, М. Бубера, А. Селигмена, Ю. Габермаса, К.- О. Апеля, Т. Ямагиши и|да| др.

Доверие трактуется многими исследователями как закономерная реакция на усложнение|усложнение| современного мира. Социальная неопределенность, системная дифференциация и ролевое| разнообразие актуализируют|актуализуют| проблематику доверия, которое|какое| рассматривается в качестве механизма социального согласования потенциально неуправляемых взаимодействий, средства нейтрализации социальных рисков, владея|обладает| способностью ролевого| взаимоприспособления|, предопределенного наличием диссонанса в ролевом| поведении. Доверие как осознанный выбор в социально усложненной ситуации является механизмом расчета перспектив, иллюстрируя процесс согласования мотивов деятельности с нормативными культурными стандартами и отражая способ открытого рационального упорядочивания |упорядочения| потенциально неопределенных социальных отношений в сети разнообразных|многообразных| социальных ожиданий.

Доверие четко связано|повязал| с онтологическим ощущением|чувством| безопасности и надежности, отражая благоприятное ожидание желаемых|желанных| результатов взаимодействий, зависимых|зависящих| как от поступков отдельных людей, так и от эффективности функционирования всей социальной системы, поэтому|оттого| следует различать доверие межличностное и институциональное. В этическом плане доверие проявляется как регулятор

моральных отношений, но в целом чрезвычайно весомая роль доверия определяется его способностью к до| экономии усилий, минимизации социальных затрат.

Именно прогностические свойства доверия и его динамический|динамичный| характер позволяют включить данный феномен в ряд тем, связанных|повязал| с философской рефлексией проблем времени. Доверие ярко иллюстрирует человеко-со-из-мерное| существование в социальном времени, отражая реализацию процессов взаимозависимости, ответственности, признания, диалогичности|, взаимности, принципиальной открытости. Причем следует учитывать как внутреннюю темпоральную детерминацию| доверия (определяемую личностными свойствами), так и внешнюю|наружную| темпоральную детерминацию| (обусловленность общественными условиями, которые|какие| способствуют|содействуют| активному продуцированию отношений доверия). Исследование проблемы доверия сквозь призму социального времени имеет целью раскрытие|вскрытие| путей обеспечения целостности|цельный| контактов человека с миром. Специфика понимания времени отображает также тот способ, благодаря которому|какой| человек организует свое собственное существование в процессе сосуществования с Другими, не фиксируя каждый раз переход|перехождение| из|с| нынешнего|теперешнего| в настоящее|теперешнее|. Как отмечает М. Мерло-Понти, мы не являемся созерцателями этого перехода|перехождения|, мы осуществляем|свершаем| его, мы уже находимся в нынешнем|теперешнем|, которое|какое| еще только придет, мы сами — время, которое|какое| находится|перебывает|, а не течет или изменяется [2]. Время предстает как поле присутствия с двойным горизонтом — прошлого и будущего.

Доверие как проективная| детерминанта социального взаимодействия имеет темпоральные свойства, на которые|какие| указывают|счислени|ее многочисленные определения: как надежда, что другие будут вести себя соответственно нашим ожиданиям; как ставка на возможные будущие действия других; как предвидение и полная отдача воле Другого; как принятие возможного за действительное; как интуитивное раскрытие|вскрытие| кода будущего в социально неопределенной среде. Доверие отражает длительный и последовательный процесс вживания в социальную среду на разнообразных|многообразных| уровнях социального взаимодействия, в результате получая качественные изменения|смену|. Доверие как элемент социального капитала способствует|содействует| упорядочиванию социальных действий на основе совместно|сообща| признанных норм и правил, обеспечивая согласованную социокультурную ритмизацию| общества благодаря добровольно взятым

моральным взаимоотношениям|. И так, в социальном времени отражаются|отбываются| согласованные благодаря доверию социальные действия в их моральном обосновании.

Важной фазой доверия является фаза социального отбора как селективный процесс определения субъектов, достойных доверия. Таким образом доверие исполняет роль своеобразной социальной фильтрации через|из-за| направленность и избирательную |избирательную| социальную активность, которая способствует |содействует| лучшей социальной адаптации, солидарности, учитывая перспективы Другого. Особенно|в особенности| интересным |любопытным| в этом контексте есть исследование доверия «в состоянии рождения», а именно, — источников|источка| порождения доверия и условий, которые|какие| сделают|совершат| реальной частью ожидаемого возможного будущего. Среди факторов, которые|какие| являются определяющими для появления доверия, можем назвать следующие:

—эффективно действующие и совместно|сообща| признанные и общепринятые моральные нормы, поскольку доверие во многом зависит от уверенности в том, насколько участники социального взаимодействия будут отвечать ожидаемым критериям ответственности, честности, порядочности, компетентности и др.;

—соответствие принципу диалогичности|и, который|какой| предусматривает субъект — субъектные отношения, уважение к|до| Другому, открытость в отношениях, что делает невозможным манипуляции доверием;

—признания субъектов доверия как значимых и надежных;

—наличие общей идентичности, горизонтов совместимости, общего жизненного мира|, что обеспечивает контекст понимания.

Следовательно|и так|, доверие является сложным процессуальным образованием, которое в сущности|по существу| есть герменевтически| кругом|окружностью|,|какой| состоящим из предыдущего |предварительный| опыта, решения доверять, перенесения |перенос| или передачи активности Другому, напряженного ожидания, самого акта действия как реализации, переживания осуществленного, формирования нового опыта доверия, влияния этого переживания на следующее проявление доверия, выбора адекватных субъектов доверия и|да| др. Отношение «ожидания желаемого |желанного|» содержит также элемент переживания как восприятие возможных изменений|смены|, достоверность которых|каких| все же существует, что и предопределяет риск в доверии.

Спецификой доверия является его часовое|временное| развертывание|разворачивание| во взаимоотношениях| прошлого, настоящего|теперешнего| и будущего: на решение доверять (настоя-

щее|теперешнее) влияет предыдущий|предварительный| опыт и вся история становления человека (прошлое), базовой основой|основанием| доверия является установка|устремляет| на ожидаемый результат (который состоится|произойдет| в будущем). Будущее появляется как вариативное| поле возможных ожидаемых реализаций, которые|какие| зависят от уровня соответствия ценностно-нормативным критериям порядочности, честности, ответственности и|да| др. В теоретическом осмыслении процесса конструирования будущего возникает достаточно интересный|любопытный| вопрос о соотношении неизменной|неизменяемой| предопределенности| и возможности управления будущим, то есть меры соотношения проекта, прогноза и судьбы|доли|. По мнению |С. Б. Крымского, будущее появляется не столько как судьба|доля|, «сколько как путь осуществления человеческих ожиданий. Не будущее приходит к|до| человеку как судьба|доля|, а человек приходит к|до| будущему как осуществлению своих целей, идеалов, проектов» [3]. Доверие также связано|повязал| с прошлым благодаря феномену социальной памяти, поскольку каждый момент социального существования состоит как из современных стимулов, так и из элементов традиции, ментальных установок, способов обнаружения подлинности и истинности.

Уже сам концепт доверия этимологически имеет указание на время: «до |до| веры», отражая временной|временной| отрезок, который|какой| утверждает необходимость доверия как пути, который ведет к|до| вере, таким образом доверие является условием веры. В религиозном смысле абсолютное доверие к Богу делает возможной безусловную веру в него. Следует различать понятие веры и доверия: вера выводит нас за пределы социального времени, доверие же процессуально разворачивается именно в нем. Вера является категорией высшего порядка, определяющим|определяющим| экзистенциалом| человеческого бытия, которое поднимает нас над эмпирическими и формально логическими|логичными| доказательствами. Доверие является предпосылкой веры, выступая как категория компетенции человеческого опыта и познания |опознания|, реализации собственного жизненного мира. Условно говоря, вера выводит человека в мир трансценденции, доверие — в мир экзистенции|. Вера отражает убежденность в истинности, доверие же — в надежности и безопасности. Последнее предопределяет онтологизацию| доверия, что|какое| ориентирует|устремляет| его исследование в направлении э|до|кзистенциальной| проблематики кризиса, как разрушения ощущения|чувства| доверия к миру, когда человек утрачивает смысл существования в социокультурной среде, теряет во времени, теряет сопричастность| бытию.

Очерчиванию проблемы временного|временного| соотношения в доверии способствует|содействует| антропологический подход, который|какой| определяет время как конститутивный фактор человеческого опыта и один из возможных путей видения целостности |цельный| опыта, исследуя механизмы влияния социокультурных образов времени на поведение человека [4]. Время, детерминированное социальным действием, осуществляет|свершает| также мощное влияние на человека и общество. Растущий интерес к личностным смыслам времени, стремление обнаружения источников|источка|, которые|какие| упорядочивают и сохраняют|берегут| непрерывность социального времени предопределяют обращение к экзистенциальной| трактовке времени. Кризис доверия в современном мире появляется как один из экзистенциальных| кризисов, что проявляется в дезориентации в социальном пространстве|просторе| и времени, стимулируя активные поиски новых смыслов или новые трактовки тех начал, которые|какие| уже содержатся в традиции, в опыте, которые|какие| дают ощущение|чувство| надежности и безопасности мира.

Человечесосоизмеримый ракурс времени вносит свои коррективы в традиционное направление|устремляет| «стрелы времени»; прошлое, будущее и нынешнее|теперешнее| взаимодействуют «взаимотолкаясь», выступая| антагонистическими силами. По мнению Х. Арендт, именно вклинивание человека во время способствует|содействует| потому, что течение индифферентного| времени распадается на прошлое, настоящее|теперешнее| и будущее времена, это вклинивание «является тем фактором, который расщепляет непрерывность времени на силы, которые|какие| потом|затем| ... начинают бороться друг с другом | и действовать на человека» [5]. Силы прошлого и будущего сходятся в поединке, между ними мы видим человека, который|какой|, стремясь отстоять свои взгляды, дает отпор обеим силам. Х. Арендт, используя метафорические образы|оскорбление|, отмечает, что не только будущее, но и прошлое рассматривается как сила, а не как груз, который|какой| человек должен нести|несущий| на своих плечах и хочет его лишиться. Это прошлое не тянет назад, а толкает вперед, но именно будущее толкает нас назад в прошлое.

Человек, живя в интервале между прошлым и будущим, трактует время не как что-то сплошное, не как поток непрерывных последовательностей. Происходит разлом времени, время «прерывается посередине|посередине|, в той точке, где стоит «он»; и местом «его» расположения является не современность, как мы это обычно понимаем, а скорее тот временной|временной| промежуток, который|какой| существует благодаря «его» постоянной борьбе, «его»

противодействию прошлому и будущему» [6]. Это противодействие порождает своеобразную диагональ как третью силу, которая выходит|исходил| из|с| точки столкновения прошлого|прошедшего| и будущего и на которую|какую| они действуют. Такая диагональная сила, будучи прикованной к|до| настоящему|теперешнему| и укорененной в нас, имеет ограничение относительно|касательно| своего происхождения, но является неограниченной относительно|касательно| своего конца, создает свое собственное своеобразное пространство, утверждая его своим появлением. В этом контексте возникает |вполне| экзистенциальный| вопрос относительно |касательно| того, насколько человек способен отыскать эту диагональ, уменьшая давление противостояния прошлого|прошедшего| и будущего, насколько человеку доступен тот путь, который|какой| вывел бы|б| его за пределы этого столкновения|схватки|, освободил от ощущения|чувства| разлома времени. Причем Х. Арендт отмечает, что данный метафорический образ диагональной силы может быть применен лишь|только| в сфере духа, ментальных явлений, будучи обеспеченным лишь|только| той мерой, которой|какой| человек мыслит, и той мерой, в которой|какой| он вечен.

Итак|итак|, жизнь человека является своеобразным временем-пространством|простор| постоянного и напряженного творения, преодоления, противодействия и выстраивания своего Я в сосуществовании с Другими в смысловой зависимости от прошлого и будущего. Отношения доверия в такой темпоральной трактовке рассматриваются как напряженный поиск социального равновесия и координации социальных действий, как постоянное продуцирование того, чего еще нет, что необходимо создавать, но что уже содержится в социальных и личностных интенциях|. Доверие является формулой ожидаемого поведения в смысловой связке сознания |осмысленности| и мира, прошлого и будущего, Я и Ты во времени и пространстве|просторе|.

Кроме личностных, внутренних факторов доверия, существуют ее внешние|наружные| темпоральные детерминации| в виде измененных социальных условий современности, которые определяют необходимость возникновения отношений доверия на всех уровнях социального взаимодействия. Процессуальное понимание общества как бесконечного|нескончаемого| потока событий свойственно многим исследователям проблематики доверия (Ф. Фукуяма, Е. Гидденс, Н. Луман, П. Штомпка, А. Селигмен и|да| др.). На системном характере доверия настаивает известный немецкий ученый Н. Луман, который|какой| рассматривает данный феномен в контексте понятий риска, смысла, отбора, двойной контингентности|, структур ожидания, степени надежности и темпоральной ком-

плексности социальной системы. По его мнению|на его взгляд|, современное общество отличается от традиционного увеличением проблемных ситуаций, что и способствует|содействует| активизации таких феноменов, как доверие и уверенность. Причем доверие отличается большая степень риска, преимущественно межличностная сфера проявления и наличие высокой степени свободы выбора. Н. Луман утверждает, что доверие как проявленные|выявляет| ожидания является средством приспособления|к|до| изменениям|смене| собственных структур системы, причем эти ожидания поддаются|подвергаются| формированию и сдерживанию.

В концепции Н. Лумана появление доверия связано|повязано| с такими понятиями, как осведомленность и двойная контингентность|. Осведомленность делает ожидания более-менее надежными, но риск остается из-за|из-за| сложности и разносторонности социального действия, ведь доверие проявляется не как знание о том, как будет вести себя другой или как будет функционировать система, а как определенное ожидание, которое может оправдаться или нет. Доверие выступает в качестве определенной стратегии поведения в условиях недостаточности информации, когда нужно рисковать, действуя на опережение.

Двойная контингентность| (или двойная зависимость от обстоятельств в процессе социального взаимодействия) рассматривается Н. Луманом в качестве ключевого принципа системной теории общества, которое является условием возникновения социальности вообще, и отражает механизм взаимодополняющих друг друга ожиданий, своеобразный коллаж ожиданий. Двойная контингентность| трактуется как процесс, в котором|каком| удвоение |удваивание| не вероятности приводит к|до| вероятности, которая происходит таким образом: неопределенность собственного поведения дополняется неопределенностью выбора другого, что также зависит от моего поведения, и именно здесь появляется возможность ориентироваться именно на это и определять собственное поведение относительно|в отношении| этого [7]. Другими словами, это поведенческая цепочка, в которой|какой| в качестве последующего события выбирается то, которое|какая| дает возможность понять, что может стать событием, которое|какое| будет дальше. Одним из важных последствий двойной контингентности| есть возникновение доверия или недоверия, которое появляется тогда, когда ситуация с двойной контингентностью| становится|стает| особенно|в особенностях| рискованной: другой может действовать совсем не так, как я ожидаю, и может именно потому, что знает мои ожидания. Как отмечает Н. Луман, если человек отдал предпочтение одному действию над другим, невзирая на|несмотря на| возможное разоча-

рование в действии других, то эту ситуацию человек определяет как ситуацию доверия [8]. Доверие, таким образом, является стратегией типа «незвирая на|несмотря на|», но в отличие от недоверия, доверие является стратегией с большим радиусом действия [9]. Ведь тот, кто обнаруживает|выявляет| доверие, значительно расширяет свой потенциал действия, получает доступ к|до| большей возможности комбинаций. Таким образом, доверие есть необходимым условием общественного развития из-за|из-за| усиления неуверенности людей в будущем, что связано|повязал| с усложнением|усложнением| и непрозрачностью современного социального мира. Доверие является универсальным социальным фактом, направленным на минимизацию и поглощение риска через|из-за| стабилизацию ожиданий, как осозанный отбор из|с| совокупности возможностей через|из-за| связь с внутренним порядком целого. Следуя логике Н. Лумана, можем утверждать, что именно доверие обеспечивает темпоральную комплексность системы, позволяя снизить риски, приспособиваясь| к|до| постоянным неуправляемым изменениям|смене|, способствуя|содействует| непосредственно обновлению социальной системы, которая|какая| является нестабильной во времени.

На процессуальном понимании общества как постоянного динамического|динамичного| потока событий настаивает также польский социолог П. Штомпка, который|какой| проследивает логику социальных изменений|смены| сквозь призму двух парадигм: коллективного действия и индивидуальных взаимодействий, а доверие рассматривается автором в связи с профилями рисков и в русле проявления травматического действия трансформационных процессов современности. Одним из признаков культурной травмы в качестве негативного последствие социальных изменений|смены| есть потеря доверия, или формирование синдрома недоверия [10]. Доверие в контексте проблематики социального времени проявляется как социальный феномен, который отражает динамическое|динамичное| движение от прошлого к|до| будущему через|из-за| выявление|обнаружение| взаимосвязи и взаимозависимости. В концепции П. Штомпки доверие трактуется как «выраженное в действии ожидание по отношению к партнеру, что его реакции окажутся|проявляются| для нас выгодными, другими словами, сделанная в условиях неопределенности ставка на партнера с расчетом на его благоприятные для нас соответствующие действия» [11]. Доверие, выступая| в качестве культурного ресурса, который стимулирует реализацию потенциала взаимодействия, способствует|содействует| обновлению общества и отражает такую ориентацию человека относительно|в отношении| действий других людей,

когда мы действуем, невзирая на|несмотря на| ситуацию неопределенности и риск. Риск трактуется ученым как «вероятность неприятностей, связанных|повязал| с нашими собственными действиями и обусловленных нашими собственными обязательствами» [12]. Именно с риском в концепции П. Штомпки доверие имеет достаточно тесную связь, доверие отражает возможность порождения разнообразных|многообразных| рисков: неосуществление проявленных ожиданий, появление негативного психологического осадка от неосуществления ожидаемого в доверии, риск разрушения отношений, риск в ситуациях беспокойства о важном для нас объекте. Риск является универсальным признаком общественного развития, но именно в современном мире риски усложняются|осложняют| и становятся|стают| более ощутимыми, порождая, в частности|в том числе|, и проблему доверия как средство нейтрализации риска.

Именно общие черты современности и определяют, по мнению П. Штомпки, изменение|смену| природы доверия в обществе и усиления социальных рисков. Так называемая «высокая современность» добавляет|додает| риску признаков глобализации, универсализации, институционализации| и непредсказуемости. Кроме того, среди дополнительных факторов, которые|какие| усиливают|усугубляют| субъективное ощущение|чувство| риска, есть усиленная|обостренная| чувствительность к|до| угрозам из-за|из-за| ослабления магической и религиозной защиты, более четкое осознание опасности в результате|вследствие| повышения уровня образования, признания ограниченности компетентности и неизбежности сбоев в функционировании так называемых «абстрактных систем» [13].

Проблему доверия как закономерной реакции на усложнение|усложнение| современного мира предлагает рассмотреть американский социолог А. Селигмен. По его мнению|на его взгляд|, сама природа социального доверия свидетельствует о существенных отличиях между досовременными| и современными социальными формами|формой|, механизм доверия усложняется|осложняет| именно в современном обществе из-за|из-за| социального расслоения, системной дифференциации и ролевого| разнообразия. Ученый настаивает на четком разграничении|отмежевку| доверия и таких родственных явлений, как уверенность и вера. Исследование сущности доверия и способов ее проявления связано|повязал|, по мнению ученого, с решением вопросов специфики социальной организации, выявлением|обнаружением| оснований|подставы| социального порядка в современных обществах. Кроме того, напряженная динамика социальных изменений|смены| стимулирует появление|выявляет| проблемы доверия в вопросах легитимации, гражд-

данского общества, идеологии прагматизма, теориях управления конфликтами, технократической экспертизе и др. Необходимость у разных|различных| форм|формы| общественной организации в отношениях доверия определяется фундаментальным индетерминизмом социального взаимодействия, непредсказуемостью общественной жизни.

Социальное доверие в трактовке А. Селигмена проявляется как генерализация| доверия, которое уже существует на межличностном уровне и отражает «кое-что такое, что входит в социальные отношения тогда, когда есть возможность отклонения от ролей, то, что можем назвать «открытыми пространствами|простором» ролей и ролевых| ожиданий» [14]. Ученый отмечает существенное отличие доверия от уверенности, понимая под последней компетентное выполнение роли или осуществление ролевых| ожиданий, выполнение которых|каких| обеспечивается определенными формами|формой| социального контроля и санкционирующими механизмами. Доверие же возникает в межролевых| пространствах |просторе|, на границах системы и существует там, где ролевые| ожидания больше не дееспособны. Доверие в современном динамическом|динамичном| обществе владеет|обладает| способностью ролевого| взаимоприспособления|, которое обусловлено наличием диссонанса в ролевом| поведении.

Доверие, по мнению А. Селигмена, отличается также и от религиозной веры, причем это разграничение имеет не только смысловой контекст. Ведь специфика доверия заключается именно в отличии от веры, а растущая потребность в доверии объясняется секуляризованным процессом ослабления религиозной веры в современном мире. Веру и доверие отличает именно «инаковость|», непохожесть|несхожесть| объекта, но в доверии этим объектом является другой человек, а в вере — определенная трансцендентальная сущность. А. Селигмен предлагает понимать доверие как явление сугубо современное, которое|какое| приходит на смену религиозной вере в процессе тотальной рационализации, что привело к|до| потере трансцендентного как такового. Ученый допускает |припускает|, что, в известной степени|до известной степени|, саму историю современного сознания|осмысленности| можно трактовать как «историю бесконечных|нескончаемых| попыток создания альтернативы сфере трансцендентного, как поиск некоторой|некоей| понятийной связи, которая существует за пределами сферы социальных отношений» [15], но которая|какой| является всей совокупностью человеческого опыта.

Таким образом, можем сделать|совершить| вывод, что именно динамическое|динамичное| развитие современного усложненного

социума предопределяет изменения|смену| в природе, масштабах и механизме функционирования доверия в обществе, актуализируя необходимость формирования культуры доверия и обнаружения путей уменьшения|сбавки| кризисных явлений в обществе. Динамические|динамичные| коннотации| доверия определяют его трактовку в качестве «социального барометра», который фиксирует кризисные моменты общественной жизни в ее разнообразных|многообразных| сферах — политической, экономической|экономичной|, социокультурной.

Итак|итак|, бытие-доверия-во-времени| проявляется как взаимопросвечивание| ожидаемого будущего сквозь прошлое и настоящее|теперешнее|, в доверии потенциально содержится будущее, которое|какое| порождается нашими ожиданиями. Будущее появляется как проекция прошлого, а нынешнее|теперешнее| структурируется|структурирующий| в соответствии с|соответственно| ожидаемыми в будущем перспективами. Причем доверие понимается не как пассивное приспособление к|до| ритму социального времени, а как активное взаимодействие с ним, как темпоральность| в ожидании. Доверие отражает процесс напряженного поиска социального равновесия и общественной координации, как продуцирование того, что уже содержится в социальных и личностных интенциях| в виде ценностно-нормативных обоснований, которые|какие| снизят риск злоупотребления доверием.

1. Дондюк А. М. Антропологія часу як методологічна проблема // Колізії антропологічного розмислу // В. Г. Табачковський, Г. І. Шалашенко, А. М. Дондюк, Н. В. Хамітов, Г. П. Ковадло, Є. І. Андрос. — К.: Видавець ПАРАПАН, 2002. — С. 79-97. — С. 93; 2. Мерло-Понти М. Феноменологія восприяття (Пер. с фр. под ред. І. С. Вдовиной, С. Л. Фокина). — СПб.: Ювента, Наука, 1999. — 606 с. — С. 481; 3. Кримський С. Б. Запити філософських смислів. — К.: Вид. ПАРАПАН, 2003. — 240 с. — С. 135; 4. Дондюк А. М. Антропологія часу як методологічна проблема // Указ. твір. — С. 93; 5. Арендт Х. Між минулим і майбутнім; (Пер. з англ.) — К.: Дух і літера, 2002. — 321 с. — С. 15; 6. Там само; 7. Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории; (Пер. с нем.). — СПб.: Наука, 2007. — 648 с. — С. 167; 8. Luhmann N. Familiarity, Confidence, Trust: Problems and Alternatives // Trust: Making and Breaking Cooperative Relations / Department of Sociology, University of Oxford, 2000. Ch. 6. — P. 94-107. — P. 99.; 9. Луман Н. Социальные системы. // Указ. твір. — С. 182; 10. Штомпка П. Социальное изменение как травма // Социологические исследования. — 2001. — № 1. — С. 6-16. — С. 11; 11. Штомпка П. Социология. Анализ современного общества; (Пер. с польск.). — М.: Логос, 2005. — 664 с. — С. 342; 12. Szotomka P. Trust: A Sociological Theory. — Cambridge: Cambridge University

Press, 1999. — 226 p. — С. 30; 13. *Штомпка П.* Социология социальных изменений; (Пер. с англ.). — М.: Аспект Пресс, 1996. — 416 с. — С. 117; 14. *Селигмен А.* Проблема доверия. — М.: Идея-Пресс, 2002. — 256 с. — С. 21; 15. Там само. — С. 51.

**О. Г. Мормуль, к. филос. н.,
Керченский экономико-гуманитарный институт
Таврического национального университета
им. В. И. Вернадского**

ВРЕМЕННОЙ КОНЦЕПТ ЭКОЛОГИИ КУЛЬТУРЫ

Статья посвящена одной из актуальных проблем современности. Предложены философские и культурологические подходы в отношении времени. Обоснована необходимость исследования категории «время» в контексте развития современной культуры. Теоретико-методологическую основу работы составляют системный, проблемный и интервальный подходы.

Ключевые слова: время, пространство-время, экология культуры, культура, память, вечность.

Актуальность темы. XX столетие, особенно его вторая половина, и наступление третьего тысячелетия отмечено новой социокультурной ситуацией, которая определяется как политическими, экономическими, правовыми, так и культурологическими и национальными факторами, включая экологические. Значимость экологической проблемы обосновывается не только спасением природы и всего жизненного пространства («Дома»), в котором живет человек, но и не соответствием искусственной среды, созданной человеком, и его природно-естественным состоянием, а сама экологическая проблема культуры определяется как практическая задача сохранения природных ресурсов и человека. Поэтому в экологии культуры важно не только сохранение природы, но и гуманистического содержания самой культуры. Под влиянием экологических проблем происходит переосмысление духовности как фактора развития социокультурных процессов и отношения к культурным ценностям. Экологическая деятельность влияет на формирование ценностных ориентаций субъекта деятельности, особенно в пере-

ломные периоды, на переосмысление сути бытия человека, на необходимость объективной оценки прошлого, что позволит более качественно прогнозировать будущее. Как писал К. Ясперс в работе «Смысл и назначение истории», человек должен «осознавать жизнь в целом, самого себя и свои пределы» [1].

Цель исследования — рассмотреть категорию «время» сквозь призму экологии культуры.

Задачи исследования:

— проанализировать взгляды ученых на проблему времени в культуре,

— выявить значимость категории «время» в контексте экологической проблемы культуры.

Объект исследования — экология культуры.

Предмет исследования — временной концепт экологии культуры.

Степень изученности исследуемой проблемы. С древних времен для человеческой культуры значимыми были, как душа человека, психика, история, так и время. Время относится к тем реалиям, которые издревле определяли смысловое поле человеческого мировосприятия. Категория времени в философии рассматривалась мыслителями как «нечто единое» (Платон), как «множество времен», где для каждого исторического процесса существует «индивидуальное время его протекания» (Р. Декарт). Категории «время» приписывалось «некоторое абсолютное начало» («абсолютное время», по И. Ньютону) и признавалось существование относительно времени, так как «время не существует реально, а есть лишь порядок последовательности явлений в отношении «раньше» и «позже» (Г. В. Лейбниц). На рубеже XX—XXI столетий исследованию категории «время» посвящены труды таких ученых, как Д. С. Берестовская, А. Н. Лой, Ф. В. Лазарев, Г. Г. Багров. По мысли крымского ученого Г. Г. Багрова, проблема времени сопрягается с экологией культуры, которую Г. Г. Багров рассматривает как историческую память; а также с проблемами жизни, «устойчивости и изменчивости, разума и духа, обретения человеком своей подлинной сущности и нравственного единения человеческого рода» [2]. Термин «экология культуры» был введен академиком Д. С. Лихачевым, характеризующим культуру как историческую память, способную подготовить будущее на основе прошлого и настоящего [3], [4], [5].

Рассмотрим временной концепт экологии культуры.

Понимание времени вытекает из обозначения «временных параметров культуры» и преобразования «информации... о прошлом с целью сохранения накопленного общественного и куль-

турного опыта и передачи его от одного поколения к другому» [6]. Время не определяет содержания событий, но оно регламентирует их «номологическую» (Р. А. Акимов) упорядоченность как в прошлом, так в настоящем и будущем: «С позиции номологической концепции времени, время как закон не отказывает в выборе системы отсчета временного периода и не предписывает выбор системы отсчета. Однако в соответствии с данным законом в любой физической системе отсчета времени в порядке «прошлое — настоящее — будущее» становление событий не может прерываться и раскрываться в реверсном порядке. Причем выбор направления становления событий во времени от прошлого к будущему или от будущего к прошлому для закона времени не актуален, ибо это чисто субъективный аспект этого вопроса. Закон времени утверждает лишь то, что в мире не может реализоваться, например, такой временной порядок: будущее — прошлое — настоящее» [7]. Номологическая концепция о течении времени объясняется эмотивной реакцией индивида на последовательность прохождения событий и изменений субъективного восприятия окружающего мира.

В философии временной порядок связывается с социальным бытием человека в культуре и в обществе. Немецкий философ XX столетия М. Хайдеггер временной порядок «прошлое — настоящее — будущее» назвал не только «единством трех форм» или «тремя модусами» времени, но и характеризовал их как неотъемлемую часть жизни общества и культуры [8]. Сущность прошлого и настоящего, по М. Хайдеггеру, заключается в том, что «прошлое отвергает пассивное восприятие традиции, призывает довериться возможностям, предлагаемым живой традицией. Настоящее — есть мгновение, когда человек, постигая неподлинность окружающего, отрицая его, решает, наконец, свою судьбу» [9]. В экологии культуры значимо и понимание вечности, которое может рассматриваться как «плоть культуры, тот материал, из которого возводится ее здание» (И. М. Меликов). Наиболее приближенной к вечности формой времени является прошлое. Прошлое в культуре выступает не только реализованной или воплощенной вечностью, но и памятью. Благодаря памяти субъект не только обращается к прошлому, но и погружается в вечность. Субъект не существует сам по себе, он социален. Поэтому и памяти свойственна социальная характеристика. Такая память не только содействует развитию культуры, но и создает условия для организации социальных институтов в обществе, таких как музеи, памятники, документы. Стремлением к первородным элементам человеческого бытия и прошлого, почитанием святости является культ. Культурное отношение к прошлому и

памяти, по сути дела, характерно для религиозной культуры. Однако прошлое охватывает не только религиозную культуру, но и светскую. Любая подлинная культура неразрывно связана с прошлым и развивается на ее основе. Философ и дипломат В. Н. Муравьев обосновал метод истинного отношения к прошлому. Содержание метода заключается в необходимости ощущения в каждом из нас событий, происходивших в давно прошедшем времени [10]. По мысли В. Н. Муравьева, субъективность восприятия прошлых событий создает «свое время». В «своем времени» философ выделяет два пути. Первый связан с внешне объективными условиями существования индивида; второй путь представляет собой подвластную ему сферу «собственного действия», благодаря которой индивид способен «воскрешать» события в прошлом. Современный философ А. Н. Лой пишет о «собственном времени», объясняя его наличие «внутренней жизнью сознания личности», «сопричастностью индивидуальных поступков необратимому процессу истории», объединяя нравственно-практическую деятельность самосознания личности со временем в «единую структуру переживаемого времени» [11].

Выдающимся ученым В. И. Вернадским был сформулирован вывод о едином пространстве-времени, исходя из того, что пространство и время — взаимосвязанные факты природы [12]. Условно экзистенции человека и его деятельности является не только время, но и пространство человеческого развития. В. И. Вернадский понятие пространство-время отличает от пространства и времени. Причем пространство и время не рассматриваются как всеобщие философские категории. По мысли ученого, это «факты природы», принадлежащие только живому веществу. Время ученый называет «жизненным» или «биологическим» временем [13]. На фоне биологического времени В. И. Вернадский рассматривает формирование всех остальных времен, в том числе и исторического [14]. Вектор времени в обществе и в культуре складывается из суммы социокультурных ориентаций всех слоев общества. Одной из таких ориентаций является повторяемость. Поэтому смену поколений ученый обосновывает биологической эволюцией, в которой заложены периодически повторяющиеся процессы [15]. Впоследствии учение В. И. Вернадского легло в основу «переоткрытия времени» в синергетике. В отличие от В. И. Вернадского Джулиан Стюард не согласен с объяснением культурных процессов только лишь биологической эволюцией. Дж. Стюард объясняет это тем, что культурные образцы не получены генетическим путем, и потому их нельзя анализировать так же, как органические признаки. Он использует экологию культуры как методологическое средство при

определении степени приспособления культурной среды и способа, каким она может вызвать изменения.

Время отражает ритмы коллективных действий в обществе. Ритмы времени выражаются по-разному: секунды, минуты, сутки, годы или «целый спектр социальных ритмов» (А. Я. Гуревич). В ходе развития культуры, а конкретно при разработке оптимальной экостратегии, возникает упрощенное представление о времени, как о безразличном вместилище исторических событий, забывается переменная «плотность» времени в количественных и качественных измерениях развития общества и культуры. Исходя из временных отношений в системе «природа-общество», в философии обосновывается существование социально-экологического времени, в понимании которого входят природно-биологические, геохимические, антропологические, социально-технологические и культурные процессы, а время наделяется «изменчивой информационной емкостью», особенно на рубеже XX—XXI столетий. А. Н. Лой пишет: «В процессе роста культурно-исторического опыта в целом от эпохи к эпохе течение времени для поколений людей «замедляется» с точки зрения его освоения, переработки и накопления: за один и тот же отрезок календарного времени люди современной эпохи, в особенности в эпоху НТР, «проживают» гораздо больше, чем столетием раньше» [16].

Связывая время с пространством, А. Н. Лой время называет «формой предметно-практического самодвижения (саморазвития) истории в пределах определенных общественных связей»: «Благодаря свойству времени отражать в себе одновременно не только диахронию социального развития, но и содержание его структуры, пространство является единой со временем формой, которая зависит от социальных процессов (событий), определяет последние со стороны их упорядоченности, взаимодействия, насыщенности и охвата в структуре социального целого. Историко-географическая (социально-экологическая) метрика пространства только облекает структурное содержание времени-пространства, выступает его следствием, результатом» [17].

В культуре существуют моменты, когда на определенном этапе развития архаические парадигмы оказываются наиболее перспективными. Это явление К. Ясперс назвал «осевым временем». В связи с рождением глобальных проблем современности в философии рассматриваются условия возможности появления второго «осевого времени» истории, в центре которого находится человек и его духовный мир. Анализируя духовную ситуацию XX столетия, К. Ясперс писал, что «современного человека постоянно сопровождает... ранее неведомый жуткий страх перед жизнью». Заброшен-

ность и затерянность в этом мире, по мнению К. Ясперса, приводит к тому, что «страх усиливает в сознании неизбежность исчезнуть как потерянная точка в пространстве, ибо все человеческие связи значимы лишь во времени» [18].

К. Ясперс использовал понятие «осевое время» для обозначения начал периода исторического единства мира. Проблема «осевого времени» древних цивилизаций оказалась созвучна современным проблемам. Это ожидание мировой катастрофы и кризиса человеческого бытия, необходимость духовной реставрации, стремление к единству и взаимопониманию. Ученый для объяснения использовал не только информацию о развитии трех древних цивилизаций, но и характеристику духовной жизни человека. «Духовную основу человечества» рассматривал как стержень «осевого времени». По мысли К. Ясперса, мировая история состоит из четырех периодов, из которых четвертый период (эпоха науки и техники) подготовит наступление второго «осевого времени» и создаст условия для «подлинного становления человека» [19].

Содержанием человеческого бытия выступает природа и культурные ценности, созданные самим человеком. Как тактовый процесс, связанный с повторяющимися периодами в истории, воспринимается время.

Исследования временного концепта актуально не только в отношении экологии культуры, но и:

- в рамках геокультуры на уровне временной и пространственной-временной стратификации;
- в исследовании социокультурной памяти;
- как одна из значимых категорий культуры и философии в целом;
- сквозь призму антропологических исследований с позиций общечеловеческого и личностного измерений;
- в контексте глобализации и таких наук, как ноосферология, геософия, синергетика.

Время воплощается, как в культуре, так и в самом человеческом бытии. Бытие человека двойственно. Человек существует не только в материально-физиологическом измерении, но и собственном духовном мире. Однако, на рубеже XX—XXI столетий происходит переустройство уклада жизни общества и переосмысление прежних ценностей, мировоззренческих ориентаций. Происходит «мутация» в культуре, что формирует новые «линии» в ее развитии. Эти «линии» транслируются как своеобразные «дрейфующие гены» и при «определенных условиях социального развития получают свою мировоззренческую актуализацию». По мысли Ф. В. Лазарева, «старая мировоззренческая и социокультурная парадигма, основанная на

принципах материализма, релятивизма и индивидуализма, уже не способна в горизонте нового века выражать реальный прогрессивный вектор развития современной общепланетарной цивилизации. Прежний вектор нуждается в серьезной коррекции» [20].

В настоящее время в связи с процессами глобализации и появлением общепланетарных проблем создается ситуация ценностной неопределенности, что характеризуется отсутствием восприятия единства мира и универсальности ценностей культуры. Возникает «новый мир возникающих новых миров» (Э. Тирикьян), «гибридность» и «межкультурализм» [21]. Отсюда — новые структуры сознания, новые территории и пространства, новые социальные связи, новое понимание времени. Сегодня человечество сравнивается с «пассажиrom космического корабля — планеты Земля, начиненного космической энергией» (Д. С. Берестовская) [22]. Поэтому, в процессе развития необходимо осознание прошлого, обращение к коллективному человеческому опыту, в результате чего осуществляется поиск похожих ситуаций и идентичных символов и смыслов. Это позволяет найти оптимальные сценарии и пути разворачивания событий, что актуализирует исследование и разработку временного концепта не только в рамках экологии культуры, но и науки в целом.

Выводы

Экология культуры в настоящее время не может быть понята только с биологической позиции без учета факторов социокультурного развития. Временной концепт экологии культуры формируется не только как прошлое, настоящее и будущее, но и как вечность. Несмотря на необратимость времени, обосновывается номологическая концепция времени как упорядоченность протекания событий (Р. А. Акимов) и способность времени выступать культурным, социальным и биологическим аспектами. Биологический аспект рассматривается как основа формирования исторического времени (В. И. Вернадский). На основе биологической характеристики времени разграничивается понимание «пространства-времени» и категорий «пространство» и «время» (В. И. Вернадский, А. Н. Лой).

Временной порядок событий в культуре объясняется:

- эмотивной реакцией индивида,
- социальным бытием субъекта в культуре,
- формированием модусов времени в культуре.

Субъективный подход в восприятии прошлых событий создает условия для формирования «своего времени» (В. Н. Муравьев,

А. Н. Лой), «осевого времени» (К. Ясперс), социальных ритмов, социально-экологического времени, а в связи с постановкой глобальных проблем современности в философии обосновывается возможность появления второго «осевого времени» истории.

На рубеже XX—XXI столетий обосновывается необходимость переосмысления подходов в рассмотрении экологической проблемы и, соответственно, выявление путей решения этой проблемы. Значимость временного концепта экологии культуры усиливается не только негативными факторами научно-технического прогресса, но и ослаблением социального иммунитета в процессе культурно-исторической мутации.

1. *Ясперс К.* Смысл и назначение истории / Карл Ясперс. — М.: Политиздат, 1991. — 530 с.;
2. *Багров Г. Г.* Темпоральная модель культурно-исторической памяти / Геннадий Багров // Культура народов Причерноморья. — 1998. — № 5. — С. 340-341;
3. *Лихачев Д. С.* Письма о добром и прекрасном / Дмитрий Лихачев. — Симферополь: Таврия, 1990. — 176 с.;
4. *Лихачев Д. С.* Экология культуры / Дмитрий Лихачев // Бромлей Ю. В., Подольный Р. Г. Создано человечеством. — М.: Политиздат, 1984. — 272 с.;
5. *Лихачев Д. С.* Экология — проблема нравственная / Дмитрий Лихачев // Наше наследие. — № 1. — 1991. — С. 3-4;
6. *Хоруженко К. М.* Культурология / Хоруженко К. М. — Ростов-на-Дону: Феникс, 1997. — 640 с. — Энциклопедический словарь;
7. *Акимов Р. А.* Номологическая концепция времени / Акимов Р. // Вестник Московского университета. — 1999. — № 3. — С. 51-58. — (Серия 7. — Философия);
8. *Хайдеггер М.* Бытие и время / Хайдеггер Мартин. — М.: Ad Marginem, 1997. — 680 с.;
9. Цит. за: *Муравьев В. Н.* Овладение временем как основная задача Организации труда / Муравьев В. // Овладение временем. Избранные философские и публицистические произведения. — М.: Наука, 1998. — 680 с.;
10. *Лой А. Н.* Социально-историческое содержание категорий «Время» и «Пространство»: Монография / Анатолий Лой. — К.: Наукова думка, 1978. — 135 с.;
11. *Вернадский В. И.* Труды по философии естествознания / Владимир Вернадский. — М.: Наука, 2000. — 503 с.;
12. *Вернадский В. И.* О жизненном (биологическом) времени / Владимир Вернадский // Философские мысли натуралиста. — М.: Наука, 1988. — 240 с.;
13. *Вернадский В. И.* Изучение явлений жизни / Владимир Вернадский // Труды биохимической лаборатории. — Т. XVI. — М.: Наука, 1980. — 210 с.;
14. *Вернадский В. И.* Проблемы биогеохимии / Владимир Вернадский // Труды биогеохимической лаборатории. — М.: Наука, 1980. — 210 с.;
15. *Лазарев Ф. В.* Новый гуманизм в контексте философии всепланетарности / Феликс Лазарев // Культура народов Причерноморья. — 2003. — № 46. — С. 183-184;
16. *Вернадский В. И.* Труды по философии естествознания // Указ. твір.;
17. Там само;
18. *Ясперс К.* Смысл и назначение истории // Указ. твір.;
19. Там само;
20. *Вернад-*

ский В. И. Изучение явлений жизни // Указ. твір.; 21. Цит. за: Федотова Н. Н. Возможна ли мировая культура? / Федотова Н. // Фило-софские науки. — 2000. — № 4. — С. 58-68; 22. Берестовская Д. С. Глобализация и культура / Диана Берестовская // Культура народов Причерноморья. — 2003. — № 46. — С. 100-102.

**А. В. Полунин, к. психол. н.,
Институт социальной и политической психологии
Национальной Академии педагогических наук Украины**

МАТЕМАТИЧЕСКИЕ ОПЕРАЦИИ С СУБЪЕКТИВНЫМИ ВРЕМЕННЫМИ ИНТЕРВАЛАМИ: ИССЛЕДОВАНИЕ ВРЕМЕННОГО ИЗМЕРЕНИЯ ОПЫТА ИНДИВИДА И ОСОБЕННОСТЕЙ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЧАСОВОГО МЕХАНИЗМА

Для изучения свойств временного измерения опыта индивида и особенностей функционирования временного механизма был поставлен эксперимент по сложению и вычитанию субъективных временных интервалов. Исследованы операции $1+3$, $3+1$, $2+2$ (сек) и $4-1$, $4-2$, $4-3$ (сек). В соответствии с результатами сумма интервалов-слагаемых имеет большую длительность, чем соответствующий интервал, полученный воспроизведением, т.е. $1+3>4$, $3+1>4$, $2+2>4$ ($A+B>C$). Нарушена также коммутативность $A+B\neq B+A$, а именно $1+3\neq 3+1$ (сек.). Вычитание, наоборот, демонстрирует тенденцию, по которой результат операции больше чем соответствующий воспроизведенный интервал: $4-3>1$ ($p<0,001$), $4-2>2$ ($p=0,007$), и только $4-1<3$ ($p=0,001$). Показано что, во временном измерении опыта вычитание и сложение являются качественно различными операциями, а не обратными операциями, как это предполагается в алгебре и евклидовой геометрии. Само временное измерение опыта индивида не является евклидовым пространством. Свойства временного измерения зависят (а) от разделения отрезка временного опыта на сегменты и от последовательности таких сегментов, а также (б) от того, разворачивается или сворачивается сегмент опыта. Одна из особенностей функционирования временного механизма

состоит в том, актуальная чувствительность компаратора зависит от ее предыдущего уровня $\varepsilon_i = f(\varepsilon_{i-1})$; подобное отношение действует и для формирования референтных интервалов, $s_i = f(s_{i-1})$. Увеличенное стандартное отклонение интервала полученного вычитанием раскрывает отличия между интернально и экстернально сформированными референтными интервалами.

Ключевые слова: психологическое время, часовой механизм индивида, сложение, вычитание.

Актуальность. Время как метафизическая составляющая мировоззрения является одним из измерений, в котором концептуализируется биография индивида и интегрируется его жизненный опыт, что происходит благодаря функционированию различного уровня механизмов, направленных на обработку временной информации. Временное измерение опыта в рамках различных методологических подходов изучали В. Штерн, Э. Гуссерль, Л. В. Дооб, Е. Пьопель, Е. И. Головаха и О. О. Кроник, М. Ришелье, М. Л. Смультсон, Т. М. Титаренко, Б. Й. Цуканов. Однако исследование временного измерения опыта индивида и его влияния на временное упорядочивание опыта сохраняет актуальность [1], [2], [3]. Как один из подходов для изучения построения временного измерения опыта и функционирования временного механизма было предложено использование математических операций с временными интервалами [4], [5] [6]. Идея его состоит в том, чтобы через исследование операций с временными отражениями элементов из потока опыта выявить свойства и особенности построения временного измерения опыта. Если каждый элемент внутреннего опыта описывается определенной длительностью, то сложение временных интервалов будет отражать временную интеграцию сегмента опыта из совокупности элементов. Подобным образом другие операции с субъективными временными интервалами будут описывать иные процессы временного упорядочивания элементов внутреннего опыта. Результаты таких операций будут отражать не только возможные трансформации опыта, но и раскрывать построение временного измерения опыта индивида, в первую очередь представленного непосредственно в потоке сознания и отраженного длительностями в секундном диапазоне. В дальнейшем такое исследование могло бы лечь в основу целенаправленной реорганизации опыта индивида. Таким образом, исследование построения временного измерения опыта направлено на изучение разворачивания цепочки опыта во времени и временных связей между ее составляющими. Кроме того в науках о поведении человека накоплено значительное коли-

чество экспериментально подтвержденных отклонений от линейного протекания темпоральных процессов, которые являются определяющими для поведения индивида. Временные децентрации, описанные Е. И. Головахой и А. А. Кроником [7], нелинейность временных отношений при интертемпоральных решениях [8], [9], и другие, свидетельствуют об актуальности изучения отклонений от линейности. Отметим, что такие отклонения от линейности при обработке временной информации могут возникать в когнитивной системе на различных уровнях. В данной статье рассматривается секундный диапазон, в котором и исследуются сложение и вычитание временных интервалов.

Исследование математических операций с временными интервалами раскрывает также особенности функционирования часового механизма индивида, его составляющих, таких как компаратор и референтная память, если опираться на модель часового механизма Р. Блока и Д. Цакая [10]. Согласовываясь с этой моделью можно предположить, что интервал, полученный воспроизведением, должен быть короче интервала, полученного посредством сложения. Таким образом, **предметом** данной статьи является (1) исследование свойств временного измерения опыта, непосредственно данного в потоке сознания и представленного длительностями в секундном диапазоне, а также (2) особенности функционирования часового механизма индивида. При этом в качестве метода исследования используется сложение и вычитание субъективных временных интервалов.

Временное измерение опыта

Дж. Фрейд [11], [12] обосновала тезис о наличии собственного временного измерения у когнитивной репрезентации стимульной ситуации. Если же рассматривать временное измерение как когнитивную концепцию с точки зрения концептуальных пространств П. Гарденфорса [13], то оно должно быть представлено как структура с геометрическими свойствами, опирающаяся на различные качественные измерения (домены). Учитывая качественную специфику времени и временных отношений, можно утверждать, что существуют достаточные основания для выделения домена времени и его субдоменов: длительности, временной дистанции, модуса времени (прошлое, настоящее, будущее), а также направления течения времени. Предметом данного исследования избрана длительность, при этом каждый интервал рассматривается как временное отражение отдельного сегмента из потока опыта. Г. Макс [14] по-

лагает, что «временное и тематическое структурирование переживания является условием для того, чтобы нечто вообще переживалось как нечто, [...]»¹. Способность *нечто* переживать как *нечто* обеспечивается временным и тематическим структурированием потока сознания, без которого было бы невозможно выделять временные последовательности, объекты и анализировать связи между ними (Рис. 1).

Согласно П. Гарденфорсу [15], концептуальные пространства должны удовлетворять определенным требованиям. В качестве базовых для каждой из точек концептуального пространства Гарденфорс принимает отношения *промежуточности* и *эвидистантности*. Свойство промежуточности $\hat{B}(a, b, c)$ определяется как отношение между тремя точками a, b, c , когда b располагается между a и c . При этом должен удовлетворяться ряд аксиом, справедливость которых по отношению к временному измерению опыта еще должна быть установлена. Речь идет, например, об аксиоме В3: если $B(a, b, c)$ и $\hat{B}(b, c, d)$, то $B(a, b, d)$. Или словами, если b находится между a и c , и c находится между a и d , то b находится между a и d . Учитывая, что введена единица счета в математические операции с временными интервалами (секунда), можно говорить о субъективной длительности как о метрическом пространстве. В таком пространстве определена функция дистанции $d(a, b)$, которая удовлетворяет определенным требованиям для всех точек a, b и c [16]. Одно из таких определений, например, Д3: $d(a, b) + d(b, c) \geq d(a, c)$ (неравенство треугольника), может быть экспериментально проверено с помощью сложения интервалов. В метрическом пространстве отношение промежуточности (B) приобретает следующее определение: Def V: $B(a, b, c)$ тогда и только тогда, когда справедливо $d(a, b) + d(b, c) = d(a, c)$.

Если представить точки a и c как конечные точки временного интервала, а точку b как произвольную точку, которая разделяет интервал ac на отрезки ab и bc , то справедливость упомянутых определений может быть проверена экспериментально для субъективных длительностей. Представим себе, что данные в аксиомах и определениях требования перекладываются на «точки» в потоке субъективного времени индивида. Упомянутые аксиомы трансформируются также в свойства и правила выполнения операций с числами в булевой алгебре и для векторов в евклидовой геометрии. Таким образом, для установления свойств временного измерения опыта могут использоваться соответствующие операции с субъек-

¹ «Die zeitliche und thematische Strukturierung des Erlebens ist die Bedingung dafür, daß etwas überhaupt *als etwas* erlebt wird, ...»

тивными временными интервалами. В данном исследовании речь идет о проверке справедливости простых равенств для временных интервалов, например, справедливо ли $A+B=C$ и $C-B=A$; действительно ли для операций с временными интервалами коммутативность. Коммутативность (Рис. 2) означает эквивалентность операций $A+B$ и $B+A$. С математической точки зрения порядок слагаемых не должен влиять на результат сложения. Существуют, однако, основания для нарушения справедливости этого утверждения для субъективных временных интервалов [17]. Если длительность предшествующего интервала влияет на порог чувствительности компаратора при отмеривании актуального интервала, то порядок демонстрации интервалов-слагаемых может влиять на результат сложения. Для ошибки следует ожидать также справедливости неравенства: $\sigma_{(A+B)} \neq \sigma_{(B+A)}$. В качестве гипотезы сформулируем допущение, что порядок демонстрации интервалов-слагаемых влияет на результат сложения и нарушает коммутативность. При большем первом слагаемом сумма $A+B$ будет меньшей, чем в случае, когда первым будет меньшее слагаемое, как следствие $A+B \neq B+A$.

*Рисунок 1.
Временная репрезентация
опыта представленного потоком сознания.
Каждому переживанию
как элементу потока сознания приписывается
его временное отражение, t_i .*

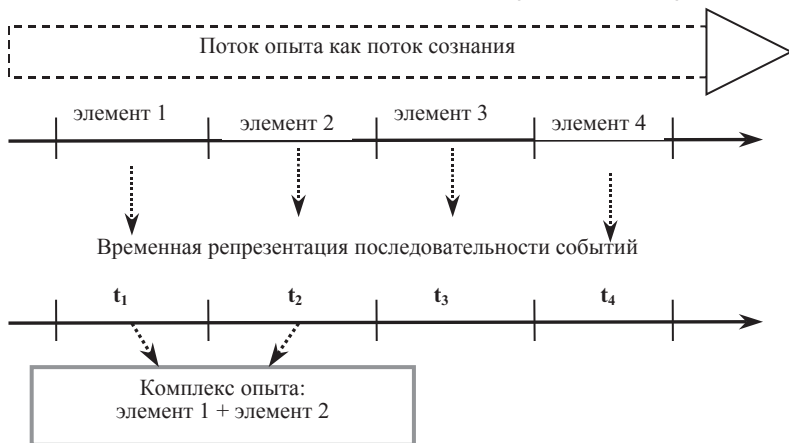

Рисунок 2.
Геометрическая демонстрация коммутативности,
 $ac=av+vc=cv+va$.

Длина отрезка ac не зависит от положения на нем точки v .
В последующем при рассмотрении операций сложения и вычитания
примем следующее обозначение: $av=A$, $vc=B$, $ac=C$.

Невыполнение правил булевой алгебры для операций с временными интервалами будет говорить о том, что временное измерение субъективного опыта индивида отличается по своим свойствам как от данной алгебры, и от евклидовой геометрии, и по своему построению является неевклидовым пространством.

Функционирование часового механизма и операции с временными интервалами

Особенности трансформации временного интервала в математической операции могут раскрывать особенности функционирования часового механизма [18], [19], [20]. По мнению исследователей [21], [22], [23], а также по нашим результатам [24], компоненты часового механизма делают свой характерный вклад как в абсолютную величину, так и в стандартное отклонение интервала. При классическом воспроизведении интервала получается некоторый средний результат и определенное стандартное отклонение [25]. Именно они принимаются в качестве базовых величин, с которыми будут сравниваться результаты выполнения математических операций. Таким образом, средняя величина интервала-ответа в математической операции и его стандартное отклонение являются ключом к пониманию особенностей функционирования элементов часового механизма и связей между ними.

Исследуя математические операции с временными интервалами, следует в качестве опорной взять одну из моделей часового механизма, например, предложенную Р. Блоком и Д. Цакаем, так называемую attentional-gate model [26]. Компаратор, рабочая память, референтная память и когнитивный счетчик являются основными компонентами, функционирование которых может исследоваться в экспериментах с математическими операциями. Часовой механизм, предложенный в рамках скалярной теории [27], [28], [29], как и часовой механизм предложенный Р. Блоком и Д. Цакаем [30], в качестве неотъемлемой составляющей содержит компаратор. В тради-

ционных методах, например при воспроизведении, компаратор дает команду о прекращении отмеривания интервала-ответа при условии приблизительного равенства количества импульсов, накопленных в рабочей памяти, и количества импульсов, которое отвечает интервалу-образцу и пересылается в компаратор из референтной памяти. Формально это выражается неравенством $\text{abs}(t-s)/t \leq \varepsilon$, где ε — порог чувствительности компаратора, s — длительность референтного интервала, т.е. образ интервала-стимула, а t — длительность актуально отмериваемого интервала, который в идеале должен равняться s ; выражение «abs» обозначает модуль разницы $(t-s)$. В исследованиях с традиционным воспроизведением интервалов референтная память сохраняет количество импульсов, аккумулярованных во время демонстрации интервала-стимула (s); они же являются *референтным интервалом*. Однако при математических операциях референтный интервал для отмеривания интервала-ответа не задается в непосредственном виде, поэтому перед когнитивной системой возникает задача опосредованного формирования референтного интервала.

При выполнении разных математических операций могут использоваться различные пути передачи информации в рамках приведенной модели часового механизма. Например, при выполнении сложения связь «компаратор — референтная память» дважды используется для передачи информации о каждом слагаемом. Таким образом, операция сложения ($A+B=C$) может описываться как два цикла отмеривания интервалов-слагаемых. При этом в качестве референтных интервалов выступают интервалы-слагаемые A и B , а интервал-ответ должен равняться их сумме (C). В первом цикле воспроизводится интервал A , а его окончание служит сигналом для начала воспроизведения интервала B . В качестве гипотезы примем, что двойной цикл воспроизведения должен проявляться в увеличении интервала-ответа и его дисперсии в сравнении с эквивалентным интервалом, но полученным традиционным воспроизведением. В качестве второй гипотезы сформулируем предположение: если математически $A+B=C$, то для субъективных временных интервалов должно быть справедливо $\Delta(A+B)/(A+B) > \Delta C/C$, где $\Delta(A+B)$ — это абсолютная ошибка отмеривания интервала-ответа при сложении, а ΔC — абсолютная ошибка воспроизведения интервала C . Для стандартных отклонений это неравенство записывается: $\sigma_{(A+B)} > \sigma_C$.

Исследования Дж. Веардена [31] о влиянии порога чувствительности компаратора на точность отмеривания интервала в сочетании с исследованиями когнитивных процессов при замене задачи [32] свидетельствуют в пользу того, что последовательность демон-

страции интервалов А и В может влиять на результат сложения. Гипотеза состоит в том, что порядок демонстрации интервалов-слагаемых, т.е. «короткий+длинный» и, наоборот, «длинный + короткий», влияет на длительность интервала-ответа, что обусловливается различным порядком установки чувствительности компаратора, а потому и его различной чувствительностью при отмеривании второго слагаемого, в конечном итоге это влияет на длительность интервала-ответа. При последовательности интервалов-слагаемых «длинный + короткий» следует ожидать более высокий порог чувствительности при отмеривании второго слагаемого, который будет приводить к сокращению второго слагаемого. Порог чувствительности компаратора описывается при этом функцией, $\varepsilon_i=f(\varepsilon_{i-1})$. Таким образом с помощью соответствующего комбинирования стимулов-слагаемых можно исследовать изменение чувствительности компаратора. При этом оно рассматривается с точки зрения метода замены задачи описанного, С. Монзеллем [33]. Подчеркнем, что экспериментальные исследования изменения чувствительности компаратора сегодня практически не представлены в публикациях, посвященных моделированию часового механизма индивида.

При выполнении операции вычитания ($C-B=A$) референтный интервал для отмеривания ответа отсутствует. К тому же он не может быть получен — как при сложении — через повторное воспроизведение длительности каждого из интервалов-стимулов. Таким образом, референтный интервал должен быть сформирован интернально из референтных интервалов уменьшаемого и вычитаемого и переслан в компаратор. Вначале испытуемый активизирует репрезентации интервалов в рабочей памяти, далее активизируются правила вычитания и применяются к репрезентациям интервалов С и В, в итоге рассчитывается длительность интервала-ответа А. При наличии репрезентации интервала-ответа начинается отмеривание его длительности. В качестве гипотезы примем утверждение, что $\sigma_{(C-B)} > \sigma_A$, и в ошибке отмеривания интервала-ответа присутствует компонента отражающая специфический для вычитания процесс интернального формирования репрезентации интервала-ответа. Она может быть определена через вычитание стандартных отклонений $\Delta\sigma = \sigma_{(C-B)} - \sigma_A$.

Экспериментальное исследование

Метод. Эксперимент состоял из четырех частей. В первой интервалы 1, 2 и 3 (сек.) воспроизводились по отдельности по 18 раз каждый. Во второй исследовались операции сложения, 1+3, 3+1,

2+2 (сек.). В третьей части испытуемый воспроизводил 18 раз длительность 4сек. интервала, который соответствует ожидаемому результату сложения и в дальнейшем используется при вычитании. В четвертой части испытуемые выполняли операцию вычитания 4-1, 4-2, 4-3 (сек.). При математических операциях испытуемому последовательно демонстрировались два временных интервала, которые ему следовало точно запомнить, и сразу после окончания второго интервала он должен был выполнить операцию в соответствии с инструкцией (сложение или вычитание). Каждая математическая операция выполнялась каждым испытуемым по 18 раз. Стимульные интервалы демонстрировались как соответствующая длительность презентации прямоугольника на экране компьютера. При воспроизведении интервала и при отмеривании результата операции на экране также появлялся прямоугольник, но другого цвета. Размеры прямоугольника были одинаковыми во всех частях эксперимента. Интервал между стимульными интервалами при сложении и вычитании составлял 1сек. В эксперименте приняли участие 17 испытуемых (5 жен. и 12 муж. пола) в возрасте от 20 до 34 лет, средний возраст — 25,9 года.

Результаты

Сложение временных интервалов. Из Таблицы 1 видим, что длительность интервала полученного сложением превышает длительность соответствующего воспроизведенного интервала, а именно $4,321 > 4,036$; $4,228 > 4,036$; $4,309 > 4,036$ (сек.). По правилам алгебры этот интервал должен был бы равняться результату сложения: $1+3=3+1=2+2=4$. При сравнении с помощью t-теста воспроизведенного 4сек.-интервала и результата сложения все три неравенства $1+3 > 4$; $3+1 > 4$ и $2+2 > 4$ оказались статистически значимыми (Табл. 2). Формально это можно описать как $A+B > C$, что говорит в пользу принятия гипотезы.

Анализ результатов позволяет сделать вывод, что стандартное отклонение для каждого из интервалов, полученных сложением, превосходит стандартное отклонение соответствующего воспроизведенного интервала (Табл. 1), как и было высказано в гипотезе, $\sigma_{(A+B)} > \sigma_C$. Но в отличие от предшествующего исследования с бсек.-интервалом [34] стандартное отклонение интервала, полученного сложением, больше суммы отклонений интервалов-слагаемых $\sigma_{(A+B)} > \sigma_A + \sigma_B$. Это может объясняться тем, что по мере уменьшения длительности воспроизводимого интервала увеличивается роль σ_0 в формировании σ_i , что следует из уравнения $\sigma_i = \sigma_0 + kt_i$ [35].

Таблица 1

**РЕЗУЛЬТАТЫ ВОСПРОИЗВЕДЕНИЯ ИНТЕРВАЛОВ,
ИСПОЛЬЗОВАННЫХ В СЛОЖЕНИИ И РЕЗУЛЬТАТЫ СЛОЖЕНИЯ
С ОЖИДАЕМЫМ ИНТЕРВАЛОМ-ОТВЕТОМ 4 СЕК.**

	Среднее, сек.	Стандартное отклонение
Воспроизведенная 1 сек.	1,164	0,149
Воспроизведенные 2 сек.	2,064	0,211
Воспроизведенные 3 сек.	3,059	0,309
Воспроизведенные 4 сек.	4,036	0,318
Сложение 1 + 3 сек.	4,321	$0,53 > 0,149 + 0,309$
Сложение 3 + 1 сек.	4,228	$0,469 > 0,309 + 0,149$
Сложение 2 + 2 сек.	4,309	$0,485 > 0,211 + 0,211$

Таблица 2.

**СРАВНЕНИЕ С ПОМОЩЬЮ Т-ТЕСТА РЕЗУЛЬТАТОВ СЛОЖЕНИЯ
И ДЛИТЕЛЬНОСТИ СООТВЕТСТВУЮЩЕГО ВОСПРОИЗВЕДЕННОГО
ИНТЕРВАЛА, 4 СЕК.**

Операция сложения, сек.	Воспроизведенный интервал, 4 сек.	t	p
$1+3=4,321$	4,036	-9,25	<0,001
$3+1=4,228$	4,036	-6,11	<0,001
$2+2=4,309$	4,036	-7,78	<0,001

Учитывая, что все случаи сложения можно описать неравенством $A+B>C$, возникает вопрос о происхождении увеличения интервала-ответа при сложении. Вероятно, что это увеличение обусловлено особенностями функционирования часового механизма, которые рассмотрим ниже. Используя воспроизведенные интервалы 1, 2 и 3 сек., имитируем сложение и сравним его результаты с результатами сложения полученными в эксперименте (Табл. 3).

Таблица 3

СРАВНЕНИЕ С ПОМОЩЬЮ Т-ТЕСТА СЛОЖЕНИЯ ИНТЕРВАЛОВ ИСПЫТУЕМЫМ В ЭКСПЕРИМЕНТЕ И ИМИТИРОВАННОГО СЛОЖЕНИЯ ВОСПРОИЗВЕДЕННЫХ ИНТЕРВАЛОВ

Сложение в эксперименте, сек.	Имитация сложения с использованием воспроизведенных интервалов, сек.	<i>t</i>	<i>p</i>
1+3=4,321	1,16+3,06=4,22; /1+3/	3,17	<0,001
3+1=4,228	3,06+1,16=4,22; /3+1/	0,06	0,96
2+2=4,309	2,06+2,06=4,13; /2+2/	4,7	<0,001

Сравнение указывает, что при объяснении экспериментально полученного неравенства $A+B>C$ следует учитывать два фактора: увеличение референтных интервалов для слагаемых и особенности функционирования часового механизма при выполнении сложения. В пользу первого говорит то, что результат имитированного сложения 1+3 и 3+1 уже является большим, нежели воспроизведенные 4сек. ($t=7,9$, $p<0,001$). Это же справедливо и для имитированного сложения 2+2 и воспроизведенных 4сек. ($t=2,8$, $p=0,005$). Данные, позволяющие судить о влиянии второго фактора, представлены в Таблице 3. В двух из трех случаев длительность интервала-результата сложения, полученного экспериментально, превосходит длительность интервала полученного в результате имитации сложения. Среднее увеличение длительности при сложении описывает следующая последовательность: 4,036сек (воспроизведение) → 4,19сек. (имитированное сложение) → 4,286сек. (сложение в эксперименте). Соответствующие различия средних равняются: $\Delta(\text{имитированный-воспроизведенный})=0,154\text{сек.}$, $\Delta(\text{экспериментальный- имитированный})=0,096\text{сек.}$ Таким образом, в увеличении результата сложения первым фактором выступает формирование референтных интервалов для интервалов-слагаемых, что в нашем случае приводит к увеличению средней длительности результата сложения на 0,154сек. Дополнительное же увеличение у размере 0,096сек. может объясняться дополнительными затратами на координацию работы часового механизма при выполнении процедуры сложения.

Для проверки соблюдения коммутативности были сравнены операции 1+3 и 3+1 и получено их значимое различие, $t=3,2$, $p=0,002$ (Табл. 4). Таким образом, $A+B \neq B+A$, что говорит о нарушении коммутативности и совпадает с результатами, полученными для сложения в границах 6сек.-диапазона [36]. Нарушение комму-

тативности автоматически влечет нарушение ассоциативности, так как последняя опирается на первую.

Таблица 4

СРАВНЕНИЕ ОПЕРАЦИЙ СЛОЖЕНИЯ МЕЖДУ СОБОЙ

Сравниваемые экспериментальные операции сложения, сек.	<i>t</i>	<i>p</i>
(1+3) vs. (3+1)	3,2	0,002
(1+3) vs. (2+2)	0,59	0,59
(3+1) vs. (2+2)	-2,5	0,012

Получено также значимое различие для результатов сложения 3+1 и 2+2, $t=2,5$, $p=0,012$. Однако для операций 1+3 и 2+2 различие результатов статистически не значимо ($t < 1$), т.о. они являются эквивалентными. Очевидно, что при определенном разбиении отрезка опыта *ad* промежуточные точки *b* и *c* не принадлежат прямой, которая соединяет *a* и *d*. Если расстояние $D(a, d)$ обозначить как 4 секунды, и если выполнялись бы для него упомянутые выше аксиомы, то не имели бы места статистически значимые различия между операциями 1+3 и 3+1 ($t=3,2$, $p=0,002$) и между операциями 3+1 и 2+2 ($t=2,5$, $p=0,012$). Нарушается соответственно определение промежуточности для метрического пространства, Def B: $B(a, b, c)$ тогда и только тогда, когда справедливо $d(a, b) + d(b, c) = d(a, c)$. Последнее нарушение подобно найденному ранее для интервалов до 6 сек. [37]. Это нарушение может объясняться функционированием компаратора, а именно зависимостью его актуальной чувствительности (ϵ_i) от чувствительности при обработке предшествующего интервала (ϵ_{i-1}).

Влияние порядка демонстрации интервалов-слагаемых на длительность интервала-ответа позволяет исследовать особенности функционирования компаратора часового механизма. Нас интересуют два варианта демонстрации испытуемому стимулов-слагаемых: (1) «длинный + короткий», а именно 3+1 (сек.) и (2) «короткий + длинный», а именно 1+3 (сек.). При воспроизведении первого слагаемого порог чувствительности компаратора такой же, как и при обычном воспроизведении, и, следовательно, не влияет на результат сложения. Решающим для различий должен быть порог чувствительности компаратора при воспроизведении второго слагаемого. Дж. Вкарден [38] продемонстрировал, что увеличение порога чувствительности компаратора (ϵ) может приводить к уменьшению длительности воспроизводимого интервала. Напомним,

что величина порога чувствительности пропорциональна длительности референтного интервала $\varepsilon \sim s$. Большее первое слагаемое увеличивает порог чувствительности компаратора и при воспроизведении второго слагаемого, в силу чего сокращается воспроизведенная длительность последнего. Наоборот, меньшее первое слагаемое должно уменьшать порог чувствительности компаратора и тем самым приводить к увеличению воспроизведенной длительности второго слагаемого. Согласно данным в Таблице 1: $1+3=4,327 > 3+1=4,218$. Это подтверждает описанную динамику чувствительности компаратора и совпадает с результатами предшествующего исследования [39]. Во всех случаях, когда сложение начинается с короткого слагаемого, порог чувствительности компаратора при отмеривании второго слагаемого уменьшается под влиянием предварительно установленного порога чувствительности и за счет этого увеличивается длительность второго слагаемого. В результате интервал-сумма становится более длинным, чем в случае, когда сложение начинается с длинного слагаемого. Таким образом, предшествующая чувствительность компаратора влияет на актуальную чувствительность, изменяя ее в сторону предшествовавшей чувствительности $\varepsilon_i = f(\varepsilon_{i-1})$. Такой результат говорит о возможности использования метода замены задачи [40] для исследования особенностей формирования порога чувствительности компаратора часового механизма в последующих экспериментах.

Вычитание временных интервалов. Сравнение экспериментально полученных результатов вычитания с соответствующими воспроизведенными интервалами говорит об их неравенстве (Табл. 5) и указывает на нарушение правила вычитания в булевой алгебре.

Таблица 5.

СРАВНЕНИЕ С ПОМОЩЬЮ Т-ТЕСТА РЕЗУЛЬТАТА ВЫЧИТАНИЯ ИНТЕРВАЛОВ И СООТВЕТСТВУЮЩЕГО ВОСПРОИЗВЕДЕННОГО ИНТЕРВАЛА

Операция вычитания, сек.	Отношение	Соответствующий воспроизведенный интервал, сек.	t	p
4-1=2,97	<	3,059	3,263	0,001
4-2=2,133	>	2,064	-2,712	0,007
4-3=1,405	>	1,164	-7,829	<0,001

При этом в одном случае имеем $C-B < A$, а в двух случаях $C-B > A$. Из последнего следует $C > A+B$, что противоположно резуль-

тату, полученному при сложении. Таким образом, можно утверждать, что сложение и вычитание во временном измерении опыта являются качественно различными операциями (из $A+B=C$ не следует $C-B=A$), а не обратными операциями, как это постулируется алгеброй и евклидовой геометрией.

Внутренняя неоднородность вычитания может обуславливаться спецификой формирования референтных интервалов задействованных в операции. Роль этого фактора раскрывается через имитацию вычитания с использованием воспроизведенных интервалов. От воспроизведенных 4 сек., которые равняются 4,036 сек., вычитаются соответствующие воспроизведенные 1, 2 и 3 сек. интервалы. Во всех трех случаях результат имитированного вычитания меньше, чем длительность соответствующего воспроизведенного интервала: имитированное $4-1=2,87 < 3,06$ (воспроизведенные 3сек.); имитированное $4-2=1,97 < 2,06$ (воспроизведенные 2сек.); имитированное $4-3=0,978 < 1,16$ (воспроизведенные 1 сек.). По результатам имитирования стоило бы ожидать $C-B < A$, соответственно $A+B > C$, что согласовывалось бы с результатами сложения. Однако для вычитания в эксперименте имеем $C-B > A$, $C > A+B$. Результаты сравнения вычитания в эксперименте и имитированного вычитания приведены в Табл. 6. Во всех трех случаях результат вычитания в эксперименте имеет большую длительность чем результат имитированного вычитания. Это может объясняться тем, что при декодировании уменьшающего (второго стимула) происходит его сокращение.

Таблица 6

СРАВНЕНИЕ ВЫЧИТАНИЯ ИНТЕРВАЛОВ В ЭКСПЕРИМЕНТЕ И ИМИТИРОВАННОГО ВЫЧИТАНИЯ

Сравниваемые пары экспериментального и имитированного вычитания	Разница, сек.	<i>t</i>	<i>p</i>
эксперимент 4-1 > имитация 4-1	+ 0,084	3,1	0,002
эксперимент 4-2 > имитация 4-2	+ 0,155	5,3	<0,001
эксперимент 4-3 > имитация 4-3	+ 0,409	11,5	<0,001

Различие между имитированным вычитанием и вычитанием в эксперименте тем отчетливее, чем большим является уменьшающий интервал (второй стимул). Превышение экспериментально полученного результата вычитания над имитированным результатом вычитания нельзя объяснить изменением чувствительности компаратора, так как стимульные интервалы только декодируются, но не

пересылаются после декодирования в компаратор. Таким образом, объяснение может опираться на особенности формирования референтного интервала как функции длительности предшествующего интервала, прошедшего декодирование, что выражается зависимостью $s_i=f(s_{i-1})$.

Стандартные отклонения воспроизведенных интервалов меньше, чем отклонения соответствующих интервалов, полученных вычитанием: $\sigma_{(\text{воспр.3сек.})}=0,309<0,41=\sigma_{(4-1)}$; $\sigma_{(\text{воспр.2сек.})}=0,211<0,37=\sigma_{(4-2)}$; $\sigma_{(\text{воспр.1сек.})}=0,149<0,48=\sigma_{(4-3)}$. Делая вывод, можно утверждать, что интернально сформированные референтные интервалы являются более «размытыми» в сравнении с соответствующими экстернально сформированными референтными интервалами¹.

Выводы

Использование математических операций с временными интервалами является новым подходом для исследования временного измерения опыта индивида, а именно субпространства длительностей. Учитывая, что для временных интервалов отношение $A+B>C$ определяется особенностями функционирования компаратора часового механизма, а противоположное отношение $C-B>A$, т.е. $A+B<C$, может опираться на особенности формирования референтного интервала, приходим к выводу, что особенности функционирования компонента часового механизма индивида определяют построение часового измерения опыта. В соответствии с полученными результатами построение временного измерения опыта индивида существенно отличается от построения евклидова пространства. В нем нарушаются правила сложения и вычитания, а также свойство коммутативности. Предварительно можно утверждать, что качественное различие между операциями сложения и вычитания, не исключает несвязности субпространства длительностей. Таким образом, временное измерение опыта, по результатам и по результатам этого и предшествующего исследования (с интервалами в диапазоне 6 и 12 сек.) [41], выходит за рамки требований, сформулированных П. Гарденфорсом [42] для концептуальных пространств. К тому же свойства субпространства длительностей зависят от разбиения временного отрезка на сегменты и последовательности демонстрации этих сегментов. При уменьшении сегмента опыта (вычитание интервалов) временное измерение имеет свой-

¹ Под экстернально сформированным в данном случае понимается референтный интервал, для формирования которого использован непосредственно продемонстрированный временной интервал.

ства, не совместимые с теми, которые оно же демонстрирует при расширении сегмента опыта (при сложении). Такое качественное изменение свойств временного измерения опыта может оказаться существенным при дальнейших исследованиях кодирования в когнитивной системе направления течения времени, которое крайне редко исследуется экспериментально.

Сложный характер формирования порога чувствительности компаратора в часовом механизме индивида проявляется в том, что его актуальная величина зависит от его же предыдущей величины, которая пропорциональна длительности предшествующего интервала, поступившего в компаратор. Результаты вычитания временных интервалов свидетельствуют о том, что интернально сформированный референтный интервал характеризуется существенно большим стандартным отклонением. Таким образом, есть все основания для различения интернально и экстернально сформированных референтных интервалов по их стандартным отклонениям. Найденные особенности функционирования отдельных компонент часового механизма служат усовершенствованию моделирования часового механизма индивида, а их описание, учитывая дискуссии по данному вопросу [43], является актуальным.

1. *Lejeune H.* Are we coming near a general model of psychological time? / H. Lejeune, M. Richelle, // *Time and Mind.* / H. Helfrich (Ed.). — Seattle, WA: Hogrefe & Huber Publishers, 1996. — Pp. 143-170; 2. *Pöppel E.* Grenzen des Bewusstseins. Über Wirklichkeit und Welterfahrung. — Stuttgart: Deutsche Verlagsanstalt, 1985. — S. 192; 3. *Полунін О. В.* Часовий вимір досвіду особистості. Актуальність інтегрованого дослідження // Проблеми політичної психології та її роль у становленні громадянина української держави: Збірник наук. праць. (За заг. ред. члена-кореспондента АПН України М. М. Слюсаревського). — К.: Міленіум, 2008. — Вип. 7. — С. 132-141; 4. *Polunin O.* Einfache mathematische Operationen mit Zeitintervallen / O. Polunin // Beiträge zur 49. Tagung experimentell arbeitender Psychologen, Trier, 2007 / K. F. Wender, S. Mecklenbräuker, G. D. Rey, T. Wehr (Hrsg.). — Lengerich: Pabst Science Publishers, 2007. — S. 174; 5. *Полунін О. В.* Математичні операції із суб'єктивними часовими інтервалами як метод дослідження функціонування часового механізму індивіда / О. В. Полунін // Психологія і суспільство. — № 3, 2010. — С. 207-216; 6. *Полунін О. В.* Додавання суб'єктивних часових інтервалів: дослідження часового виміру досвіду індивіда та функціонування часового механізму / О. В. Полунін // Психологія і суспільство. — 2010, № 4, С. 134-142; 7. *Головаха Е. И.* Психологическое время личности / Е. И. Головаха, А. А. Кроник — К.: Наукова думка, 1984. — 208 с.; 8. *Frederick S.* Time discounting and time preference:

A critical Review / S. Frederick, G. Loewenstein, T. O'Donoghue // Journal of Economic Literature. — 2002. — Vol. XL, — P. 351-401; 9. *Loewenstein G. F.* Anomalies in intertemporal choice — evidence and an interpretation. / G. F. Loewenstein & D. Prelec // Quarterly Journal of Economics. — 1992. — № 107 (2). — P. 573-597; 10. *Block R. A.* Models of psychological time revisited / R. Block, D. Zakay // Time and Mind / H. Helfrich (Ed.). — Seattle, Toronto, Göttingen, Bern: Hogrefe & Huber Publishers, 1996. — P. 171- 195; 11. *Freyd J. J.* Dynamic mental representations / J. J. Freyd // Psychological Review. — 1987. — Vol. 94, No. 4. — P. 427-438; 12. *Freyd J. J.* Dynamic representations guiding adaptive behaviour. // Time, action and cognition / F. Macar, V. Pouthas, & J. Friedman (Eds.) Dordrecht: Kluwer, 1992. — P.309-323; 13. *Gärdenfors P.* Conceptual spaces: the geometry of thought. / P. Gärdenfors — Cambridge, Massachusetts, London: MIT Press, 2004. — 308p.; 14. *Max H.* Phänomenologische Psychologie: Grundlagen und Entwicklungen / H. Max. — Heidelberg: Asanger, 1992; 15. *Gärdenfors P.* Conceptual spaces: the geometry of thought // Указ. твір.; 16. Там само; 17. *Полунін О. В.* Додавання суб'єктивних часових інтервалів: // Указ. твір.; 18. *Polunin O.* Einfache mathematische Operationen mit Zeitintervallen // Указ. твір.; 19. *Полунін О. В.* Математичні операції із суб'єктивними часовими інтервалами... // Указ. твір.; 20. *Полунін О. В.* Додавання суб'єктивних часових інтервалів: // Указ. твір.; 21. *Church R. M.* Properties of the internal clock / R. M. Church // Annals of the New York Academy of Sciences. — 1984. — Vol. 423. — P. 566-582; 22. *Gibbon J.* Sources of variance in an information processing theory of timing / J. Gibbon, R. M. Church // Animal cognition / H. L. Roitblat, T. G. Bever, & H. S. Terrace (Eds.). — Hillsdale, NJ: Erlbaum, 1984. — P. 456-488; 23. *Wearden J. H.* «Beyond the fields we know ...» Exploring and developing scalar timing theory / J. H. Wearden // Behavioral Processes. — 1999. — № 45. — P. 3-21; 24. *Полунін О. В.* Відтворення часових інтервалів: роль реферативної пам'яті і її зв'язку з компаратором. // Психологія і суспільство. — 2008, № 1, С.143-150; 25. *Fraisse P.* Psychologie der Zeit: Konditionierung, Wahrnehmung, Kontrolle, Zeitschätzung, Zeitbegriff. / P. Fraisse. — München; Basel: E. Reinhard, 1985. — 264s.; 26. *Block R. A.* Models of psychological time revisited // Указ. твір.; 27. *Church R. M.* Properties of the internal clock // Указ. твір.; 28. *Gibbon J.* Sources of variance in an information processing theory of timing // Указ. твір.; 29. *Gibbon J.* Scalar timing in memory / J. Gibbon, R. M. Church, W. H. Meck // Timing and time perception. Annals on the New York Academy of Science: New York: New York Academy of Science. — 1984. — Vol. 423. — P.52-77; 30. *Block R. A.* Models of psychological time revisited // Указ. твір.; 31. *Wearden J. H.* Applying the scalar timing model to human time psychology: progress and challenges / J. H. Wearden // Time and Mind II: Information Processing Perspectives / H. Helfrich (Ed.). — Seattle, Toronto, Göttingen, Bern: Hogrefe &

Huber Publishers, 2003. — P.21-39; 32. *Monsell S.* Task switching / *S. Monsell* // Trends in Cognitive science. — 2003. — Vol. 7. — № 3. — P. 134-140; 33. Там само; 34. *Полунін О. В.* Додавання суб'єктивних часових інтервалів: // Указ. твір.; 35. *Polunin O.* Zeiterleben: Phänomen der Drift der subjektiven Minutendauer, // Experimentelle Psychologie. Tagung experimentell arbeitender Psychologen / *Elke van der Meer* (Hrsg.).— Lengericch: Pabst, 1997. — S.440; 36. *Полунін О. В.* Додавання суб'єктивних часових інтервалів: // Указ. твір.; 37. Там само; 38. *Wearden J. H.* Applying the scalar timing model to human time psychology... // Указ. твір.; 39. *Полунін О. В.* Додавання суб'єктивних часових інтервалів: // Указ. твір.; 40. *Monsell S.* Task switching // Указ. твір.; 41. *Полунін О. В.* Додавання суб'єктивних часових інтервалів: // Указ. твір.; 42. *Gärdenfors P.* Conceptual spaces: the geometry of thought // Указ. твір.; 43. *Lejeune H.* Are we coming near a general model of psychological time? // Указ. твір.

**Н. С. Скок, преп.,
Донецкий государственный
университет управления**

ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ СУБЪЕКТИВНОГО ВРЕМЕНИ КАК ОСНОВА ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ ИНДИВИДА

Исследуются особенности восприятия субъективного времени в условиях общественных трансформаций, при которых социальное время индивида все больше субъективируется. Определяются типы его восприятия (конструктивный, ожидающе-неопределенный, деструктивный), которые непосредственно влияют на формирование социального поведения (социально-адекватного, ожидающе-неопределенного, социально-неадекватного).

Ключевые слова: социальное время, субъективное время, индивид, социальное поведение, общественные трансформации, влияние субъективного времени, типы восприятия субъективного времени, социально-адекватное поведение, ожидающе-неопределенное поведение, социально-неадекватное поведение.

Современное украинское общество «требует здорового, ответственного и спасительного взгляда на свое прошлое, настоящее и будущее. Взгляда четкого и одновременно открытого для дискур-

са» [1]. Сложившаяся в обществе ситуация характеризуется индивидуализацией общественной жизнедеятельности, рефлексивностью социального и индивидуального бытия индивида, что затрудняет повышение уровня его самоорганизации. При ощутимом усилении давления социального времени, негативных тенденциях, в условиях изменений ценностных ориентаций, усложняется прогнозирование направленности и последствий социального поведения индивида, актуализируется исследование субъективного времени индивида как фактора формирования его социального поведения.

К проблеме субъективного времени большей степени обращались в теориях с феноменологической и экзистенциальной ориентацией (Э. Гуссерль, М. Хайдеггер, С. Кьеркегор, Ж.-П. Сартр, А. Шюц). Типологию темпоральных парадигм исследовали А. Бергсон, М. Бердяев, П. Бергер, Т. Лукман. Исследованием проблем психологического времени, личностно-часовой проблематики занимались К. Абульханова-Славская, Т. Березина, Е. Головаха, А. Кроник, Н. Панина, С. Рубинштейн и др. Рассматривали социальное время с точки зрения существования в нем объективной и субъективной составляющей В. Горяинов, Н. Наумова. Рассматривали модели социальных процессов, отражающих представление о ходе социального времени, В. Бондаренко-Бринь, А. Давидов, Н. Наумова, Ю. Плотинский. Проблемы соотношения социального поведения и времени косвенно рассматривались в работах В. Бакирова, Е. Злобиной, Д. Леонтьева, Н. Победы, И. Поповой и др. в тоже время следует отметить, что субъективное время индивида и его влияние на формирование социального поведения не становилось объектом отдельного внимания ученых.

Нашей целью является исследование особенностей восприятия субъективного времени как фактора социального поведения индивида. Для достижения указанной цели нам необходимо выделить разность социального поведения на основе особенностей восприятия субъективного времени.

Объектом исследования является процесс субъективизации социального времени. Предметом исследования — субъективное время как фактор социального поведения индивида. Структура времени выражается триадой прошлое — настоящее — будущее, главной в которой является структура их связи [2], т.е. речь идет о важности понимания для индивида прошлого — настоящего — будущего посредством их соотнесения и сосуществования в субъективном времени, поскольку, кроме объективного существования во времени, человеку «дано находиться также во времени субъективно» [3].

Дальнейший поиск будем осуществлять исходя из понимания того, что субъективное время — это время, которое определяется переживанием индивидом событий, которые происходили, происходят и будут происходить в его жизни и в обществе. Они прямо или косвенно влияют на содержание и качество жизнедеятельности индивида, его ценностно-оценочное отношение к ним, что позволяет осмысливать и отображать определенные события и структурировать их в пределах личностных целей индивида. При этом под переживанием событий понимаем не просто определенное эмоциональное состояние, а их адекватное восприятие, оценки и переосмысления, то есть такое проживание, благодаря которому в дальнейшем происходит построение индивидом будущего. Проживание и ценностно-оценочное отношение к событиям позволяет индивиду осмысливать, отражать и сохранять прежние, осознавать нынешние и структурировать будущие события в рамках его целей, идеалов, интересов. События, влияющие на субъективное время индивида, можно сгруппировать по следующим принципам: «события, происходившие с ним, происходящие при его жизни, и события, которые будут происходить после его жизни» [4]. Таким образом, индивид вовлекается в жизнь общества посредством опыта прошлых, нынешних и будущих поколений. То есть, субъективное время создает у индивида своеобразный образ прошлых, настоящих и будущих событий благодаря их переживанию, ценностно-оценочному (эмоциональному, рациональному, нейтральному) отношению к ним, их осмыслению, осознанию [5].

Субъективное восприятие индивидом прошлого, истолкование настоящего и структурирование будущего должны подвергаться стратегической интерпретации. На протяжении своего исторического развития люди всегда изучали свое прошлое, однако для индивида важно понимание своего прошлого. Исследование будущего времени имеет для человека не меньшее значение, чем познание прошлого. Будущее предстает как некая последовательность событий, что может наступить в жизни индивида. Время, в отличие от прошлого, которое некогда было настоящим и от которого в нем остались следы, будущее время еще нигде и никогда не существовало и не имеет никаких следов. Проблема прошлого — это неотъемлемая часть будущего. Основная цель, которую себе ставит индивид для достижения в будущем, что будет влиять на ход его жизни, зарождается и в определенной степени формируется в его социальном настоящем. Человек моделирует будущие события и формирует модель вероятного будущего, а на этой основе — будущего поведения.

Сквозь призму ценностных установок можно рассматривать субъективные ориентации индивида на определенные социальные

ценности. В качестве измеряемой социальной переменной может быть использовано восприятия субъективного времени. Влияние субъективного времени на формирование социального поведения на основе особенностей его восприятия может быть положительным, отрицательным, нейтральным и неопределенным. Прежде всего, нам необходимо было определиться относительно того, как люди оценивают сложившуюся ситуацию в стране, с точки зрения ее предсказуемости или непредсказуемости, поскольку эта оценка ситуации влияет в дальнейшем на долго- или краткосрочное планирование будущего [6]. По данным социологического мониторинга [7], уровень сторонников того, что все быстро меняется и непонятно, каким законам стоит следовать, в 2008 году по сравнению с 2005 увеличился на 9,1%, а уровень противников снизился на 4,6%. Количество согласных с тем, что раньше люди чувствовали себя лучше, потому что каждый знал, как поступать правильно, в 2005 году составил 60,9%, а в 2008 — 66,0%, т.е. увеличилось на 5,1%, а несогласных (в 2005 г. — 26,2% и в 2008 г. — 21,9%) снизилось на 4,3%. Большое количество респондентов — 89,5% («согласен» — 58,7%, «скорее согласен» — 30,8%) уверено в непредсказуемости ситуации в стране [8]. Ответы респондентов на вопрос о том, что в современной ситуации трудно понять, во что верить, могут свидетельствовать о разрушении существующих ценностей, о высоком уровне непонимание ситуации — 81,0% респондентов (ответы «согласен» — 54,5%, «скорее согласен» — 26,5%). Также респонденты уверены, что происходит уничтожение существующих в обществе ценностей -86,2% («согласен» — 59,2%, «скорее согласен» — 27,0%), т.е. происходит процесс переоценки старых и формирование новых ценностей, который для обычных граждан кажется хаосом. Ответы косвенно показывают, что большинство респондентов (59,9%) испытывает тоску по прошлому, непосредственно — по ценностям, существовавшим ранее и по которым жили несколько поколений респондентов, за тем, что было четко понятно, что хорошо, а что плохо. Все это приводит к тому, что люди теряют доверие ко всему происходящему. Низкий показатель доверия был зафиксирован по отношению к армии, правоохранительным органам и органам власти, а наиболее высокий — семье, церкви и духовенству. Одна из наиболее значительных проблем низкого уровня доверия населения заключается в том, что большинство граждан (50,2% в 2005 г. и 51,5% в 2008 г.) [9] стараются не доверять никому.

Современный социальный мир для большинства людей теряет большую структурированность и четкость, что указывает на невозможность построения своего будущего. Изменение картины своей жизни и общества осуществляется по субъективному их понима-

нию, которое может быть как положительным, так и отрицательным, по определенным моделям. В целом же можно говорить, что люди выражают недовольство течением их жизни — 55,0%. Самыми удовлетворенными на общем фоне являются респонденты в возрасте 18-22 года («удовлетворен» — 36,8%, «скорее удовлетворен» — 31,6%). Можно сказать, что молодежь, имея ограниченный жизненный опыт, фактически не может понять существующие модели, их самоанализ зачастую сводится к сопоставлению присущих им идеалов с чертами своих реально-мнимых, но «идеальное Я, возникшее на основе предварительного воспитания, еще критически не выверено, а представление о реальном Я часто неясны и иллюзорны. Отсюда — крайняя неустойчивость юношеской самооценки и ее внутренняя противоречивость» [10]. То есть, можно предположить, что чем старше становится человек, тем большим становится ее жизненный опыт и менее иллюзорным жизни, тем больше он не удовлетворен тем, как складывается его жизнь, не понимает происходящих в обществе изменений, что приводит к неуверенности в своем будущем, непониманию своих действий по отношению к обществу. Одновременно это может свидетельствовать о том, что люди начинают оценивать результаты своей жизни только в пожилом возрасте, когда уже нельзя исправить ошибки, начать с понедельника «новую жизнь», легкомысленно не думая о структурировании своего будущего в молодости.

Вышеизложенное показывает, что в условиях общественных трансформаций происходит принудительная, то есть такая, которая обусловлена объективными неотвратимыми условиями жизни, адаптация населения к новым социально-политическим реалиям [11], приспособление к существующим условиям. Невозможность прогнозирования своего положения в обществе приводит к неуверенности в своем будущем [12]. Можем говорить о почти одинаковых реакциях на ситуацию, сложившуюся в обществе, всех возрастов, хотя в молодом возрасте, как правило, характерно более бурное отношение к ситуации, а ко времени более безразличное, чем у пожилых людей. В условиях общественных трансформаций теряются существующие в обществе ценности, нормы, а процесс формирования новых продолжается, нарушается равновесие в обществе. Субъективное время выступает показателем того, ведут ли трансформации к улучшению ситуации в обществе, его модернизации, или к его деградации. Приспособление индивида к социальным условиям в современной Украине выглядит как послешоковое и сопровождается деморализацией, когда граждане практически находятся в скрытой форме противостояния государству и одновременно с этим связывают свои надежды на улучшение жизни. С

утратой доминирующей роли в экономической деятельности, государство потеряло традиционные рычаги защиты населения от последствий социально-экономических трансформаций. Такого рода социальное приспособление проходит в условиях процесса разрушения институциональных образований, изменения социальных правил, явно выраженного или скрытого неприятия институциональных требований к социальному поведению [13]. При таких условиях приспособления рассматривается как сложный комплекс защитных реакций, которые позволяют выжить индивиду, для которых в современном обществе сложились невыносимые условия жизни и деятельности. В тоже время, «если люди определяют ситуации как реальные, то они реальны по своим последствиям», то есть «люди реагируют не только на объективные особенности ситуации, но также — и иногда преимущественно — на значение, которое эта ситуация имеет для них. И когда они придают некое значение ситуации, их последующее поведение и некоторые последствия этого поведения определяются этим приписанным значением» [14], таким образом, если люди определяют ситуацию как нетерпимую, именно такой она для них и становится.

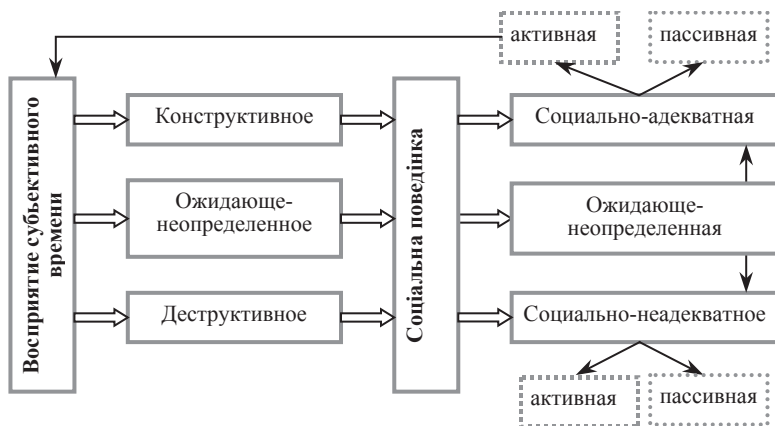
Эмпирические исследования субъективного времени мы осуществляли, исследуя: переживание времени, связь времен, скорость течения субъективного времени в условиях социальных трансформаций, терпение [15], а также удовлетворенность положением в обществе в течение трех лет (прошлом, настоящем, будущем) [16].

Эти исследования, противоречивость ценностей, оставшихся и тех, которые формируются, влияние субъективного времени на формирование социального поведения, направленность на социальную активность, пассивность или безразличие ко всему, позволили выделить следующие виды восприятия субъективного времени, как конструктивный, ожидающе-неопределенный, деструктивный, непосредственно формируют соответствующую поведение: социально-адекватное, ожидающе-неопределенное, деструктивное (Рис.1).

Конструктивный тип субъективного времени формирует социально-адекватное его восприятие. Понятие «адекватный» — тот самый, одинаковый с чем-либо, тождественный, равнозначный, идентичный, тождественной, соответствующий чему-либо, означает истинность как соответствие представлениям о сущности и направленности [17]. Жизнеспособность социума во многом определяется способностью к адекватной реакции на динамику изменений. Социальная адекватность управления выражается в «возможности сделать такой, что поддается прогнозированию и управлению, цикличность социально-экономических процессов путем отслеживания тенденций и принятия превентивных профилактических мер» [18].

Социально-адекватное восприятие времени формирует позитивное восприятие будущего, в контексте модели свободного выбора (Н. Наумова) — это потребность и возможность преодоления существующих ограничений, что является основой и залогом социально-адекватного (конструктивно-активного) поведения, соответственно, активного участия в общественно-политической жизни.

*Рисунок 1.
Виды восприятия субъективного времени
и социальное поведение индивида*

Социальная адекватность поведения в контексте социально-адекватного управления (В. Бурега) может выступать как характеристика соответствия той или иной модели поведения существующему положению. Адекватность должна обеспечивать соответствие поведения как интересам самого индивида, так и интересам других людей, сообществ, состоянию общества, уровню и тенденциям его развития. Социально-адекватное поведение должно быть сориентировано на будущее, адаптировано к функционированию в конкретной социальной системе. Ожидание-неопределенное восприятие субъективного времени возникает под влиянием объективных обстоятельств или таким образом субъективного ценностно-оценочного их восприятия, проявляющегося в невозможности индивида самостоятельно определить, непонимание существующей системы, происходящих процессов, и как это может повлиять на его жизнь. Человек в своей жизни постоянно сталкивается с проблемой выбора, и очень часто в своей жизни он преувеличивает

влияние объективных обстоятельств, пытаюсь снять с себя ответственность, в том числе и за свои определенные поступки в жизни, и переложить ее, или на судьбу, или на других людей, или на общество. Такое положение индивида, приводит к ограниченности в выборе, формирует ожидающе-неопределенное поведение, проявляющееся в ожидании лучшей судьбы. Это люди, которые, «как лунатики, бредут по жизни, как будто ничего не изменилось с 30-х годов и ничего никогда не изменится... Живя, несомненно, в один из самых волнующих периодов они пытаются отстраниться от него, отгородиться... Они встречаются везде: старые люди, ушедшие на пенсию и доживающие свой век, пытаюсь любой ценой избежать вторжения нового. Став старой люди тридцати пяти или сорока пяти лет, нервно реагируют на студенческие волнения... или мини-любки, лихорадочно пытаются убедить себя, что... то, что происходит сегодня, не отличается от того, что было в прошлом. Даже среди молодых мы обнаруживаем непонимание перемен: студенты так плохо знают прошлое, что не видят ничего необычного в настоящем» [19] и, разумеется, при таких условиях плохо представляют себе будущее (или ожидая пока все само по себе сделается, или безразлично относятся ко всему). Такой тип поведения, по нашему мнению, может трансформироваться как в социально-адекватный (конструктивно-активный), так и в деструктивный, что зависит как от самих индивидов, так от реформаторов и руководителей. Существующие в обществе кентавр-образы под влиянием эмоциональной компоненты провоцируют в сознании людей «зависть, жадность богатства без надлежащей работы, стремление выделиться любым способом, болезненную реакцию на неоправданные усилия. Глянцевые журналы порождают у части молодежи желание быть такими же, как герои страниц и экрана. Все средства хороши — важная цель: быть богатым, стать объектом поклонения, потребителем благ, которыми обладают избранные» [20], скрывая, что достижение такой цели требует прилагать усилия и достичь ее может не каждый, а остальные — портят себе и окружающим жизнь, вследствие своих неоправданно завышенных ожиданий. Социально одобряемые или институционализованные средства достижения этой цели понимают традиционные методы (получение хорошего образования и устройство на работу) (Н. Смелзер), но эти социально одобряемые средства не всегда доступны для большинства, поэтому люди могут прибегнуть к незаконным способам. Как следствие, все это провоцирует аномию, когда существует разрыв между культурными целями общества и социально одобряемыми средствами их достижения (Р. Мертон), что может стать причиной деструктивного поведения. Деструктивное восприятие субъективного

времени выражается в разочаровании ценностями общества, чувстве неудовлетворенности, негативном восприятии будущего, неумении делать адекватный выбор. Такое восприятие времени может формировать, по нашему мнению, социально-неадекватное поведение (деструктивно-активный и деструктивно-пассивный тип социального поведения). Деструктивно-активный может проявляться через разного рода социально-вредные мероприятия. Деструктивно-пассивный — общественно-бесполезном бездействии, проживании своей жизни, смысл которой сводится к «убивания» социального времени. Можем говорить, что ожидающе-неопределенный и деструктивный типы требуют социально-адекватного управления с целью формирования конструктивного типа субъективного времени, которое образует социально-адекватное поведение.

Таким образом, можем отметить, что социальное будущее человека является результатом реализации тенденций и возможностей настоящего. Однако, настоящее для нашего общества является сложным, непонятным и непредсказуемым. В условиях общественных трансформаций, когда неизбежно возникает нестабильность и кризисы, социальное время индивида все больше субъективируется, усиливается ориентация на индивидуальную мобильность, растет уровень группового эгоизма, приобретает актуальность процесс стихийного социального сравнения. Человек не способен воспринять радикальные системные изменения, не может привыкнуть к ним, вследствие чего начинается процесс маргинализации. Опасность этого процесса для будущего украинской нации в условиях признания маргинального состояния подавляющей части общества заставляет искать возможности влиять на поведение индивида посредством влияния на субъективное время для того, чтобы не допустить дальнейшего разрушения самоидентичности украинских граждан. Осознание результатов разрушения государственного устройства, которое определяло главные черты общества на протяжении почти всего XX века, имеет следствие признания того, что индивиду необходимо не столько принять отдельные элементы, сколько воспринять новое общественное устройство. Также существует необходимость в социальной психологической способности пережить чрезвычайную ситуацию перехода от одних общественных порядков к другим с целью построения будущего. Исследование субъективного времени позволили нам определить такие типы его восприятия: конструктивный, формирующий социально-адекватное восприятие времени и продуцирует позитивное восприятие будущего; ожидающе-неопределенный — формирует соответствующее восприятие субъективного времени и возникает под влиянием объективных обстоятельств и субъективного ценностно-

оценочного их восприятия; деструктивный — формирует разочарование в ценностях общества, производящий ощущение неудовлетворенности, негативное восприятие будущего. Предложенная типология восприятия субъективного времени позволяет выделить соответствующее поведение: социально-адекватное, ожидающе-неопределенный, социально-неадекватное. Следует также отметить, что значительная часть индивидов, очевидно, может одновременно находиться в нескольких пространствах восприятия времени, например, в конструктивном и ожидающе-неопределенном, ожидающе-неопределенном и деструктивном и т.д., и в результате такого сочетания демонстрировать «обобщенное», «объединяющее» поведение, что требует дальнейших научных исследований.

1. *Михальченко М.* Україна доби межичасся. Близк та убозтво куртизанів / М. Михальченко, З. Самчук. — Дрогобич: Відродження, 1998. — 288 с. — С. 148; 2. *Леонтьев Д. А.* Время как измерение человеческой жизни / Д. А. Леонтьев // *Время пути: исследования и размышления* / (под ред. Р. А. Ахмерова, Е. И. Головахи, Е. Г. Злобиной, А. А. Кроника, Д. А. Леонтьева). — К.: Ин-т социологии НАН Украины, 2008. — С. 8-36. — С. 12-14; 3. Там само. — С. 32; 4. *Головаха Є.* Українське суспільство 1992-2008: Соціологічний моніторинг / Є. Головаха, Н. Паніна. — К.: Ін-т соціології НАН України, 2008. — 85 с. — С. 56; 5. *Скок Н. С.* Суб'єктивний час як чинник соціальної поведінки індивіда в умовах суспільних трансформацій: дис.... канд. соц. наук: 22.00.01 / Скок Наталя Сергіївна. — Донецьк, 2010. — 189 с. — С. 49, 50; 6. Там само; 7. *Головаха Є.* Українське суспільство 1992-2008: Соціологічний моніторинг / Є. Головаха, Н. Паніна. — К.: Ін-т соціології НАН України, 2008. — 85 с.; 8. *Скок Н. С.* Суб'єктивний час як чинник соціальної поведінки індивіда... // Указ. твір. — С. 175; 9. *Головаха Є.* Українське суспільство 1992-2008: Соціологічний моніторинг // Указ. твір; 10. *Лапин Н. И.* Модернизация базовых ценностей россиян / Н. И. Лапин // СОЦИС. — 1996. — № 5. — С. 3-23; 11. *Скок Н. С.* Суб'єктивний час як чинник соціальної поведінки індивіда... // Указ. твір.; 12. *Головаха Є.* Українське суспільство 1992-2008: Соціологічний моніторинг // Указ. твір. — С. 5; 13. *Мертон Р.* Самоисполняющееся пророчество (Теорема Томаса) / Р. Мертон (Електронне видання). — Режим доступу: <http://socioline.ru/node/828>; 14. *Наумова Н. Ф.* Время человека // Наумова Н. Ф. Человек и модернизация России. — М.: КАНОН⁺; РООН «Реабилитация», 2006. — С. 527-553. — С. 542-553; 15. *Давыдов А. А.* Модель социального времени / А. А. Давыдов // СОЦИС. — 1988. — № 4. — С. 98-101. — С. 98-99; 16. *Бурега В. В.* Социально-адекватное управление: концептуализация модели: Монография / Бурега Васильевич. — Донецк: ДонГУУ, 2005. — 171 с.; 17. Там само. — С. 24; 18. *Тоффлер Э.* Шок будущего / Э.

Тоффлер; (пер. с англ.). — М.: ООО «Изд-во АСТ», 2002. — 557 [3] с.; 19. Тоценко Ж. Т. Кентавр-проблема в познавательной и преобразующей деятельности человека / Ж. Т. Тоценко // СО-ЦИС. — 2005. — № 6. — С. 3-14. — С. 6.

В. С. Соловьев, к. филос. н.

ВИЗУАЛЬНЫЙ ОБРАЗ ФИЗИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ

В статье рассматривается визуализация физического времени как процесс, неразрывно связанный с представлениями человека о природе и свойствах времени. При этом необходимость создания визуальных образов абстрактных понятий коренится в структуре человеческого мышления и мировосприятия. Особое внимание уделяется проблеме адекватности визуализаций; рассматриваются примеры творческого восприятия и отображения времени в живописи. Делается попытка обозначить круг методологических вопросов, которые касаются возможности обмена визуальными образами и установления границ адекватности визуализаций физического времени.

Ключевые слова: физическое время, визуальный образ, визуализация, абстрактное понятие, мировосприятие.

Актуальность темы визуализации физического времени состоит в необходимости дать оценку накопленному опыту восприятия физического времени как универсального философского понятия, которое с необходимостью подвергается визуализации с учетом родовых особенностей человеческого мышления.

Цель исследования — установление принципиальной возможности визуализации физического времени как абстрактного понятия и характерные черты визуализации по отношению к развитию представлений о времени.

Задачей исследования является рассмотрение проблемы адекватности визуальных образов физического времени представлениям прошлого и настоящего.

Объектом исследования является физическое время как абстрактное понятие в философском окрасе, **предметом** — визуальный образ физического времени.

Среди многих абстрактных понятий время занимает в человеческом сознании особое место. Без преувеличения можно утверждать, что представления о времени формируются на индивидуальном уровне вместе с осознанием текучести собственного бытия, которое, в конце концов, должно подойти к концу. Таким образом, на этом базовом уровне проблема времени неразрывно связана с интимной проблематикой жизни и смерти, то есть, время является для каждого отдельного человека понятием *экзистенциальным*. Но, невзирая на универсалии в разнообразии культур (в Шпенглеровском смысле [1]), на филогенетическом уровне время превращается в такую сущность, которая воспринимается не только и не столько драматически, сколько сакрально. При внимательном исследовании древних (и некоторых новейших) мифологических представлений всегда ярко проявляются темпоральные мотивы, а иногда они имеют даже несколько навязчивый характер с уклоном в сторону апокалипсической эсхатологии.

Интересно то, что всегда за любым абстрактным понятием в сознании человека закрепляется некий визуальный образ. Это связано с родовыми особенностями человека и подтверждается многими культурологическими исследованиями. Понятие времени — не исключение. Но следует согласиться, что развитие цивилизации обусловило существование целого ряда абстрактных понятий и сущностей, и все они в большинстве языков определяются одним словом. Такая ситуация может привести и приводит к путанице, борьба с которой является одним из магистральных направлений философского исследования времени.

Прежде чем сделать шаг в сторону прояснения возможных механизмов визуализации понятия времени, следует заметить, что в научной среде нет единой теории, которая бы однозначно определяла время как таковое. Весьма проблемным является даже вопрос относительно объективного, «материального» существования времени. В физике эта проблема было частично решена с помощью Теории Относительности Эйнштейна, у которой время органично вошло в структуру Вселенной на правах полностью материального фактора, дополнительного измерения, без которого невозможно адекватное описание ни движения тел, ни действия сил вообще и гравитации в частности. Эйнштейновское время, в общем, имело метафизический характер, поскольку, согласно с представлениями автора теории, Вселенная является стационарной, то есть вечной и неизменной на макроуровне [2].

Однако дальнейшее развитие физических теорий еще при жизни Эйнштейна достаточно убедительно доказало, что у Вселенной есть начало и, что еще драматичнее, будет конец [3]. Это значит,

что «было время, когда времени не было». Даже если это нелегко постичь, такое состояние вещей вошло в современную НКС (научную картину времени). В теоретической физике и космологии с «окончательным» утверждением теории Большого Взрыва более тридцати лет господствовала почти что гармония. Но в середине 80-х годов XX века начинается приобретать теоретический опыт и авторитет так называемая Теория Струн (или Теория Суперструн). С тех пор, благодаря некоторым важным особенностям и пророчествам этой новой фундаментальной теории структуры вещества, космологический порядок уже не кажется устоявшимся и гармоничным в понятиях предыдущих теорий. Таким образом, научно-физическая трактовка времени в который раз меняется, теряет не только классический, но и постклассический смысл. В науке вопрос природы времени остается открытым. Здесь следует отметить, что ассоциативно-визуальный ряд, связанный с понятием времени, у физика принципиально отличается от образов у других людей.

Поскольку ученые всего мира образуют своеобразный и специфический интернациональный «социум», в котором есть устоявшиеся формы коммуникации и постоянная взаимная корреляция методик исследования, индивидуальные представления и визуализации адептов должны быть близки друг к другу. К сожалению, никто еще не проводил специальной исследовательской программы по этому поводу; все качества визуализации понятия времени в науке пока что могут быть установлены опосредствовано, через более или менее яркие проявления спонтанных ассоциаций при *популярном* изложении теоретического материала. Когда физик-теоретик имеет дело с аудиторией неспециалистов, он должен вместо непонятных формул привлекать ассоциации, примеры, аналогии. При этом автор популяризаторского текста или лекции осознает всю условность и неточность таких вспомогательных средств. Можно предположить, что при удачном популярном изложении научных проблем, связанных со временем, собственно и происходит образование визуализации у читателей и слушателей, которые не имеют специальной физико-математической подготовки. Так должно быть потому, что когда дилетант сталкивается с необходимостью углубиться в проблему другой специальности, его сознание апеллирует к общему опыту, который зафиксирован в соматических и аудиовизуальных переживаниях-воспоминаниях. Но эта ситуация имеет элемент обмена: сам популяризатор вынужден оперировать не привычным физико-математическим аппаратом символично-логического толка, а мысленно принимать точку зрения реципиента. Таким образом создаются визуализации, которые должны существенно влиять на мышление специалиста. История науки

богата примерами, которые демонстрируют влияние бытового опыта теоретика на решение сугубо научных задач наивысшей степени абстракции.

Каким же образом формировался образ времени в истории науки? Нам известно, что философы и натурфилософы Древней Греции склонны были рассматривать время как своеобразную «линейку» для измерения длительности процессов. То есть, прошлое, настоящее и будущее не отличались ничем, кроме последовательности в текущем существовании мира. Такой подход оказался столь привлекательным, что надолго пережил первичную натурфилософию. Известно, что примерно такие же представления имел и Декарт [4]. Картезианские пространство и время очень похожи. Детерминизм в своей крайней форме хоть и не отождествляет прошлое с будущим, но *не различает их*. Следовательно, в картезианстве время имеет вид оси, по которой можно мысленно передвигать назад или вперед нанизанную на эту ось материальную частицу, событие или физический процесс. Следует отметить, что приведенная визуализация не совсем коррелирует с картиной, которую рисуют Демокрит и Эпикур: атомы, из которых состоят все вещи Вселенной, в начале времен падают в пустоты, а их произвольные столкновения создают комбинации — физические тела (или другие физические явления). В данном образе есть, по крайней мере, две важные особенности: во-первых, направление воображаемого всемирного движения вертикально (неявно это касается также субстанции времени), и это совсем нехарактерно для последующих визуализаций; во-вторых, использован образ падения. Последнее же воспринимается как необратимый процесс, притом такой, который происходит под действием некоей внешней универсальной силы. Здесь имеется в виду сила тяготения. Факт необратимости и доминанты гравитации в эволюции Вселенной — вот действительно гениальная догадка античных атомистов, и базируется она практически исключительно на так называемом «здравом смысле» и визуальных ассоциациях, которые заимствованы из повседневного опыта.

Не вдаваясь в детальный анализ (то есть, весьма архаичных) визуальных образов абстрактных понятий можно упомянуть альтернативную точку зрения в античной натурфилософии, которая прямо вытекает из рассмотрения апорий, в частности, апории «Ахиллес и черепаха» Последняя якобы свидетельствует о том, что движение не поддается аналитическому рассмотрению, поэтому оно есть иллюзия. Таким образом, сторонники такой трактовки (элеаты) утверждали неподвижность субстанции и, как следствие, неизменность мира. Это — первичная методологически обоснован-

ная метафизика. В контексте рассматриваемой проблемы важно, что время в таком мировоззрении также является иллюзорным, так как действительного движения нет и, вместе с тем, нет действительных процессов, которые требуют длительности. Таким образом, время сводится к уровню субъективного и интересубъективного *ощущения* и теряет материальность. Визуальный образ времени почти исчезает, он трансформируется в призрачную сущность, за которой закреплено лишь слово.

Выше уже было приведено толкование «свободного» времени в картезианской натурфилософии. Принципиально подобный подход претерпел изменения тогда, когда в науке нового времени был открыт *второй закон термодинамики* и осознано его последствия. Понятие энтропии вместе с указанным законом привело к понятию «стрелы времени». То есть, в отличие от метафизических подходов, прошлое, настоящее и будущее отличаются не только на «количественном уровне» (когда во внимание принимается количество отсчетов из какого-то условного начала на временной линейке), а еще и на уровне качественном: прошлое является причиной настоящего, а будущее — следствием их обоих. Конечно, такое состояние вещей ни в коей мере не дискредитирует детерминистских подходов, например, в механике. Но необратимость физических процессов везде, кроме идеального математического мира, обуславливает формирование *принципа причинности* и смену мировоззрения. В психологическом измерении это специфическое ощущение отчуждения прошлого любой личности от самой личности, которая движется дальше и дальше вперед во времени, даже если человек прикован к какому-то постоянному положению в пространстве. Время, таким образом, снова становится материальной и неумолимой субстанцией, которая ассоциируется с рекой. В конце концов, именно отсюда берет начало философия экзистенциализма.

В предыдущем изложении намеренно нарушена хронология. Дело в том, что тот огромный промежуток истории, который условно называется Средневековьем, имеет несколько специфических черт относительно образа времени. Целая эпоха подпадает под могущественное и некоторым образом изощренное влияние теологического и теософического мировоззрения. Именно тогда, в Средневековье, закладывались основные парадигмальные понятия и интерпретации, которые характерны для религиозного мировосприятия (и не только исключительно христианского). Развитый монотеизм отождествляет существование мира с волей единого Творца, персонафицированного в сверхличности с неограниченными возможностями. Благодаря этому положению время как понятие и субстанция приобретает характер сугубо *человеческий*. Уп-

рошено это выглядит так, будто человек апеллирует к образу *часов* как визуального синонима времени; этот прибор ведет отсчет истории на понятном уровне — стрелка описывает оборот за оборотом и работает как счетчик, который отмеряет секунды, минуты и часы Всемирной истории вплоть до самого конца мира. Вместе с тем, Богу не нужны часы и не нужно понятие времени вообще, потому что для него акт созидания происходит в неразрывном единстве времен. Следовательно, Бог не оперирует прошлым, настоящим и будущим отдельно друг от друга, потому что именно он — и воля, и причина, и сущность Вселенной. Тут возникает интерпретационный визуальный образ *вихря*, который охватывает все времена и все предметы мира. Этот образ слишком сложен, чтобы его можно было зафиксировать в постоянных формах, он несет на себе печать человеческого и сверхчеловеческого.

Из приведенных выше соображений становится понятным, что процесс визуализации такого понятия, как время, неразрывно связан с развитием научных определений времени как такового, а также интерпретации всего ряда феноменов, связанных с темпоральным аспектом. Но подобная констатация не только не проясняет механизмов возникновения визуальных ассоциаций, но вместо того ставит несколько вопросов, которые имеют методологический характер.

- Являются ли визуализации абстрактных понятий универсальными, по крайней мере, в пределах определенной культуры или субкультуры?

- В состоянии ли отдельные индивиды обмениваться визуальными образами и прийти к согласию? (Очевидно, это проблема возможностей языка)

- Препятствуют ли принципиальные ограничения адекватности визуальных образов познанию мира?

Если попытаться ответить на эти вопросы, в результате может появиться методологический план специализированного исследования.

Вполне понятно, что проблема универсальности визуализации частично связана с другими вопросами. Безусловно, самый простой способ установить или опровергнуть универсальность — обмениваться визуализациями, то есть, обсудить их. Но при более придирчивом рассмотрении возникает опасность изменения первичных ассоциативных реакций субъектов коммуникации в пользу достижения согласия. Следовательно, непринужденность личных визуализаций будет подвергаться искажениям, и результат эксперимента будет обесцениваться. К счастью, языковая коммуникация — не единственный способ более или менее адекватного выражения ви-

зуализаций; есть более эффективный механизм, а именно — графика и живопись. Для исследователя крайне важно, что художник не только может совершать непосредственное перенесение визуализации из невидимого мира подсознания вовне, но и то, что он является носителем определенной культурно-исторической матрицы своей эпохи. Последнее утверждение требует примеров.

Изображение Святой Троицы, созданное Андреем Рублевым, хорошо согласовывается с предыдущим тезисом про вневременную сущность Бога в христианском мировосприятии. Действительно, фигуры-ипостаси абсолютно статичны, неподвижны. В то же время, они исполнены трансцендентальной содержательности и бесконечно длящегося напряжения. Таким образом, основная мировоззренческая идея точно выражена предельно лаконичными средствами.

Весьма интересный опосредствованный образ времени содержит картина Поля Гогена «Откуда мы пришли? Кто мы есть? Куда мы идем?». Все фигуры таитян изображены в спокойных, статичных позах. Но центральная фигура мужчины, который срывает плод, а также бегущая собака в правой части полотна, контрастируют с неподвижным божеством слева; при этом динамику картины создает фон первозданной природы. Зритель почти физически чувствует, что вся изображенная сцена существует в движущемся времени — из прошлого в будущее через современность. Следовательно, художник мастерски передал собственное стихийно-философское восприятие человека, который пребывает, так сказать, во Вселенной-времени.

Третий пример представляется наиболее красноречивым. Большинство художественных работ Сальвадора Дали содержат в себе темпоральные мотивы. Иногда они визуализируются непосредственно в виде циферблатов со стрелками (при этом такие объекты пластически деформированы); но чаще всего это изображения композиционных групп, которые символизируют бег времени благодаря взаимному размещению предметов, их рассечению и ассоциативному содержанию. Самым ярким примером живописи Дали в этом контексте являются картины «Дезинтеграция постоянства времени» (аутореминасценция на картину «Постоянство времени»), «В поисках четвертого измерения» и «Живой натюрморт». Последняя работа означает то, что Дали начал постигать пространство-время путем созерцания левитации, которая является антитезой к энтропии. Следует отметить, что Дали систематически вел записи, которые объясняют его личную позицию относительно собственного творчества и сюжетов картин [5]. Это крайне важно потому, что такие заметки — пример вербализации визуальных

идей без искажения, которое вызвано условиями адекватной коммуникации нескольких субъектов.

Рассмотрение приведенных примеров частично дает ответ на два первых вопроса. Так, визуальный образ времени хорошо коррелирует с представлениями широкой общественности, которая объединена определенным культурно-историческим единством и мировоззренческими нарративами. Если бы это было не так, не было бы возможности восприятия символических произведений искусства ни на эстетическом, ни на интеллектуальном уровне. Очевидно также, что языковая коммуникация имеет существенные ограничения в процессе обмена визуализациями отдельных индивидов, но существует более надежный механизм такого обмена, а именно художественное творчество.

Современное развитие образования и создание научно-популярного информационного продукта (книгоиздательство, просветительские телепрограммы, интерактивные справочники) выдвигают очень высокие требования к иллюстрированию абстрактных понятий, достаточно необычных с точки зрения бытового опыта. Успешное преодоление этой проблемы порождает более или менее устоявшиеся приемы изображения физико-математического времени, среди которых «световой конус» (или конус, который ограничивает пространство событий, информация о которых распространяется со скоростью света), «стрела времени» (она является синонимом *возрастания энтропии*), а также серия последовательных рисунков, каждый из которых фиксирует состояние (или фазу) того или иного физического процесса. Следует заметить, что почти всегда время изображается через предметность, на которую оно влияет. И это своеобразная рекурсия, благодаря которой мы имеем возможность «увидеть невидимое». Следовательно, чистая субстанциональность физического времени ускользает от непосредственного восприятия путем создания понятного визуального образа.

Таким образом, вопрос об адекватности визуализаций времени и их взаимоотношений с процессом познания становится главным в контексте обсуждаемой проблематики. Последние десятилетия развития науки демонстрируют такой процесс, при котором время как таковое и физические явления с темпоральным аспектом исследуются без привлечения визуализаций, сугубо математически. Речь идет, прежде всего, об исследовании квантовых явлений и космологии, которая неразрывно связана с фундаментальной структурой материи. Визуализации, исходя из этого, имеют вторичный, *интерпретационный* характер. Что же препятствует использованию визуальных образов в исследованиях? Прежде всего, это принципиально предметный характер визуализаций, который базируется, в

конце концов, на повседневном опыте. Но предметы в квантовой физике принципиально отличаются от тех предметов, которыми человек оперирует в быту; они отличаются *сущностными* свойствами. Но есть еще один момент, который практически создает невозможность использования воображаемых картин для глубинного проникновения в построение мира. Классические физические представления изображают время как непрерывную и, говоря языком математики, «гладкую» субстанцию, которую достаточно легко представить в виде, скажем, водной поверхности. Современная квантовая физика и связанные с нею теории (прежде всего, упоминаемая Теория Струн) установили, что время, как и вещественная материя, является квантованным, то есть, с высокой степенью уверенности можно сказать, что существует наименьший промежуток времени (он имеет название «планковского») [6]. С учетом этого, пространство-время существует на макроуровне в «виде» своеобразной пены, и в промежутках между наименьшими пузырьками такой пены ничего нет — ни вещества, ни пространства, ни времени. Такое состояние вещей противоречит повседневному опыту, и любая визуализация по этому поводу будет не только количественно, но и качественно неадекватной. Визуальный образ экзотической вещественно-темпоральной пены почти никак не согласуется с текущим течением реки времени. Человек практически не в состоянии постичь, что он существует в непрерывном мерцании планковских промежутков времени, а между ними исчезает в трансцендентное *ничто*.

Философский аспект этой проблемы является одним из краеугольных камней теории познания. Если предельно заострить вопрос, он формулируется так: «Либо структура мира такова, что человек принципиально бессилён постичь его эмпирически (это приводит к «мягкому» агностицизму), либо современное знание относительно структуры пространства-времени будет трансформироваться в некий более удобный для восприятия (в том числе, образного) вид». Такое положение вещей свидетельствует о том, что на современном этапе развития фундаментальной науки специалисты создают собственную философию неопозитивистского толка, которая имеет узкоспециализированный характер и формируется стихийно, конъюнктурно по отношению к научным феноменам, так сказать, апостериорно. В подобной ситуации проблемой является методологическая основа философии науки и ее корреляция с положениями общей философии. Без преодоления этого противоречия НКС не может считаться удовлетворительной по отношению к теории познания.

Вполне вероятно, что разрешение проблемы придет со стороны *фундаментальной теории времени* как физической субстанции ус-

тановленной природы. Без такой теории невозможно ответить на вопрос, в какой мере качества времени зависят от актуального состояния вещества. Если окажется, что время полностью «подчиняется» веществу, тогда, с точки зрения философии, оно есть ничем другим, как неотъемлемой составляющей частью вещества и не существует как самостоятельная физическая сущность. Это сведет время до уровня удобной интерпретации, иллюзии, к которой человек апеллирует как к макроскопическому проявлению непостижимой тонкой структуры материи, которая составляет Вселенную. Наоборот, если время имеет физическую автономность и собственную природу, которая не зависит жестко от состояния материи, тогда он приобретает метафизические черты и является средой, чем-то вроде гипотетического вселенского эфира. Следовательно, в таком случае, историческое и психологическое время имеет шанс на методологическое слияние. Это будет означать, что творческое восприятие времени, его многочисленные визуализации с учетом истории и психологии является не менее адекватным, чем сугубо физические интерпретации.

1. *Шпенглер О.* Закат Европы, — Т. 1: (Пер. с нем. Свасьян К. А). — М.: Мысль, 1993. — 672 с.; 2. *Вейнберг С.* Гравитация и космология. Принципы и приложения общей теории относительности: (Пер. с англ. В. М. Дубовика и Э. А. Тагирова / Под ред. Я. А. Сморodinского). — М.: Мир, 1975. — 696 с.; 3. *Хокинг С., Пенроуз Р.* Природа пространства и времени: (Пер. с англ. А. В. Беркова, В. Г. Лебедева). — Ижевск: Научно-изд. Центр «Регулярная и хаотическая динамика», Удмуртский ГУ, 2000. — 160 с.; 4. *Мамардашвили М.* Картезианские размышления / Философские чтения: — СПб.: Азбука-классика, 2002. — 832 с.; 5. *Дали С.* Дневник одного гения: (Пер. с франц. О. Захаровой). — М.: Эксмо, 2003. — 464 с.; 6. *Грин Б.* Элегантная Вселенная. Суперструны, скрытые размерности и поиски окончательной теории: (Пер. с англ. / Общ. ред. В. О. Малышenko). — М.: Едиториал УРСС, 2004. — 288 с.

**В. Н. Цыба, аспирант,
Национальный университет
«Киево-Могилянская академия»**

СТРУКТУРЫ ВРЕМЕНИ И ПОНИМАНИЯ В ГЕРМЕНЕВТИКЕ ВИЛЬГЕЛЬМА ДИЛЬТЕЯ

В статье представлено соотношение структур времени со структурой субъективного понимания, изложен

ной в произведениях В. Дильтея. Особое внимание уделено анализу его аргументации. Предпринята попытка корректного дополнения тезиса о симметричности актов постижения темпоральной длительности переживаний. Герменевтика рассматривается как оригинальное учение о субъективном аспекте объективности времени.

Ключевые слова: Вильгельм Дильтей, герменевтика, герменевтический круг, понимание, переживание, временность, историческое априори, объективный дух.

Осмысление жизни делает нас глубокими,
история — свободными
В. Дильтей

Темой нашего исследования является соотношение историчности и осмысленности. Истоки данной проблематики можно отыскать в трудах Вильгельма Дильтея (1833—1911), одного из родоначальников герменевтики, автора обоснования самостоятельной ценности исторических наук. Со времен Дильтея западная метафизика пережила эпоху качественного видоизменения, приняв предпосылку исторически определяемого сознания (Хайдеггер), совершив затем переход от действенно-исторического сознания (Гадамер) к осознанию «конца истории» (Фукуяма), чтобы наконец вовсе отказаться от понятия «сознание» (Рорти). Ретроспективная оценка подобных практик нуждается в крайне пристальном обзоре истоков феномена историзации, что требует от исследователя корректного подхода к аналитике темпоральности человеческого существования, разработанной, прежде всего, в философии Дильтея. Таким образом, актуальность нашей работы заключается в попытке дать ответ на вопрос о смысле и контексте проблемы историчности сознания в ее связи со структурой понимания времени. Иными словами, о роли и значении времени можно уверенно вопрошать лишь из ситуации собственной временной определенности. *Предполагаемый ответ прямо пропорционален готовности принять его историческую недостаточность.*

Целью нашей работы является доказательство тезиса о том, что проникновение в смысловые пласты прошлого зависит от выбора модели интерпретации темпоральной структуры сознания. *Объектом* исследования выступает герменевтическая традиция социальных наук, *предметом* научного интереса — установление концептуального соотношения понятий «время» и «понимание» в системе

наук о духе, обобщающий проект которых был представлен в начале XX в. В. Дильтейем.

Чем проблематизировано познание событий прошлого? Какие факторы удерживают смыслы и акты их постижения? Возможна ли достаточная связь между прожитым (пережитым) и понятым? Каждый из вопросов содержит в себе существенную степень вероятности, доля которой возрастает по мере приближения к однозначности принципов объяснения. Примером решительного отказа от регулятивной необъяснимости в сфере гуманитарных наук принято считать неокантианский и позитивистский подходы в теории познания. На основании деления научного знания на законообразующее («номотетическое») и описывающее («идеографическое») мыслители баденской школы неокантианства В. Виндельбанд и Г. Риккерт стремились устранить проблему несостоятельности того вида знания, которое не соответствовало критериям естествознания конца XIX века. В то же время дихотомия «наук о природе» и «наук о культуре» не была лишена формальной окраски, проявившейся в том, что специфическую черту второй группы наук — нестабильность значения ее постулатов — было упущено. Гуманитарное знание превратилось в дубликат формальной логики и естественных наук с исключительным правом на классификацию случайностей. В отличие от данной концепции мысль Дильтея предельно глубока: структуре предмета понимания должна быть симметрична структура познавательных способностей. Из этого следует, что постижимость представлений логически соответствует длительности осмысливающего переживания. Какие понятия при этом используются и могут ли они быть адекватны постановке вопроса?

Уточним, что категориями Дильтей называет «понятия, обозначающие... способы постижения [предметов]» с помощью которых применяются правила интерпретации, заключенные в психологических предикатах [1]. Возможны два вида подобных понятий — формальные «различение», «соединение», «целое» и т.д. (здесь Дильтей отмежевывается от трансцендентальной логики Канта) и «реальные», причем к последним относятся те, которые «не приложимы а priori к жизни, как к чему-то чуждому, а укоренены в сущности самой жизни» [2]. Важнейшей из категорий становится «жизнь», поскольку именно в ее предикатном поле дано указание на необходимую взаимосвязь личных переживаний так, как она воспроизводит объективации форм жизни в культуре. То есть происходит интерференция понятия и содержания точно так же, как сливаются длительность и одновременность в постижении непрерывного становления. Таким образом, сделать что-либо длящееся открытым для осознания можно лишь в той мере, в какой само соз-

вание вовлечено в процессуальность. Это и есть знаменитый тезис «жизнь познает жизнь» (*Leben erfasst Leben*) [3], который мы будем далее именовать «тезисом Дильтея». Ведущее понятие жизни задает остальным категориям («реальность», «развитие», «временность», «сущность», «ценность») степень модальности и деривации. Интересно, что охватывающее постижение жизни оказывается невозможным по причине зависимости единства сознания именно от потока переживаний (*Erlebnis*)¹, который оно упорядочивает. Но, все же, ухватить жизнь в ее сущностной данности Дильтей считает возможным благодаря рефлексивному обнаружению структурного отношения между фрагментами переживаний. А это означает не что иное, как синтетическую способность сознания, ведь в переживаниях уже соединены созерцание и различение, и доступ к указанному отношению, фиксированный в потенциале интроспективного внимания, или, строго говоря, во «вспышках» ментальных образов, одновременно становится признаком «интеллектуальности переживания». Так описательная психология демонстрирует, что в каждом конкретном случае взаимосвязь жизни дает возможность совместить телесную способность ощущения и психическую способность размышления. Адаптируя этот принцип, скажем, к психофизической проблеме последовательный сторонник метода Дильтея смог бы заявить об изоморфном решении дуалистического парадокса. Кстати, современный функционализм и феноменология телесности именно так и поступают.

Мы попытаемся представить тезис Дильтея в виде дедукции, основанием которой будет допущение о том, что условием понимания является соотношение темпоральности сознания и становления.

В целом дедукцию понимающей психологии, составляющей понятийный каркас исторической герменевтики, можно выразить в следующей серии последовательных посылок:

- (1) возможность познания прошлого есть необходимое условие любого акта познания;
- (2) познание прошлого включено в структуру психической жизни субъекта познания;
- (3) целостность структуре психической жизни придает единство сознания;
- (4) временность субъективного сознания определяется через взаимосвязь его переживаний;

¹ Привычный для нас термин «переживание» — неологизм Дильтея, быстро освоенный не только гуманитарными, но и естественными науками. Семантический компонент ясно выражает идею «повторного» проживания факта прошлого в ситуации новой эмоциональной нагрузки.

(5) временной фактор субъективного познания объективных событий является достаточным условием реконструкции живой длительности бытия.

Отметим, что посылка (4) в толковании Дильтея оказывается эпистемической предпосылкой, т.е. скрытым допущением, оттапливаясь от которого рассуждение двигается к выводу о полноте смыслового раскрытия фактов прошлого через факты актуального сознания. Но это и не удивительно, ведь сама «жизнь есть взаимосвязь частей в целом», а переживание в таком случае — «единство, части которого связаны общим значением» [4]. Немецкий мыслитель исходит из того, что темпоральная составляющая познания должна учитывать различие между прошлым и будущим, в то время как понятие «настоящего» получает довольно странную трактовку. С одной стороны, оно «еще не» будущее, но «уже и не» прошлое, а с другой, настоящее, по Дильтею, «не существует», но «всегда наличествует» в полихронии времени: будущее и прошлое в нем соединены нераздельно. Истолкование жизненных проявлений предполагает подведение их под принцип *герменевтического круга*. Поэтому понятен призыв Дильтея не разделять акт переживания, содержание этого акта и результат понимания. Из сказанного очевидно, что длительность описывается в терминах психических процессов, а значит релятивизируется. Но допустима ли в таких рамках претензия на объективность знания? Для прояснения этого затруднения обратимся к рассмотрению отношения структур сознания к структурам времени.

Важно подчеркнуть, что трехуровневая темпоральная структура у Дильтея центрирована на модусе настоящего. Хотя моменты времени хронотопно соразмерны, однако настоящее обеспечивает наполнение реальностью других сегментов континуума. Так, событие прошлого дано в припоминании, тогда как явление длящееся — в актуальном чувстве (желания, страха и т. д.). В режиме настоящего время, как выражается Дильтей, «протекает без задержек» [6], чем и проливает свет на ранее упоминавшиеся слова о его «несуществовании». «Не существовать» для времени значит быть незаметным, но не утрачивать содержательной насыщенности. Здесь, возвращаясь к делению системы категорий, можно с удивлением заметить, что значение отнесено к «реальным категориям». Значимо то, что можно пережить заново как важное, содержательное событие, рубрикующее последовательность дальнейших субъективных состояний. Поэтому значение обретает новый, «свежий» личностный оттенок, не утрачивая при этом своей витальной окраски, а ценность позволяет описывать проявления жизни (историю) вне жесткой каузальной определенности, не упуская из виду вовле-

ченность в естественный мир. Ценности рождаются как реакция на аффицирование индивида вещами мира¹, который пытается защититься ответным подчинением вещей своей воле. Итак, значение, ценность и целостность соразмерно действительны во времени. Более того, они темпорально определимы [7]. В воспоминании — а герменевтическая методология работает преимущественно с прошлым — я произвожу отбор (неосозанный или сознательный — сейчас это не важно) существенного от маловажного. К примеру, длительность такого отрезка времени как день задается важнейшим из произошедших событий, определенной точки отсчета, по отношению к которой группируются и субординируются остальные.

Дильтей особо подчеркивает влияние среды или, говоря несколько иначе, «феноменального поля» схваченного гештальта. Нам кажется уместным сравнение с концептами гештальт-психологии на том основании, что фон и предмет слиты до рефлексивного анализа восприятия. В том и другом случае прошлое и будущее не только сами конституируют настоящее, но и сами конституированы им. Осматривая здания бароккового собора XVII столетия, я нахожусь в определенном культурном поле и географическом поясе православного христианства, что уже детерминирует мое понимание и может объяснить желание преодолеть в созерцании существующий временной разрыв между «тогда» и «сейчас» [8]. Я при этом четко осознаю степень сложности подобного преодоления даже в акте воображения.

«Прошлое, говорит Дильтей, — загадочно влечет нас к тому, чтобы познать паутину значений отдельных его моментов» [9]. Таким образом, прошлое постижимо из настоящего как завершенное культурное формообразование. В переживании его моменты структурно топологичны относительно друг друга, т.е. форма взаимосвязи возникающая в индивидуальном разуме и созданных им артефактах, прежде всего, тексте, открывает возможность воспроизведения, или «повторного переживания» и своих, и чужих впечатлений. Безусловно, временной характер конституирования смыслов действительности указывает на творческое происхождение истолкования, ведущего к постижению. Тезис о свободе познающего субъекта оказывается релевантен целям наук о духе.

¹ Вот как проясняет эту позицию Р. Арон, последователь и умеренный критик Дильтея: «Ни цель, ни ценность, ни целостность не смешиваются со значением как понятием, стоящим над всеми совокупностями, над всеми связями, в которых проявляется дух. Мы говорим о понимании, когда сознание выявляет такое значение, которое, будучи имманентным действительности, было или могло быть мыслимо теми, кто его пережил или осуществил» [5].

Однако, пассивность по отношению к прошлому и активность в отношении будущего, о которых упоминает Дильтей, заставляет нас не согласиться с таким утверждением: индивид, не выбывая из континуума и эмпатически «воскрешая» несуществующее вне памяти событие, преисполняет его новым содержанием, обусловленным текущими мотивами и интересами. Итак, субъект активен настолько, насколько способен упорядочивать поток переживаний. Да и само постижение («взгляд в прошлое») не мыслимо без организующего императива. Приняв во внимание телеологический аспект исторической герменевтики, нельзя не заметить того, что реализация целей в универсуме жизненных проявлений преобразует в зависимость как темпоральные сегменты, так и действительную способность постигающего. Мы считаем, что подобная детерминанта может быть охарактеризована не иначе как *историческое априори*. В контексте критики исторического разума, предпринятого Дильтеем еще в конце XIX века в довершение кантовского проекта¹, это условие возможности опыта казалось избыточным, но уже после столкновения позитивистов и неокантианцев требовало радикального пересмотра. Задача герменевтики состояла именно в реактуализации непосредственного измерения априори без предварительной его формализации, неудачный пример которой показали работы Риккерта, в демонстрации той очевидности, что смысл истории имманентен жизни.

Теперь мы можем наложить структуру временности на психическую структуру понимания. Принцип структурной взаимосвязи объясняется так: в переживании содержание и акт пребывают в двойном логическом отношении — единства и модификации [10]. Схваченное в воспоминании событие прошедшего дня наслаивается на приятные и неприятные моменты, чувство радости и вины за причиненные страдания, ретроспективное удержание в памяти знакомых лиц, повторное ожидание обещанного звонка и т.п., делает психический предмет симметричным его временной модификации. Важно указать на метод подобного связывания. Поскольку тезис Дильтея не позволяет вывести соотношение представлений на уровень трансцендентальной рефлексии, а предметом познания является единичное, случайное, то взаимосвязь, определяющая целое без утраты значимости его частей, происходит сугубо индуктивно. Но тем самым значимость переживаний суживается до случайно схва-

¹ Теоретическая дистанция Канта и Дильтея достаточна для их противопоставления. Однако, выявление не априорных условий возможного опыта, а условий содержательной реальности опыта и явилось толчком для тематизации историчности в неформальном смысле. Подробнее см. [11].

ченной индивидуальной значимости. Обращаясь непосредственно к теме прошлого, герменевт дильтеевского толка должен будет заметить одну особенность: порядок, который вносится в многообразие истекших событий, необратим. Сознание связывает фрагменты опыта, исходя из телеологии человеческих целей, намерений и поступков. «В психической структуре, таким образом, уже укоренена телеологическая взаимосвязь, направленная на постижение предметного» [12], иначе объяснить переход от восприятия к его научной теории трудно. Важно установить общие закономерности для каждой психической жизни. Но в акте переживания они не даны, поэтому рассчитывать приходится на силу ассоциации, репродукции и апперцепции [13]. Как видим, в этом отчетливо проступает кантовский мотив. Вместе с тем, творческому воображению не нашлось места среди репродукции и самосознания. Конечно, утверждать «законы» для психики способен только натуралист, которым Дильтей в общем-то не был. Его попытка преодолеть собственную установку на индивидуализацию, вызванную не столько идеалистическим произволом, сколько спецификой гуманитарного знания, постоянно толкала его в сторону сближения наук о духе с естественными науками по принципу общих основ науки. Не удивительно, что способность воображения уступает место ассоциативной аналогии — такова цена объективности познания по Дильтею.

Предварительным итогом нашей реконструкции является вывод о том, что сведение жизни к единству психических переживаний одновременно и задает горизонт произвольных значений, и оставляет истолкование «заземленным» на уровне эмпирических мотивов. Кроме того, были сделаны усилия с тем, чтобы уберечь от каузализации предметную сферу наук о духе. Тезису герменевтического круга мы можем противопоставить альтернативу: если жизнь познается жизнью, а индивидуальное жизненное измерение субъекта мышления и воления континуально не завершено, то вывод о результативности познавательного акта должен включать некий принцип, позволяющий выйти за пределы амбивалентности. Можно ли его отыскать у самого Дильтея? Претензия на объективность знания предусматривает условие его необходимой значимости, и Дильтей учитывает это. Похоже, что внесение единства в структурную взаимосвязь формообразований жизни — культуру, религию, право — требует полагания чего-то вневременного, но в то же время предваряющего поток становления. Того, что находится по ту сторону прошлого и будущего, и может быть обнаружено в актуальном настоящем, но не сведено лишь к нему. Спасительной почвой психологизированной эпистемологии оказывается «объективный дух», по смыслу родственной гегелевскому. Если целое,

как показывает (3), обязательно подчеркивает единство сознания познающего субъекта, то универсальность значения понимаемого предмета требует сверхсубъективной инстанции. В свое время Дильтей остро ощутил нехватку такого соединяющего принципа и ухватился за концепт значения. Данное понятие было им позаимствовано, видимо, у Э. Гуссерля [14], хотя семантическое разделение «смысла» и «значения» свойственно подходу Г. Фреге [15]. Однако, этот момент нуждается в отдельном историко-философском исследовании. Мы лишь указываем на его актуальность.

В самом деле, тематика объективного духа интересна в определенном контексте, а для ситуации Дильтея она просто-таки необходима. Это не дает права однозначно оценивать инкорпорацию указанного понятия. Объективный дух Дильтея ясно отличим от гегелевского — ему чужд прогрессизм и идея завершенности. Что придает пикантности данной ситуации, так это попытка «обмена» крайнего психологизма на слабый идеализм. Радикальные решения в этом плане предприняли уже последователи Дильтея, в особенности Хайдеггер, Ясперс и Гадамер.

Вопрос, который мы обязаны поставить на последнем этапе исследования, заключается в следующем: возможно ли вообще объективное познание фактов прошлого при конъюнкции посылок (2) и (4)? При видимой простоте ответа не будем торопиться. Временной характер жизни обозначает то, что постижение является лишь постижением явления, а не стоящей за ним сущности [16], путь к которой эпистемически кумулятивен и достижим лишь для человечества в целом. Следовательно, дедукцию дильтеевской концепции понимания можно сформулировать логически корректно при условии допущения дополнительных предположений:

(2') переживание прошлого опыта невозможно без соотнесения с эмпирическими формами объективированной жизни;

(4') временность сознания предполагает, что когнитивные акты основаны на единстве в сознании репродуктивной и продуктивной способности представления;

В итоге **вывод**:

(5) временной фактор субъективного познания объективных событий является достаточным условием реконструкции живой длительности бытия

обоснован в рамках герменевтического описания.

И хотя наше решение является умеренным, а не окончательным (что означало бы восстановление прежней доктрины наук о духе), с ним можно работать на уровне ментального эксперимента или когнитивных практик модальной инвариантности.

Удается ли прорваться к непрерывно становящемуся и осуществимо ли достижение целостного знания путем упорядочивания случайных отношений внутри времени — ответы Дильтея метод оставляет открытыми. Но эксплицитно он терпит поражение, причем дважды: вначале, когда только тематизирует замкнутость герменевтического круга, а затем — когда уже обозревает готовый результат. Как оказывается, эпистемическая предпосылка понимания является частичным условием и целиком зависит от силы интеллектуального напряжения вчувствования и эмпатии. Важность историзации Дильтеем сознания, на наш взгляд, состоит в том, что впервые была дана панорамная модель субъективного постижения временного, качественно новая попытка «воскресить время», наполнив его актуальным смыслом.

1. *Дильтей В.* Построение исторического мира в науках о духе // Дильтей В. Собрание сочинений: В 6 т.: (Под ред. А. В. Михайлова и Н. С. Плотникова). — Т. 3. — М.: Три квадрата, 2004. — С. 240; 2. Там само. — С. 16; 3. *Дильтей В.* Сущность философии. — М.: Интрада, 2001. — С. 109; 4. *Дильтей В.* Построение исторического мира... // Указ. твір. — С. 278, 283; 5. Там само. — С. 117; 6. *Арон Р.* Избранное: Введение в философию историю — М., СПб.: Университетская книга, 2000. — С. 250; 7. *Hodges H. A.* The Philosophy of Wilhelm Dilthey. — London: Roulledge & Kegan Paul, 1952. — P. 49; 8. *Хайдеггер М.* Исследовательская работа Вильгельма Дильтея и борьба за историческое мировоззрение в наши дни. Десять докладов, прочитанных в Касселе (1925 г.) // Шпет Г., Хайдеггер М. Два текста о Вильгельме Дильтее. — М.: Гнозис, 1995. — С. 154; 9. *Дильтей В.* Построение исторического мира... // Указ. твір.- С. 119; 10. *Ортега-и-Гассет Х.* Вильгельм Дильтей и идея жизни // Метафизические исследования (Санкт-Петербург). — 1998. — Вып. 7. Сознание. — С. 263 — 270; 11. *Дильтей В.* Построение исторического мира... // Указ. твір. — С. 63; 12. Там само. — С. 49; 13. Там само. — С. 55; 14. *Михайлов И. А.* Переписка Дильтея и Гуссерля. Экзистенциальные истоки феноменологии // История философии. — № 1. — М., 1997. — С. 80; 15. *Фреге Г.* О смысле и значении // Фреге Г. Логика и логическая семантика. Сборник трудов (Пер. с нем. и ред. Б. В. Бирюкова). — М.: Аспект-Пресс, 2000. — С. 231 — 232; 16. *Маккрил Р. А.* Творческая сила истории и построение исторического мира у Дильтея // Герменевтика. Психология. История. [Вильгельм Дильтей и современная философия]. Материалы научной конференции РГГУ (Под ред. Н. С. Плотникова). — М.: Три квадрата, 2002. — С. 56.

ОТКРЫВАЕМ ДИСКУССИЮ

**А. Я. Аноприенко, канд. тех. н.,
Донецкий национальный
технический университет**

НООРИТМЫ И ВРЕМЯ В ИНФОРМАЦИОННУЮ ЭПОХУ

Концепция нооритмов предлагается в качестве достаточно простой и эффективной модели мировой динамики. Космогенный характер основных периодических процессов является основной идеей концепции нооритмов. Рассматриваются также основные особенности феномена времени в информационную эпоху.

Ключевые слова: Феномен времени, исторические ритмы, мировая динамика, циклы Кондратьева, циклы солнечной активности, динамика ноосферы, информационная эпоха

Актуальность темы определяется целым рядом взаимосвязанных факторов. Среди них в первую очередь можно назвать, то, что человечество впервые в своей истории несколько десятилетий назад получило в своё распоряжение оружие, позволяющее в случае глобального конфликта многократно уничтожить не только цивилизацию, но и все живое на Земле. Естественно, что в таких условиях хотелось бы видеть более прогнозируемое будущее, позволяющее предусмотреть и минимизировать риск стихийных конфликтов. Еще одним фактором является нарастание эсхатологических настроений, связанных с преодолением особых дат последнего времени таких, как рубеж тысячелетий или, например, 2012 год, а также — с углублением целого ряда цивилизационных кризисов, связанных с ухудшением экологической ситуации, исчерпанием невозполнимых ресурсов, возрастанием опасности масштабных техногенных катастроф. В таком контексте необходимы достаточно весомые основания для исторического оптимизма, позволяющие в любой критической ситуации видеть «свет в конце туннеля» и ве-

речь в то, «черная полоса» в жизни неизбежно сменится более светлой. И последнее: стремительная глобализация всех процессов в условиях развертывания информационной эпохи неизбежно приводит к тому, что степень синхронизации человеческого сообщества резко возрастает и усиливается влияние разного рода ритмических феноменов, которые ранее достаточно явно проявлялись лишь при определенных обстоятельствах и в определенных местах. При этом именно информационная эпоха, обеспечивая накопление и обработку невиданных ранее по объемам информационных массивов, создает предпосылки для того, чтобы увидеть, наконец, закономерности, еще совсем недавно оставшиеся в основном незамеченными, а значит — и непонятыми.

Цель исследования заключается в выявлении таких ритмических закономерностей в динамике мировой истории, которые имеют чрезвычайно устойчивый характер, и в построении на этой основе достаточно достоверных и относительно простых моделей, позволяющих более полно и системно объяснять прошлое и относительно достоверно прогнозировать будущее.

При этом решаются следующие **задачи**:

1. Анализируются и систематизируются различные феномены антропокосмической синхронизации, так как именно космические циклы являются наиболее мощным ритмообразующим фактором на Земле.

2. На базе выявленных и отобранных феноменов строится достаточно простая комплексная модель, позволяющая максимально согласовать наиболее обоснованные гипотезы о ритмических закономерностях исторического времени и учесть возможное взаимное влияние различных ритмов.

3. В дополнение к построенной модели детально анализируются новейшие и наиболее актуальные изменения во взаимоотношениях человека со временем, характерные для новой информационной эпохи.

Основным объектом исследования при этом является феномен времени в контексте истории цивилизации, а **предмет** исследования — ритмические закономерности, определяющие динамику и характер цивилизационного развития. Особое внимание уделяется также выявлению новых явлений во взаимоотношениях человека со временем, характерных для наступающей информационной эпохи.

Основная идея исследования заключается в утверждении, что такие базовые закономерности в динамике развития цивилизации как циклы Кондратьева [1] достаточно хорошо прослеживаются не только в экономических процессах последних столетий, но и проявляют себя самыми разнообразными способами на протяжении

всей человеческой истории, что заставляет предполагать их космогенный характер. При этом степень их влияния на цивилизационные процессы также носит устойчивый периодический характер, постепенно усиливаясь и затухая в рамках 500-летних периодов. Достижение наибольшей амплитуды таких колебаний приводит к наиболее фундаментальным изменениям в жизни человеческого общества. В частности, на очередном гребне такой волны в настоящее время происходит переход цивилизации в стадию ноосферы, что наиболее наглядно видно на примере современных информационных технологий, позволяющих на практике реализовать идеи ноосферы в виде принципиально новых возможностей для развития Коллективного Разума. Кроме этого характер проявления циклов Кондратьева существенно зависит от их взаимодействия с другими периодическими процессами космогенного характера, в первую очередь с циклами солнечной активности (циклами Чижевского [2]). При этом взаимосвязанное влияние данных циклов прослеживается тем более явно, чем более интегрированной и информационно насыщенной является цивилизация. Соответственно, в стадии ноосферы, в условиях ускоренной глобализации всех процессов цивилизационного развития, различные проявления указанных циклов могут приобрести ярко выраженный глобальный характер. В связи с этим в 1994 году *для всего комплекса взаимосвязанных космогенных циклов было предложено обобщающее название «нооритмы»* [3]. В работах [4] концепция нооритмов получила дальнейшее развитие, а к 2007 году основные результаты были опубликованы в монографии [5].

Классификация феноменов космогенной синхронизации

Человек связан с космосом тысячами нитей. Наиболее ощутимы из них те, которые существенно влияют на ритм нашей жизни. Такую взаимосвязь логично рассматривать как своеобразную *антропокосмическую синхронизацию*. Наиболее естественным вариантом классификации различных проявлений такой синхронизации является привязка к длительности синхронизирующих периодов. В этом случае смена дней, месяцев и лет может рассматриваться как наиболее очевидный и естественный диапазон проявлений подобной синхронизации. В совокупности эти ритмы могут быть обозначены как *макрофеномены*. Периоды, связанные с секундными и более короткими интервалами времени, определим как *микрофеномены*. Их космический характер гораздо менее очевиден, но в современных условиях уже вполне может быть доказуем. Наименее очевид-

ны проявления и космическая предопределенность многолетних периодов, длительность которых составляет от нескольких лет до тысячелетий. Их определим как *мегафеномены* и именно им уделим наибольшее внимание в последующем рассмотрении.

В интервале между секундными и суточными ритмами ярко выраженных периодических процессов антропокосмической синхронизации практически не наблюдается. Но и в этом случае «разметка» человеческого времени, по-видимому, напрямую связана с космическим факторами.

С высокой степенью вероятности можно, например, утверждать, что *глубинные истоки выбора существующей длительности минуты и часа были связаны с наблюдением за динамикой движения относительно звезд Луны*, которая за часовой период перемещается практически точно на полградуса, т.е. на расстояние своего диаметра, а за минуту — на минимально различимое человеческим глазом расстояние в 0,5 угловой минуты. Минутный интервал соответствует также периоду видимого перемещения Солнца по небосводу точно на полградуса, т.е. на расстояние своего диаметра. Другими словами, можно утверждать, что *длительность нашего часа первично предопределена движением Луны (подобно месячному делению), а длительность минуты — видимым движением Солнца (подобно суточному делению)*.

Космическая предопределенность *микрофеноменов* наиболее ярко проявляется на примере секундных интервалов, происхождение которых традиционно связывалось исключительно с ритмом сердцебиения человека. Но выявление в 1967 году таких космических объектов как пульсары заставляет предполагать возможность и своеобразной космической модуляции основного человеческого микроритма в 1 Гц.

Значительно сложнее обстоит ситуация с мегафеноменами антропокосмической синхронизации, что обусловлено как большой длительностью, затрудняющей их наблюдение и накопление фактической информации, так и неочевидностью большинства их проявлений. Но сегодня можно уже с уверенностью утверждать, что многолетние длиннопериодические влияния являются одним из важнейших факторов, определяющих динамику всемирной истории. И именно ввиду того, что проявляются такие влияния в первую очередь через изменения в разумной деятельности человека и общества, наиболее целесообразным является использование понятия «нооритмы» («циклы разума») в качестве обобщающего названия для всего комплекса соответствующих циклов.

При этом *50-летние циклы*, судя по всему, являются основным элементом синхронизационных мегафеноменов. Из космических

феноменов с 50-летней периодичностью следует обратить внимание на соответствующие пульсации яркости Сириуса, известные еще в древности и связанные с тем, что он является динамической системой из 2-х звезд, период вращения которой как раз и составляет 50 лет. Возможно, это далеко не единственный космический феномен, проявляющий себя с такой периодичностью, и при целенаправленном поиске могут быть выявлены и другие. Основным фактором проявления 50-летних циклов являются периодические *массовые изменения в характере высшей нервной деятельности*, грубым аналогом которых являются суточные колебания человеческой активности. При этом «ночной» полупериод цикла характеризуется преобладанием явлений социальной деградации и дезинтеграции, и, наоборот, в «дневном» полупериоде определяющими являются тенденции прогрессивной эволюции и интеграционные процессы. Сильно упрощенной аналогией указанных явлений может служить контраст между бодрствующим и спящим человеком. Во сне спящий отнюдь не ощущает себя частью человечества и практически ничего не значит ни для общества, ни для всемирной истории, что вполне соответствует его «растительному» состоянию. Аналогом бодрствующего человека является «дневное» создающее человеческое общество, целенаправленно преобразующее мир к лучшему.

Взаимодействие циклов Кондратьева и Чижевского

Многолетняя динамика исторического развития формируется главным образом как результат *специфического взаимодействия «12-летних» циклов Чижевского и «50-летних» циклов Кондратьева*. Аналогом такого взаимодействия в макродиапазоне являются суточные циклы в пределах недельных периодов. Человеческая деятельность при этом носит ярко выраженный пульсирующий характер с суточной периодичностью, модулированной недельным циклом. Характер дневной и ночной деятельности при этом может быть весьма различным в зависимости от дня недели. Аналогично, в микродиапазоне так соотносятся сердечный пульс и дыхательный цикл. Причем, известно, что для всех животных частота этих процессов довольно жестко связана с их размерами и массой тела [6]. Применение аналогичных расчетов к рассматриваемым нами мегаритмам дает нам размеры и массу «животного» галактического масштаба. В связи с этим есть смысл напомнить, что еще Платон в «Тимее» достаточно уверенно утверждал, что космос есть живое существо.

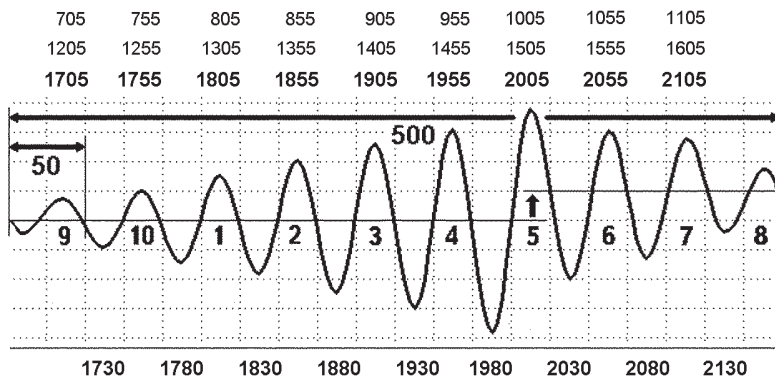
Амплитуда 50-летних колебаний подвержена в свою очередь своеобразной модуляции в пределах 500-летних периодов, что приводит к различной степени выраженности 50-летних циклов в различные периоды истории. Они то практически затухают, то возрастают до максимальной амплитуды, что, например, наблюдается как раз в последнее столетие.

На гребнях своеобразного «девятого вала» в период максимальной амплитуды кондратьевских волн общество претерпевает наиболее глубокие качественные изменения и как бы осуществляет своеобразный «скачок» на следующую ступень своего развития, приобретая при этом некоторые принципиально новые качества.

Комплексная модель космогенных мегаритмов

На основании изложенных положений может быть предложена эмпирическая комплексная модель мегаритмов антропокосмической синхронизации, представленная на Рисунке 1 (горизонтальная ось соответствует историческому времени с указанием основных дат верхних и нижних экстремумов, а вертикальная ось — степени проявления «дневных» и «ночных» явлений в развитии общества). Нумерация циклов принята «по Кондратьеву».

Рисунок 1.
Эмпирическая комплексная модель мегаритмов
антропокосмической синхронизации

Как следует из данной модели, на момент написания статьи мы находимся на гребне 5-го цикла, характеризующегося максимальной амплитудой и обеспечивающего качественный скачок на новый уровень развития общества. Сутью этого скачка являются глобальная глобализация всех процессов человеческого развития и переход общества в информационную стадию, на технологическом уровне обеспечиваемый стремительно (по историческим масштабам) формирующейся инфраструктурой Интернет.

Аналогом этого «Великого перехода» являются события 500-летней давности, когда путешествия Колумба и Магеллана открыли эпоху «первичной глобализации». А роль Интернета в ту эпоху играло книгопечатание, позволившее единичные путешествия превратить в факты всеобщей известности.

Следует также отметить, что для текущего периода данная модель практически полностью соответствует традиционному представлению циклов Кондратьева (Рис. 2).

Рисунок 2.
Современный вариант традиционного представления циклов Кондратьева [7]

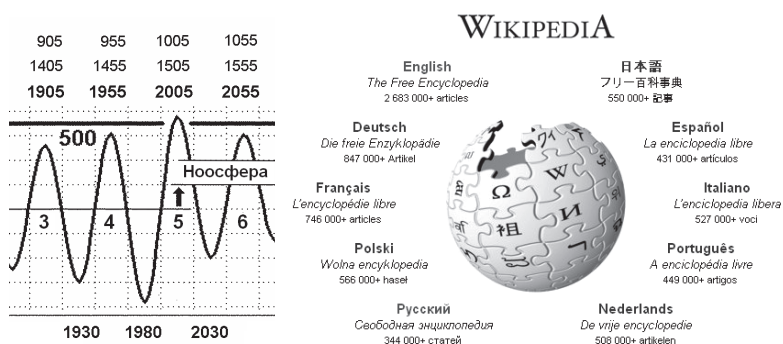

При этом на Рисунке 2 символически направленной вверх стрелкой (изображенной в районе 2000 года) показан качественный переход на пике 5-го цикла Кондратьева, связанный с формированием технического прообраза ноосферы в виде глобальной инфраструктуры Интернет. Речь при этом, естественно, идет не об одной конкретной дате, а примерно о дюжине лет с 2000 по 2012 год, когда через новое поколение веб-технологий (в первую очередь таких, как социальные сети) в активное пользование Интернет-ресурсами

втягивается основная часть социально активного населения мира. В 2010 году был преодолён рубеж в 1 миллиард пользователей Интернет, а концу этого периода через компьютерные сети будет взаимодействовать практически половина населения мира.

Кроме социальных сетей (на постсоветском пространстве это, например, такие сети как «Одноклассники», «В контакте», «Мой мир» и другие), весьма существенную роль в формировании принципиально новой информационной инфраструктуры, ассоциируемой с ноосферой, играют библиотечные и энциклопедические ресурсы нового поколения. Наиболее ярким и характерным явлением такого рода можно считать Википедию, своеобразный логотип которой (Рис. 3) можно считать современным символом ноосферы.

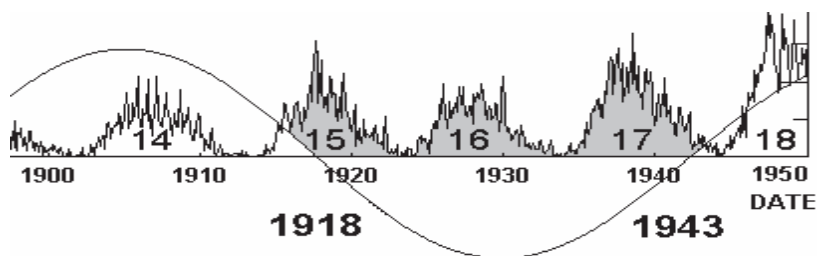
Рисунок 3.
*Переход цивилизации
в стадию ноосферы на гребне 5-й волны (слева)
и логотип Википедии
как современный символ ноосферы (справа) [8]*

В представленной модели (Рис. 1) следует также обратить внимание на одну существенную особенность: в качестве переходных дат между положительными и отрицательными полуволнами рассматриваются годы 1893, 1918, 1943, 1968, 1993, 2018... При этом те из них, которые являются началом периодов спада (например, 1918, 1968...), практически всегда характеризуются ярко выраженными кризисными явлениями, но характер их проявления бывает весьма различным. *Определяется он во многом тем, как соотносится текущая фаза «50-летних» циклов с фазой «12-летних» колебаний.* Так, например, информация, представленная на рисунке 4, позво-

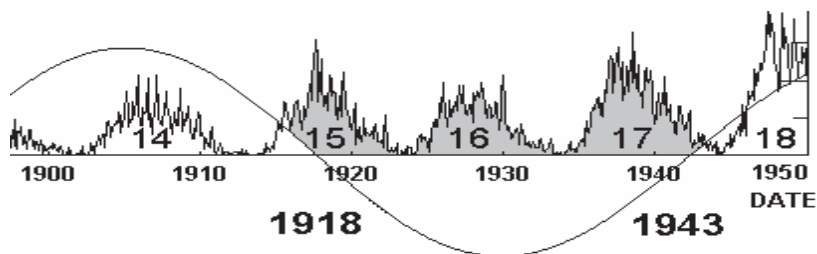
ляет понять, почему столь трагичными и кровавыми оказались последствия «солнечной» активизации масс на пиках 15-го, 16-го и 17-го циклов солнечной активности (используется общепринятая на сегодня нумерация циклов солнечной активности), соответствовавших отрицательному полупериоду «50-летнего» цикла и совпавших в нашей стране с революцией и гражданской войной в 1917-19 годах, коллективизацией и голодом в 1929-33 годах, а также — с пиком репрессий в 1937-м году.

*Рисунок 4.
Взаимодействие циклов Кондратьева и Чижевского
в рамках концепции нооритмов в 1900-1950 гг.*

И, наоборот, в последующей положительной полуволне массовая активность 18-го и 19-го циклов носила преимущественно созидательный характер, результатом чего стала первая волна научно-технической революции (НТР).

*Рисунок 5.
Взаимодействие циклов Кондратьева и Чижевского
в 1950-2050 гг. (после 2010 г. —
прогнозируемые значения)*

Подобно циклам 15-17 разрушительными в целом оказались и циклы 20-22 (Рис. 5), заставившие человечество отказаться от многих утопий эпохи НТР и поставивших мир на грань ядерной войны. А последствия завершающего эту тройку 22-го цикла, рокового для народов бывшего Советского Союза, оказались настолько болезненными, что не позволили в полной мере воспользоваться преимуществами «позитивной» активизации в 23-м цикле. Остается только надеяться на максимально эффективное использование возможностей 24-го цикла. Иначе неизбежные проблемы 25-го и 26-го циклов могут оказаться практически непреодолимыми. Сам же переход к отрицательной фазе «кондратьевской волны» в 2017-2018 гг., совпадающий с минимумом солнечной активности, должен пройти относительно спокойно.

Эволюция представлений о феномене времени

Если исходить из трехэтапного подхода к развитию человечества, предполагающего выделение в истории общества присваивающего, производящего и информационного этапов, то каждому из них может быть поставлено в соответствие преобладающее в данную эпоху понимание феномена времени.

Эпохе присваивающего хозяйства, охватывающей весь период от зарождения человека разумного вплоть до начала неолитической революции (VIII—VII тыс. до н.э.), вполне естественно соответствует понимание времени как исключительно циклического феномена, целиком и полностью детерминирующего жизнь древнего общества. Тысячелетиями жизнь человека палеолита/мезолита слишком медленно и незаметно для отдельных поколений развивалась исключительно «в круге вечного возвращения». Целый ряд артефактов, обнаруженных и понятых лишь в XX веке (в первую очередь т.н. «мальтинская пластина»), убедительно свидетельствует, что и на этом этапе были уже сформированы достаточно сложные модели времени, в основных своих чертах определившие, фактически, современное понимание циклического времени [9].

Глобальный климатический сдвиг X—IX тыс. до н.э., приведший к формированию благоприятных условий для формирования производящего хозяйства, фактически породил идеи линейного времени, связанного с концепцией непрерывного развития (как вариант, на определенных этапах — непрерывной деградаци). Последующий климатический оптимум V—IV тыс. до н.э. относительно быстро (в исторических масштабах) сменился существенно более проблемным климатом. «Деградирующая» концепция време-

ни (от «золотого» века к «железному») в рамках сельскохозяйственного периода производящей эпохи практически на равных конкурировала с различными идеями поступательного развития (прежде всего в рамках духовного и интеллектуального роста человека). Но с постепенным переходом к индустриальному развитию в XV—XVI вв. начали преобладать концепции непрерывного прогресса, достигшие невиданной ранее популярности в XIX—XX вв.

Наступающая информационная эпоха настоятельно требует новых, существенно более продуктивных в когнитивном смысле, подходов к пониманию феномена времени — подходов в первую очередь информационных, логических и ментальных, позволяющих не только развивать наше восприятие времени, но и управлять его развитием. Процесс формирования таких подходов будет отнюдь не быстротечным — мы фактически находимся лишь в начале длительной эволюции. Но некоторые характерные явления, концепции и тенденции достаточно ясно просматриваются уже и сегодня.

Новые явления в информационную эпоху

Из числа наиболее важных новых явлений, имеющих какое-либо отношение к нашему восприятию и пониманию феномена времени, в первую очередь необходимо выделить следующее:

Управление процессами микро- и наносекундного масштаба как массовая возможность и реальность. Практически миллиард пользователей, имеющих в настоящее время доступ к современным компьютерам и компьютеризированным устройствам (например, мобильным телефонам), неосознанно получают опыт чрезвычайно эффективного управления физическими и логическими процессами микро- и наносекундного диапазона. А это означает, что всего за пятьдесят лет человек прошел путь от возможности индивидуального управления лишь несколькими событиями в секунду до управляемого миллиарда событий ежесекундно! Время для человека уплотнялось постоянно на протяжении всей его культурной эволюции, но таких темпов уплотнения еще каких-то сто лет назад невозможно было даже представить.

Практически мгновенный доступ к информационным объектам независимо от их пространственной удаленности в глобальных масштабах. Радио на протяжении последних ста лет и телевидение на протяжении последних 50-ти лет явились фактически лишь подготовкой к той информационной революции, которая развернулась на протяжении последнего десятилетия. Технологической основой этого стало формирование современной инфраструктуры Интернет,

являющейся в свою очередь техническим прообразом будущей ноосферы. В новой информационной среде глобального масштаба практически исчезает привычное соотношение между пространством и временем. Парадигма «мир на кончиках пальцев» вместе с пространством уничтожает и время, необходимое для его преодоления. Более того, появляется практическая возможность одновременно работать с множеством глобально распределенных объектов, управляя процессами, происходящими там, и как бы создавая «эффект присутствия» одновременно во множестве мест в пространстве.

Непрерывность функционирования большинства информационных объектов (в режиме 24x7, т.е. 24 часа в сутки 7 дней в неделю без выходных, отпусков и практически без каких-либо других простоев), что достигается резко возросшей надежностью и многократным дублированием их технической базы. Цивилизация впервые получила возможность полностью синхронизироваться как целостный глобальный организм. Программные роботы поисковых систем в массовом порядке, ни на секунду не останавливая свою работу, с немыслимой ранее регулярностью и тщательностью буквально прочесывают миллионы серверов по всему земному шару в поисках новой информации с целью ее систематизации и предоставления десяткам миллионов клиентов, поток которых также не иссякает ни на секунду. Поток событий, который субъективно служит для нас одной из основных мер времени, не только невероятно интенсифицируется и уплотняется, но и становится практически непрерывным как в глобальном масштабе, так и для каждого индивидуума, вовлеченного в этот процесс.

Многократное возрастание информационной насыщенности исторического времени. Современность, которая становится историей в эпоху Интернет и электронных носителей мультимедийной информации, будет на порядки более насыщена памятью о событиях, мыслях и людях, чем любой, предшествовавший ей период времени. Тем самым оно, «современное прошлое», становится гораздо более близким к настоящему и в существенно большей степени влияет (что, в общем-то, очевидно) и будет влиять на будущее (что пока отнюдь не очевидно), чем что-либо из более давних времен.

Новые концепции и смыслы

Все эти явления фактически означают начало интенсивных изменений в наших взаимоотношениях с феноменом времени не только эволюционных, но и революционных. На концептуальном уровне при этом можно предположить по меньшей мере следующие фундаментальные изменения:

Признание в качестве ведущего фактора (и индикатора) человеческого развития именно информационной компоненты, а не только (возможно, и не столько) — материальной. Причем речь идет о признании этого не исключительно лишь для новой эпохи (что уже представляется вполне естественным), но и для всей человеческой истории. При этом именно отсчет и осмысление времени практически всегда было (и, скорее всего, долго еще будет) в числе важнейших интеллектуальных вызовов каждой из эпох [10].

Осмысление масштабов «вселенского времени» в соотношении с масштабами человеческой жизни. Понимание человека и его времени как гармоничной части организма Вселенной, скорее всего, ее специфической «генетической памяти». В таком смысле человек — это модель и/или своеобразное семя Вселенной, а его время — это своего рода наномодель вселенского времени [11].

Понимание человеческого общества как некоторого промежуточного организма между Вселенной и человеком, время и ритмы которого в определенной степени аналогичны индивидуальным ритмам человеческого организма. В качестве примера такой возможной аналогии можно указать на некоторую степень соответствия между такими специфическими ритмами человека как пульс и дыхание, с одной стороны, и характерными для общественного организма в целом нооритмами Чижевского (синхронными с 12-летним циклом солнечной активности) [12] и Кондратьева (50-летние циклы) с другой стороны.

Особый символический смысл предстоящих столетий

В связи с изложенным нельзя не отметить, что согласно традиции, зародившейся по меньшей мере пять тысячелетий назад, мы сейчас также находимся на рубеже очередной смены эпох. Неуклонно прецессирующая по зодиаку «точка весеннего равноденствия» как бы переводит своеобразную стрелку зодиакальных часов с созвездия Рыб на созвездие Водолея, что, в общем-то, известно практически всем. Но, скорее всего, никто пока не придавал достаточного значения еще одному специфическому звездному феномену, связанному с прецессией и придающему особый символический смысл ближайшим столетиям новой эпохи. Речь идет о прецессионном возвышении созвездия Ориона (с точки зрения Северного полушария), являющегося наиболее антропоморфным звездным символом, ассоциировавшимся в мифологическом сознании древности как со множеством антропоморфных богов, так и с самим человеком в его высших проявлениях. Наибольшее возвышение Ори-

она на небосклоне Северного полушария в ближайшие столетия вполне закономерно символически ассоциировать с возвышением Человека. Такая ассоциация имеет, правда, и обратную сторону, т.к. в этой связи возникает вполне закономерный вопрос: а что дальше? Упадок и деградация? Или нечто другое?

Наилучшим представляется все же максимально оптимистичное понимание символического смысла предстоящих столетий: беспрецедентно возвысившись, человек и человечество перейдут в качественно новое состояние, позволяющее взглянуть на мир уже по-иному, не ограничиваясь земными пространствами и временами отдельных зодиакальных эпох. Что сможет увидеть новое человечество с этих высот, сказать пока сложно, но подумать об этом стоит уже сейчас.

1. *Кондратьев Н. Д.* Большие циклы конъюнктуры // Вопросы конъюнктуры. — 1925. — Т. I. — Вып. 1. — С. 28-79; 2. Див.: *Чижевский А. Л.* Физические факторы исторического процесса. — Калуга: Гостиполитография, 1924. — 72 с.; *Чижевский А. Л.* Космический пульс жизни: Земля в объятиях Солнца. Гелиотараксия. — М.: Мысль, 1995. — 768 с.; 3. Див.: *Аноприенко А. Я.* Концепция нооритмов и ее мировоззренческое значение // Материалы региональной научно-методической конференции «Гуманизация образования в техническом университете». — Донецк: ДонГТУ. — 1994; *Аноприенко А. Я.* Русские циклы. // Тезисы докладов международной научной конференции 12-13 марта 1994 г. «340 лет Переяславской Рады». — Вып. 2. — Донецк. — 1994; 4. Див.: *Аноприенко А. Я., Джура С. Г.* В гармонии с космосом: традиции и артефакты космоэкологии в истории цивилизации // Мудрость Дома Земля. О мировоззрении XXI века. (под ред. В. А. Зубакова). — Санкт-Петербург — Донецк, 2003. — С. 76-87; *Аноприенко А. Я., Джура С. Г.* Феномен времени в информационную эпоху: новые явления, концепции и смыслы // Материалы четвертой междисциплинарной научной конференции «Этика и наука будущего: феномен времени», г. Москва, 24-26 марта 2004 г. — М.: «Дельфис», 2004. — С. 21-23; *Аноприенко А. Я., Морзун В. А.* Нооритмы в судьбе человека и общества: мегафеномены антропокосмической синхронизации // Материалы пятой междисциплинарной научной конференции «Этика и наука будущего: жизнь во Вселенной», г. Москва, 23-25 марта 2005 г. — М.: «Дельфис», 2005. — С. 195-198; 5. *Аноприенко А. Я.* Нооритмы: Модели синхронизации человека и космоса. — Донецк: УНИТЕХ, 2007. — 372 с.; 6. *Шмидт-Нильсен К.* Размеры животных: почему они так важны? — М.: Мир, 1987. — 259 с.; 7. *Акаев А. А.* Современный финансово-экономический кризис в свете теории инновационно-технологического развития экономики и управления инновационным процессом // Мониторинг глобальных и региональных рисков

2008/2009 / Ред. Д. А. Халтурина, А. В. Коротаев. — М.: УРСС, 2009. — С. 141-162 (Электронный ресурс: <http://cliodynamics.ru>); 8. *Аноприенко А. Я.* Цивилизация, ноосфера и нооритмы // Ноосфера и цивилизация: Научный журнал. — Выпуск 7 (10). — Донецк, 2009, — С. 62-69; 9. Див.: *Ларичев В. Е.* Мудрость змеи: первобытный человек, Луна и Солнце. — Новосибирск: Наука, 1989. — 272 с.; *Ларичев В. Е.* Сотворение Вселенной: Солнце, Луна и Небесный дракон. — Новосибирск: Наука, 1993. — 288 с.; *Ларичев В. Е.* Звездные боги. — Новосибирск: Научно-издательский центр ОИГГМ СО РАН; Изд-во Новосибирского ун-та, 1999. — 356 с.; *Anoprienko A.* Interpretation of some artefacts as special simulation tools and environments / «Short Papers Proceedings of the 1997 European Simulation Multiconference ESM'97. Istanbul, June 1-4, 1997» — Istanbul, SCS, 1997, p. 23-26; *Аноприенко А. Я.* Восхождение интеллекта: эволюция монокодовых вычислительных моделей // Научные труды Донецкого гос. тех. ун-та. — Вып. 15. — Серия «Информатика, кибернетика и вычислительная техника» (ИКВТ-2000). — Донецк: ДонГТУ. — 2000. — С. 36-47; 10. Див.: *Anoprienko A.* Interpretation of some artefacts as special simulation tools and environments // Указ. твір; *Аноприенко А. Я.* Восхождение интеллекта: эволюция монокодовых вычислительных моделей // Указ. твір.; *Аноприенко А. Я.* Компьютерное исследование феноменов астроморфного моделирования в контексте когнитивно-культурной эволюции // Научные труды Донецкого гос. тех. ун-та. — Выпуск 29. — Серия «Проблемы моделирования и автоматизации проектирования динамических систем» — Севастополь: Вебер, 2001. — С. 327-345; *Аноприенко А. Я.* Когнитивные мегакарты: опыт реконструкции культурообразующих моделей и образов мира // Научные труды Донецкого нац. тех. ун-та. — Выпуск 39. — Серия «Информатика, кибернетика и вычислительная техника» (ИКВТ-2002). — Донецк: ДонНТУ, 2002. — С. 206-201; 11. Див.: *Аноприенко А. Я.* Когнитивные мегакарты: опыт реконструкции культурообразующих моделей и образов мира // Указ. твір.; *Аноприенко А. Я.* Принцип активного антропоцентризма // Дети Вселенной. — Ноябрь 1998. — № 21 (165); 12. Див.: *Чижевский А. Л.* Физические факторы исторического процесса // Указ. твір.; *Чижевский А. Л.* Космический пульс жизни // Указ. твір.

А. М. Бич

ДУАЛЬНАЯ СУЩНОСТЬ ВРЕМЕНИ

В статье отражены основные теоретические выводы, касающиеся природы времени [1], [2], [3], [4]. Определенной новизной отличается постулат автора о дуаль-

ной сущности времени [5]. Предлагая основные признаки времени, мы исходим из реляционной концепции времени, принятой в теории относительности. Учитывая, однако, существующий в науке разброс представлений о сущности времени, мы вносим некоторые уточняющие формулировки, что, на наш взгляд, должно способствовать утверждению единого представления о том, что такое время.

Ключевые слова: время, дуальность времени, интервал времени, темп времени, направленность времени.

I. Происхождение времени

В теории относительности физический смысл времени совершенно определенно связан с взаимодействиями материальных тел (систем). А. Эйнштейн конкретизировал такое представление следующим образом: «О точках пространства и моментах времени говорили так, как будто они были абсолютной реальностью. Не замечалось, что истинным элементом пространственно-временной локализации является событие (выделено мною — А.Б.)» [6].

Поскольку любые события, это всегда изменение состояния и/или положения материальных тел, то говорить о происхождении времени, это значит, прежде всего, говорить о причинах постоянной и непрерывной изменчивости мира, о вечном движении материи.

В этом первооснова происхождения предвремени, а, следовательно, и времени.

— Предвремя

Но почему любые реальные события мы связываем вначале с возникновением *предвремени*, а только затем после фиксации события наблюдателем, отмечаем их как показатели *временные*?

Потому, что событий, случающихся в бесконечно огромном мире не только великое множество, но они и безгранично разнообразны. При этом все события характеризуются самыми разными характерными для них качественными показателями: запахом и вкусом, плотностью и температурой, яркостью и звуком... Но вот, что существенно. *Какие бы события не случались в бесконечной Вселенной они все и всегда* кроме различных индивидуальных признаков, присущих конкретным событиям, *характеризуются тремя близкими по смыслу показателями, демонстрирующими саму изменчивость событий, а именно:* длительностью конкретного события, интенсивностью его протекания, определенной последовательностью событий.

Вот в этих проявлениях, демонстрирующих изменимость природы, и проявляется суть происхождения истоков времени — предвремени.

Предвремя — это показатель длительности объективных событий, которые могут случаться в любой точке Вселенной, но которые пребывают вне сферы внимания человека-наблюдателя.

Казалось бы, только что изложенное достаточно очевидно... Но очевидно также и то, что и понятие предвремени и его определение находятся (как это не удивительно) вне сферы официальной современной науки, изучающей время... *И это всегда открывало (и открывает) дорогу тысячелетнему мифу о том, что полноценное время существует в Природе самостоятельно, без участия человека.*

Подчеркнем, что *при переходе от предвремени к полноценному времени изменяется наполненность характеристик события смысловым содержанием, но изменяется также и их название. Интервал длительности события превращается в интервал времени, интенсивность события (интенсивность смены событий) превращается в темп времени...*

Несколько условно, мы допускаем, что первое же упоминание наблюдателя, о некоем событии, превращает неопределенные длительности события в условно *временные* характеристики этого же события.

II. Три коренных признака времени

Признаки, которые будут рассмотрены ниже, прежде всего, характеризуются одной общей для них особенностью: они являются неизбежными показателями любых событий изменяющегося мира.

— *Интервал времени* (в предвремени — длительность события).

Интервал времени, — это временная длительность между двумя, установленными моментами времени (двумя определенными событиями).

При этом сам процесс отражения человеком длительностей объективной или субъективной реальности может осуществляться как с помощью выбранных им масштабов времени и специально изготовленных устройств (часов), так и без специальных способов и устройств, но с участием психики человека, реагирующей на временные длительности, случающиеся как во внешней среде, так и внутри человека. Отражение длительностей некоторых событий может осуществляться также и с помощью различных природных явлений, например, донных отложений, соответствующих по времени лунным циклам или с помощью таких образований как годовые кольца на срезе деревьев.

При этом главное заключается в том, что сам **процесс осознания** отраженных, а значит в той или иной мере сосчитанных длительностей, осуществляется всегда **только** с участием человека-наблюдателя.

— *Темп времени* (в предвремени — интенсивность событий, интенсивность их смены).

Темп времени — это показатель, с помощью которого наблюдатель характеризует замедление или ускорение хода времени. В частности, темп времени характеризует интенсивность изменяющихся событий.

Примечательно, что, интервал и темп времени жестко взаимосвязимы и обусловлены длительностью каждого конкретного события. Эти характеристики связаны между собой обратно пропорциональной зависимостью: *чем больше темп времени, (чем быстрее в системе происходит смена событий), тем меньше интервал времени между определенными моментами времени... И наоборот...*

— * *Направленность (стрела) времени* (в предвремени — последовательность событий...).

Направленность времени — это движение времени из прошлого через настоящее в будущее в результате причинно-следственного чередования изменяющихся событий

Направленность времени — признак взаимонезависимый как в отношении интервала, так и в отношении темпа времени. Этот признак с изменением конкретных состояний и положений событий не связан.

Направленность времени это также, *психологическое восприятие человеком реалий изменяющегося мира*. При этом наблюдателем фиксируются (и осознаются как движения времени) изменения как внешних субъектов живой и неживой природы, так ощущаются и осознаются изменения в самом индивидууме.

Проблема направленности времени стала особенно актуальной, когда ученые предприняли попытки обосновать однонаправленность времени и осознали, что в мире есть иные однонаправленные явления. Проблема представлялась такой: почему время движется в одном направлении, а если не в одном, то как объяснить, что оно может (и при каких обстоятельствах) течь в направлении противоположном?

...И начались «научные страдания», продолжающиеся, и по сей день. Не обошли вниманием эту «стрелу» и такие знаменитые ученые (физики и философы): *Фихте, Шеллинг, Карно, Клаузиус, Больцман, Эддингтон, Винер, Рейхенбах, Уитроу, Поппер*, и многие другие [7].

Не имея возможности в рамках настоящей работы подробно анализировать проблему однонаправленности времени, констатируем вывод:

Психологическая стрела времени не «задается в нашем мозгу термодинамической стрелой времени, что допускает Стивен Хокинг. Эти так называемые «стрелы» совпадают по направлению только потому, что в их основе лежит единый и общий для них процесс — причинная последовательность движения материи на микроуровне — движения из прошлого в будущее. Причем темп времени в конкретной локальности определяет скорость энтропийных событий, а не наоборот.

В таком понимании направленности времени большой новизны нет. Достаточно вспомнить взгляды Готфрида Лейбница или представления о направленности времени нашего современника профессора А. Чернина [8].

Необходимо подчеркнуть, что: Направленность времени из прошлого в будущее остается неизменной, даже если сами события в результате каких-то действий приобретают состояние, которое у них было в прошлом или занимают положение, которое они занимали раньше. *В полной мере это относится и к «волнующей» проблеме К — мезонов.*

Высказанная точка зрения находит подтверждение в работе профессора Ю. Мазурина: «В действительности ни обратимость, ни необратимость изменений системы не означает ни обратимости, ни необратимости, ни направленности времен...» [9].

III. Новый времяформирующий фактор

Присмотримся внимательнее к роли времяформирующих факторов, т.е. факторов, от которых зависит собственное время тел. *Теория относительности ввела и узаконила два времяформирующих фактора. Это гравитационное воздействие на тело и это — скорость движения тела относительно некой системы координат.*

В теории относительности принято допущение о том, что при увеличении гравитационного воздействия на тело, в нем замедляется ритмика его процессов. Из такого понимания вполне логично следует, что замедление ритмики внутренних процессов замедляет и собственное время тела в целом как системы... Считается также, что и увеличение скорости тела в связи с ростом его инертной массы (а, следовательно, и полной) тоже замедляет ритмику процессов. Как следствие, и в этом случае замедляется собственное время тела.

Зададим себе вопрос, есть ли в мире такие события, длительность которых (а значит и время) зависит не только от гравитации и скорости? Ответ, как ни странно, представляется положительным, хотя сразу он и не очевиден.

Поясним это с помощью мысленного эксперимента.

Предположим, что в некоей локальности Вселенной расположены два массивных космических объекта. Допустим, что *массы у них равны и они неподвижны друг относительно друга, и у них единая система координат*. Но одно тело давно остыло почти до абсолютного нуля, а второе (звезда) готово вот-вот взорваться. В холодном теле замерли все движения, практически о какой либо значительной величине кинетической энергии движения молекул и говорить не приходится, замедлились даже колебания атомов и элементарных частиц. Энергетически, холодное тело находится как бы в предсмертном состоянии, оно как будто бы уже готово перейти в фазу энтропийного тупика.

Зато второе тело прямо перенасыщено энергией. «У этих тел будет одинаковое собственное время», — заявляет знаток ТО и добавляет — «почти». *С позиции ТО он прав, потому что оба тела покоятся относительно единой системы отсчета и гравитационные поля, в которых они находятся, будут почти одинаковыми. Иными словами, в этом случае оба времяформирующих фактора ТО оказались не существенными, т.е. почти не задействованными.*

При этом энергия излучения энергонасыщенной звезды (даже перед самым ее взрывом) будут относительно *малы по сравнению с ее внутренней энергией*. Дело в том, что в наших телах происходят необратимые неравновесные процессы, — нет равновесия между количеством энергии, которая возникает в теле и энергией, которая излучается вовне. А, следовательно, и вклад излучений от активной звезды в формировании локального гравитационного поля, (а, следовательно, и собственного времени тел) будет несопоставимо мал по сравнению с времяформирующим воздействием внутренней энергии в самой звезде.

Важно подчеркнуть, что энергонасыщенность каждого макротела, это, вероятно, один из важнейших показателей его состояния. Этот показатель есть результат как воздействий извне, так и результат множества взаимодействий на микроуровне в самом макротеле. Следовательно, каждое отдельное взаимодействие и длительность каждого отдельного микрособытия в макротеле происходит на фоне обобщенной энергонасыщенности.

Допустимо следующее утверждение: Любые факторы, которые изменяют состояние и/или положение тела являются времяформирующими, при этом энергонасыщенность тел является результатом и обобщающим показателем множества взаимодействий.

IV. Проблема движения времени

Постоянные и практически непрерывные изменения вокруг нас, конечно же, обусловлены вечным движением материи во Вселен-

ной и могут трактоваться как постоянные изменения материально-энергетических событий и их чередование

Мы все, вне зависимости от образования и возраста, от рода занятий и от понимания сущности времени ощущаем, что вокруг нас и внутри нас нечто постоянно происходит, движется. Причина неизбежности движения времени проста: *если предвремя, (а значит и время) по главной своей сути, это не только длительность событий, но и интенсивность смены событий, то всеобщая объективная изменчивость мира как раз и порождает непрерывное движение времени.*

Примечательно, что человек не просто погружен в это постоянное движение времени, но и сам непрерывно движется во времени, поскольку сам непрерывно меняется, как и любой иной живой или косный субъект Вселенной.

Психологически суммарное восприятие множества самых разнообразных движений-изменений мы воспринимаем как последовательное движение от того, что было раньше к тому, что происходит сейчас, т.е. принимаем именно как движение (ход, течение) времени. В общем случае ход времени обусловлен любым изменением состояния и/или положения материально энергетического события.

При этом именно последовательная смена событий наиболее наглядно и однозначно, воздействуя на наше восприятие, демонстрирует нам конкретное — локальное движение времени в изменяющемся мире.

Кстати, как к такому пониманию относится высокая наука? В данном случае нам повезло. Напомним еще раз одно из значительных положений Эйнштейна. *«О точках пространства и моментах времени говорили так, как будто они были абсолютной реальностью, не замечалось, что истинным элементом пространственно-временной локализации является событие»* [10].

— *Скорость движения времени*

Наше психологическое восприятие изменчивости мира ничего нам не говорит о количественной величине этого движения, т.е. о скорости хода времени. Самое большое, на что мы способны, так это выделить отдельные события из бесконечного множества событий иных... Причем выделить-осознать скорость их осуществления не конкретно количественно, а сравнить их с другими событиями на уровне непосредственного эмоционально-рассудочного восприятия. Но такое ощущение реальности не только не дает возможности количественно оценить ход времени — оно с неизбежностью субъективно-ориентировочное.

Что касается наших возможностей оценивать события, которые воспринимаются нами как неподвижные, например, относительно земли, а основные изменения при этом происходят внутри носите-

лей события (например, на микроуровне) то тут наши субъективные возможности оценивать временные длительности этих событий, равны нулю. Именно по этой причине подобные события не участвуют в становлении нашего психологического времени.

В случае же, когда главной особенностью события является процесс пространственного смещения носителя события, относительно системы координат, то о таком событии удобнее говорить, что оно обладает для наблюдателя именно скоростью времени. И оценивать в этом случае скорость времени, это значит соотнести пройденное телом расстояние с эталонной единицей времени.

Для относительно точной оценки временных характеристик наблюдаемых событий нам необходимы и более точные методы оценки длительностей и интенсивности событий — часы, и определенные меры (масштабы) времени с которыми мы имели бы возможность сравнивать наблюдаемые характеристики событий.

Что касается масштабов (мер) времени, то человечество давно определилось, используя для этих целей относительно постоянные периодические процессы, в частности периоды обращения Земли вокруг своей оси и вокруг Солнца, периоды лунных движений и другие астрономические явления. С XX века используется периодичность излучения атомов, например, атома Цезия — 133. Естественно, и эталонная единица времени — секунда, привязана к постоянной периодичности атомных излучений.

Можно констатировать следующее:

1. Любые временные характеристики всегда возникают в связи с изменениями конкретного носителя события, а из этого следует, что единого времени в природе нет, а есть только индивидуальное время того или иного события. И относится это как к временным характеристикам, проявляющимся в событиях на микроуровне, так и ко времени макротел вообще. Время во вселенной локально-когерентно. Практически оно изменяется от точки к точке, от момента к моменту как в связи с изменением напряженности гравитационного поля, так и в связи с изменением эргонасыщенности пространства.

2. Изменяющаяся реальность, постоянно воздействующая на людей, психологически воспринимается каждым индивидуумом (и человечеством в целом) не просто как движение времени, но и как движение времени с определенной интенсивностью — скоростью.

V. Собственное время тел — носителей событий

По существу новый времяформирующий фактор утверждает, что увеличение плотности внутренней энергии тела (по крайней мере, если тело является неравновесной энергетической системой)

приводит к росту темпа его собственного времени, а, следовательно, и к росту скорости локального времени [11], [12], [13], [14].

Теория относительности предлагает следующую формулировку собственного времени тел. «...Время событий, происходящих в данной инерциальной лаборатории, называется собственным временем, когда оно измеряется по часам той же лаборатории (системы отсчета)» [15].

Существует в современной науке и другое определение собственного времени тел:

Собственным временем материального объекта называют время, отсчитываемое по часам, движущимся вместе с данным объектом.

Оба определения утверждают, что поскольку объект (тело) смещен с системой отчета (часами), то, во-первых, относительного перемещения у часов и объекта (тела) нет. А, во-вторых, время событий, демонстрируемое на часах, зависит как от величины гравитационного поля, в котором находится тело, так и от совместной скорости часов и тела. И, наконец, в-третьих, *тело вместе с часами движется не в пустоте, а в реальной физической среде*. Именно это последнее обстоятельство и требует уточнения. Ибо часы, смещенные с телом, с неизбежностью будут показывать разное время в зависимости не только от различной скорости движения объекта (тела) и гравитации, но и от состояния самого тела — от его энергонасыщенности. А энергетическое состояние тела будет различным в зависимости от того как оно будет воспринимать те или иные столкновения с различными субъектами внешней среды... То есть частные проявления взаимодействия движущего тела, например, с фоновыми частицами, не всегда и не абсолютно зависят только от скорости движения тела. Кроме того неизбежно, что каждое из тел, движущихся в одной локальности, будет в один и тот же момент времени сталкиваться с различными материальными субъектами. А, следовательно, приходится признать, что в однородном гравитационном поле и при движении тел с одной и той же скоростью, относительно единой системы координат, каждое тело испытывает различные воздействия. И это по-разному будет влиять на плотность внутренней энергии конкретного тела.

Таким образом, собственное время движущегося тела обязательно будет зависеть как от двух факторов ТО (гравитации и скорости) так и от внутреннего состояния самого тела.

И тут просматривается маленькая неточность. Теория относительности справедливо подчеркивает, что для фиксации любых временных характеристик любого события необходимы часы, смещенные с носителем события. Но где конкретно должны быть часы? Впереди тела или сверху или сбоку? Вопрос только при са-

мом поверхностном подходе может показаться несерьезным. По существу же затрагивается важная проблема: на какие воздействия должны главным образом реагировать часы? Какие изменения носителя события способны фиксировать часы, изменяя свои показания? Иными словами представления теории относительности будут абсолютно верными, если показания часов, совмещенных с носителем события, будут решающим образом зависеть от всех (или большинства) наиболее существенных факторов, влияющих на изменение состояния и/или положения тела — носителя события.

Но в таком случае, часы не могут быть произвольным образом совмещены с телом. Это обстоятельство и побуждает нас внести небольшие изменения в формулировку термина «собственное время» тела (материальной системы).

Собственным временем тела (системы) следует считать время, отсчитываемое по часам, расположенным в центре масс тела, и движущимся вместе с данным телом относительно реальной физической среды.

В настоящем определении, таким образом, сохраняется положение теории относительности о независимости собственного времени тел от произвольных систем отсчета, а также сохраняется зависимость собственного времени тел от их скорости перемещения и от гравитационного поля, в котором они движутся. Но, кроме того, вводится новое положение о зависимости собственного времени тел от плотности их внутренней энергии, зависящей в частности и от содержания, и состояния физической среды, взаимодействующей с телом.

В связи с тем, что практически все тела Вселенной входят в состав той или иной гравитационно-связанной системы особое значение приобретает определение собственного времени тел в этих системах. Математическая зависимость локального темпа времени в этих системах от основных времяформирующих факторов показана в предыдущих работах автора, например, [16], [17].

— Собственное внутреннее время

О внутреннем времени некоторые современные ученые говорят, как о чем-то очень-очень значительном и необычном. Убеждая себя, и друг друга, они полагают, что стоит только познать, например, внутреннее время биологических систем и никаких проблем с пониманием сущности биологического времени не останется... Это преувеличение... Вывод, по нашему мнению, может быть единственным: *никакое «новое внутреннее время» (в понимании Пригожина) в условиях нестационарных процессов не возникает, потому что не только в определенных условиях при необратимых процессах, а всегда, когда в системе нарушается энергетическая стабиль-*

ность, присутствующее в любой системе «старое» собственное время меняет свои характеристики. Изменяется темп времени, а, следовательно, и интервалы внутренних событий. И ничего более.

VI. О единстве пространства-времени и ...материи

Мы исходим из следующих представлений:

1. Пространство, это бесконечная и непрерывная материально-информационная сущность, способная в общем случае изменять свое состояние и положение.

2. Все гравитационно-связанные системы, объединенные гравитационными взаимодействиями представляют собой различное единство пространства-времени, сущность которых сводится к взаимодействию конкретной материи с определенной интенсивностью.

С учетом вышеизложенного можно представить три различных типа единства пространства-времени: *первый тип — единство понятийное, второй тип — единство относительно жесткое.*

Третий тип — единство жесткое и неделимое.

Если динамический прирост внутренней энергии приводит к изменению и состояния, и положения системы в целом раньше, чем поступившая (возникшая) энергия успеет релаксировать в окружающую среду, то в такой системе с неизбежностью происходит нарушение кривизны пространства-времени. В таких (и только в таких) случаях следует утверждать, что пространство и время объединены в жесткое и неделимое единство.

VII. Определение понятия дуального «Времени»

С учетом ранее принятых нами положений, понятие «Время» следует в самом общем виде трактовать, как явление дуальное. Дуальность (двойственность) времени состоит в том, что это явление комплексное и включает в себя два несовместимых (или частично совместимых) сущностных начала, два уровня: объективный физический уровень и уровень субъективный (ментальный).

Первый уровень, это *объективное* возникновение длительностей в изменяющейся Вселенной — проявление предвремени.

Второй уровень, это *субъективное* первичное отражения (сочитывания и оценка) длительностей земными наблюдателями и перевод, таким образом, предвремени в категорию полноценного времени [18], [19].

Этот уровень включает в себя **различные способы** фиксации длительностей. Например, как уже отмечалось, в физическом (астрономическом) времени фиксация осуществляется человеком с помощью периодических событий, принятых в качестве масштабов времени, с использованием часов и эталонной секунды.

Что касается биологического времени, то, не имея возможности остановиться на этой проблеме подробно, можно только констатировать, что в ранее выполненных работах, автором предложены десять типов психологических часов [20], [21]. В каждом из которых фиксация длительностей и внешних по отношению к индивидууму, и внутренних осуществляется с использованием его психики и сознания. При этом состояние психики в свою очередь характеризуется плотностью внутренней энергии человека и корректируется его сознанием. Приведем, в качестве примера только два типа психологических часов. При разработке различных типов восприятия длительностей в биологическом времени автор использовал великолепную монографию профессора Одесского государственного университета имени И. И. Мечникова Бориса Цуканова [22].

Первый тип психологических часов соответствует как уровню естественного (стабильно равновесного) психоэмоционального состояния индивидуума, так и состоянию его сознания в фазе обычного активного бодрствования, — эта зона стабильности «т-ритмов».

Тут «т-ритмы», характеризующие состояние индивидуумов соответствует «т-типам» Цуканова и выполняют выполняет функцию меры времени, относительно которой оцениваются и непродолжительные внешние длительности, и темп собственного времени индивидуумов. Длительности сосчитываются с ограниченным участием сознания. В зоне стабильности масштаб времени различен у представителей определенных психологических типов. Например, представители холероидной группы являются крайне «спешащими» и живут в постоянном субъективном дефиците времени. Время для них кажется «летающим»... А представители меланхолидной группы не испытывают субъективного дефицита времени. Время для них «стоит», они как бы заморожены и обездвижены в нем...[23]

...Четвертый тип психологических часов соответствует уровню резкого *кратковременного* психического возбуждения индивидуума.

Тут мера времени — нервно-психическое возбужденное состояние индивидуума. При этом «т-ритмы» значительно превышают единицу и характеризуются нестабильностью, а сознание (понимание — индивидуумом окружающей среды) подавлено.

При *внезапной взвинченности* нервной системы (испуг, паническое возбуждение...) собственное время резко ускорено, а внешние длительности, напротив, воспринимаются как значительно замедленные (растянутые). (Летчик, в самолёт которого попал снаряд, видит, как очень медленно разрушается конструкция самолета).

Констатируем главное: изменяемость мира порождает неизмеренные (несосчитанные и непрочувствованные) длительности — предвремя. Зафиксированные, измеренные и/или субъективно прочувствованные (осознанные) наблюдателем длительности становятся полноценным временем, принятым в земной цивилизации. Цельное понятие времени дуально, поскольку включает оно как объективную, так и субъективную реальности нашего Мира.

Время, таким образом, — это фиксация и отражение наблюдателем длительности, интенсивности и последовательности, объективных и субъективных причинно-следственных событий с последующим их осознанием человеком —наблюдателем.

Определенным исключением дуальности времени являются случаи биологического времени, когда и возникновение, и ощущение, и осознание длительностей внутренних событий сосредоточено в одной живой системе — в наблюдателе.

Если воспользоваться гениальной формулой Спинозы: «*Время — это сосчитанная длительность*», то, немного дополнив ее, (введя «наблюдателя») можно сформулировать относительно краткую, но достаточно полную трактовку понятия «время»:

Время — это сосчитанная или прочувствованная, а затем и понятая наблюдателем длительность и последовательность событий.

1. Бич А. Физическая сущность времени. — К.: Логос, 1998. — 192 с.;
2. Бич А. Природа времени. — К.: Актуальная освіта, 200. — 270 с.; 3. Бич А. Природа времени. — 2-е изд. — М.: АСТ Астрель, 2002. — 286 с.;
4. Бич А. Основы теории времени. — К.: Знання України, 2005. — 115 с.;
5. Бич А. Паранормальные явления: попытка осознания. — К., 2009. — 433 с.;
6. Эйнштейн А. Собр. науч. трудов: в 4т — М.: Наука, 1965. — Т.1. С. 7-35, 76; Т.2. С. 5-82; Т.4. С. 279, 280; 7. Молчанов Ю. Четыре концепции времени в философии и физике. — М.: Наука, 1997. — 192 с.;
8. Чернин А. Физика времени. — М.: Наука, 1987, С.59, 60, 73-97, 205-217; 9. Мазурин Ю. Что такое время, или призрачные владения царя Хроноса // Этика и наука будущего Феномен времени. — М.: Издатель: Благотворительный фонд «Дельфис», 2004, С. 82-87; 10. Эйнштейн А. Собр. науч. трудов: в 4т — М.: Наука, 1965. — Т.1. С. 7-35, 76; Т.2. С. 5-82; Т.4. С. 279, 280; 11. Бич А. Физическая сущность времени // Указ. твір.;
12. Бич А. Природа времени // Указ. твір.;
13. Бич А. Природа времени. — 2-е изд // Указ. твір.;
14. Бич А. Основы теории времени // Указ. твір.;
15. Хокинг С. Краткая история времени. — М.: Мир, 1990. 268 с.;
16. Бич А. Природа времени. — 2-е изд // Указ. твір.;
17. Бич А. Основы теории времени // Указ. твір.;
18. Бич А. Природа времени. — 2-е изд // Указ. твір.;
19. Бич А. Основы теории времени // Указ. твір.;
20. Бич А. Природа времени. — 2-е изд // Указ. твір.;
21. Бич А. Основы теории времени // Указ. твір.;
22. Цуканов Б. Время в психике человека. — Одесса: Астро-принт, 2000. — 217 с.;
23. Там само.

КИЇВСЬКИЙ НАЦІОНАЛЬНИЙ УНІВЕРСИТЕТ
ІМЕНІ ТАРАСА ШЕВЧЕНКА

**ЧАС
У ДЗЕРКАЛІ НАУКИ**

СПЕЦІАЛЬНИЙ ВИПУСК ЗБІРНИКА НАУКОВИХ ПРАЦЬ
«ГУМАНІТАРНІ СТУДІЇ»

Частина 1

**Видано за сприяння російської
науково-освітньої установи ІрлЄМ
(Інститут Ритмології Євдокії Марченко)**